

Антология
русскоязычной
литературы
Прикарпатья

Т К А Н Ь

ЛАНДШАФТ

А н т о л о г и я
р у с с к о я з ы ч н о й
л и т е р а т у р ы
П р и к а р п а т ь я

2 0 0 3

ББК 84(4Рус)6+83.3(4Рус)+83.07
Т 48

Издание осуществлено под патронатом **ЗАО «ЛУКОР»**
по инициативе **Русской общины Ивано-Франковской области.**

Рабочая группа проекта
Антологии русскоязычной литературы Прикарпатья
«Ткань и ландшафт»:

- Владимир Ешкилев** – главный редактор проекта, автор концепции, составитель раздела «Проза и эссеистика»;
- Александр Волков** – ответственный распорядитель проекта;
- Владимир Чернявский** – художник проекта;
- Олег Гуцуляк** – автор базовой идеи, редактор и составитель разделов «Поэзия», «Переводы», «Авторская песня»;
- Игорь Козлик** – редактор проекта и составитель раздела «Филология плюс»;
- Игорь Третьяк** – издатель.

В оформлении издания использованы работы Владимира Чернявского «Метафизическая дверь», «Плерома-2», «Разрыв», «Объект №11», «Объект №17» и «Объект №23».

ISBN 966-8207-07-6

- © В. Л. Ешкилев, предисловие, концепция, составление и общая редакция, 2003
© В. В. Чернявский, художественное оформление, 2003
© О. Б. Гуцуляк, базовая идея, составление и редактирование, 2003
© И. В. Козлик, составление и редактирование, 2003

Отпечатано с готовых диапозитивов
ООО «Мастіг»
79039, г. Львов, ул. Луцького, 28
тел./факс: (032) 233-62-74, 99-11-78

О Т С О С Т А В И Т Е Л Е Й

Замысел создания Антологии русскоязычной литературы Прикарпатья возник ещё в 1996 году. Русская община Ивано-Франковской области, которой бесценно, с момента основания, руководит **Александр Волков**, выступила с инициативой издательского проекта, в котором были бы задействованы наши земляки, неравнодушные к русской словесности. Примерно тогда же в Черновцах тамошняя Русская община издала весьма симпатичную антологию русскоязычной поэзии Буковины. Писатель **Олег Гуцуляк** предложил Совету Русской общины уже частично собранный им по собственной инициативе материал как основу подобного издания для Прикарпатья. Начались многолетние поиски спонсоров и попечителей проекта. Пока поиски шли, было решено использовать имеющуюся базу данных для серии газетных публикаций.

С 1998 года **Олег Гуцуляк** стал вести поэтическую рубрику русской поэзии Прикарпатья сначала в газете «Наша справа», а потом в «Прикарпатской правде», редактор которой **Богдан Федькив** любезно предоставил страницы своего еженедельника для литературных опытов составителей и авторов будущей Антологии. За пять лет увидели свет десятки аннотированных поэтических подборок прикарпатских авторов, пишущих по-русски. Так на газетных страницах формировался авторский состав Антологии, определялись её структура, содержание, стиль.

Тем временем на Прикарпатья пришёл крупный бизнес, основанный на российских капиталах. В 2000–2001 гг. на базе химического концерна «Ориана» в г. Калуше было создано Закрытое акционерное общество «ЛУКОР». В 2002 году, провозглашённом Годом Украины в России, его генеральный директор **Сергей Чмыхалов** и староста Русской общины Ивано-Франковской области **Александр Волков** при активном содействии губернатора области **Михайла Вышиванюка** подписали договор о шефстве ЗАО «ЛУКОР» над общиной. А 16 апреля 2003 года Наблюдательный Совет ЗАО под председательством **Алексея Смирнова**, председателя правления ООО «ЛУКОЙЛ-Нефтехим», утвердил договор об издании под патронатом «ЛУКОРА» Антологии русскоязычной литературы Прикарпатья «Ткань и Ландшафт». Главным редактором был назван автор концепции Антологии, писатель и культуролог **Владимир Ешкилев**. Ответственным за художественное оформление проекта стал академик Римской академии современного искусства **Владимир Чернявский**. Раздел «Филология плюс» Антологии был поручен кандидату филологических наук, доценту Прикарпатского университета имени Василя Стефаника **Игорю Козлику**, а полиграфическое исполнение Антологии – издательству «Гостиниць» (директор **Игорь Третьяк**).

Издание посвящено Году Российской Федерации в Украине.

Составители выражают искреннюю благодарность всем, кто способствовал выходу в свет настоящего издания, и авторам, предоставившим для него свои тексты.

Михаил Васильевич Вышиванюк —
глава Ивано-Франковской
областной государственной администрации

Алексей Сергеевич Смирнов —
председатель Правления компании "ЛУКОЙЛ-НЕФТЕХИМ",
председатель Наблюдательного совета ЗАО "ЛУКОР"

Рабочая группа проекта «Ткань и Ландшафт».
Сидит Александр Волков, стоят (слева направо): Владимир Чернявский, Игорь Козлик,
Олег Гуцуляк, Игорь Третьяк, Владимир Ешкилев.

Так повелось, что большинство людей с детства втягивается в игры различения и отбора. «Тут красные кубики поставим, тут – синие, а пирамидки – отдельно», – говорит ребёнок, возводя бастионы и башни игрушечной крепости, и, незаметно для себя, приобщается к древнейшим ритуалам сознания, которые современные философы определяют как «техники различения». Составители литературных сборников, хрестоматий и антологий занимаются, в общем-то, тем же. Правда, в отличие от ребёнка с кубиками, их усилия направлены на достижение неких – порой довольно претенциозных – культурных и общественных значимостей. Это вполне взрослые игры. Иногда в них играют на площадках чистой эстетики, иногда – на поле научно-исследовательской практики. Одна из таких игр литературоведческого различения, представленная в *Антологии русскоязычной литературы Прикарпатья*, получила название «Ткань и Ландшафт». Кто-нибудь из особо дотошных читателей заметит, что в тени подобного названия непременно натолкнёшься на *пенел и мёд*, «*Force et signification*» живого классика постструктурализма. Возможно что и так. Тени всегда скрывают чудовищ.

Отбор текстов в Антологию «Ткань и Ландшафт» проводился, как несложно догадаться, по двум основным критериям: языковому и географическому. При этом «география» понималась расширительно (как совокупная приобщённость к текстовой ткани Прикарпатья). Редакторы Антологии также сознательно ограничили разумным минимумом квалификационную состоятельность текстов. Мы условились не придирается к стилистическим умениям авторов. Ведь главное в антологии – это **семантическое наличие**. Соответственно, литредактирование было также сведено, в общем и целом, к соблюдению норм русского языка.

Безусловно, часть из помещённого в Антологии может быть определена как раздражительные опыты. Однако литературная карта русскоязычного письма на Прикарпатье была бы неполной без «низовых» попыток художественности, сознательных и невольных цитирований. Ткань в этом случае утратила бы часть плетения, узлов и узоров, что было бы крайне нежелательно с точки зрения редакторов-составителей. Да и столь презируемая эстетам графомания является лишь техникой житейского осуществления, процедурой *выбалтывания*, начертательным ритуалом освобождения себя от слов. От тех слов, которых по причине их специфической тяжести (колкости, лёгкости, щёлочности, ясности, инфернальности и т.д.) не выдерживают файлы авторского сознания. В этом процессе присутствуют известные парадоксы культурного позитива. О них ещё в позапрошлом веке напоминал читателям «Заратустры» Ницше: «Меня освежает болтовня: там, где болтают, мир уже простирается передо мною,

как цветущий сад». А кроме того, постмодерная установка и вовсе выводит проблему литературного качества за скобки актуальной нарратологии.

Размеченный разделами Антологии Сад Выговорённый, в котором тихо прорастает трава культурной памяти и стелятся заросли лирической метафизики, высажен не в пустоте. Его корни углублены в конкретную почву, состоящую из петербургско-московской книжности и живого Ландшафта украинского языка, преобладающего на Прикарпатье. Без учёта **ландшафтной среды** обитания представленной в Антологии русскоязычной литературы источники её специфики останутся непроявленными. Как заметил в своё время российский почвенник Феликс Разумовский: «Художественное наследие, вырванное из пространственного контекста, лишённое пейзажа, представляет собой уже не летопись, а лишь разрозненные страницы некогда единого повествования».

Панорама Ландшафта в последние полвека была своеобразной, динамичной и – в исторической ретроспективе – не лишённой конфликтных изводов. Официальное употребление оригинального варианта украинского языка, бытовавшего в Галичине до 1944-го года, было упразднено административными мерами. Его вытеснил из образования и литературы в устную речь («в чистый Логос», – сказал бы Деррида) нормативный украинский язык, семантическая ткань которого, как известно, формировалась далеко от Карпатских предгорий – в черниговско-полтавском регионе. Это создало ситуацию неравноправной соревновательности двух семантических субпространств. Она усложнила Ландшафт и сделала возможным осуществление в галицийской литературе интересных языковых игр и экспериментов.

Так, в 90-х годах прошлого века именно тут была предпринята попытка перекодировать украинскую литературную традицию в постмодернистическом формате и тем избавить современную украинскую словесность от вековых вериг народничества. В текущей критике она известна как «станиславский феномен». Игорь Клех из московского далёка увидел это явление так: «...В Ивано-Франковске, сравнительно с прежними временами, завелась гуманитарная культура. Небольшая, по своей. В литературе же оставившая далеко в арьергарде не только Львов, но, в некотором отношении, и Киев. Несколько обитающих здесь и пишущих людей объединились, начертали на своём знамени слова «Постмодернизм» и «Центральная Европа», построились «свиньёй», как тевтоны, и проложили себе в рухлом корпусе украинской словесности путь к читающей публике».

Не столь уж и отдалённые отзвуки этих «подвижек рельефа» можно найти и в русскоязычных текстах «Ткани и Ландшафта», например, в поэзии Юрия Султана, Александра Химченко, Натальи Асатурян, Ярослава Коземчука. Не удивительно. Антологии – это ещё и, так сказать, «текстовые машины», выбирающие из общего нечто «особое» по признаку актуальности. Среди «особого» есть и метафизические следы сферы обитания, и провинциальные «провисания» письменной речи, преодолеваемые уже не литературой, а криком. Пускай в этом нет изыска и стильности, зато есть новое, молодое дыхание и радужная оптика необстрелянных новобранцев Слова.

Она чуждается языкового расширения, но редко теряет дистанцию между объектом и чувственным означением оного.

В этом «особом» Ткань, как представляется, имеет метафизическое преимущество над Ландшафтом. Ведь носители коренного языка обязательно связаны со средой его изначального бытийствования, с диалектными ресурсами местности, которые воспринимаются ими «изнутри», в качестве родного, неотчуждаемого и доопытного мира. Те же, кому язык был дан не в ландшафтной колыбели, а в режиме «удалённого доступа», могут рассматривать своё языковое поле как конструкт, как область приложения преимущественно технических приёмов работы с письмом и речью. Примеры такого технологического меседжа наблюдаем в текстах Елены Проданюк, Марины Аркатовой, Владимира Канюса, Игоря Козлика и других авторов, представленных в антологии. Для понимания механизма подобного способа актуализации (и более широком контексте русской словесности вообще) можно вспомнить, например, моду на поэтику Иосифа Бродского в русскоязычной литературе республик СССР конца 80-х – начала 90-х годов, по масштабу сравнимую разве что с «модой на Элиота» в англоязычных литературах после Второй мировой войны. Тогда разработанные Нобелевским лауреатом-87 свежие стихотворные конструкции размножились по всем сборникам и подборкам киевских, харьковских, минских – и несть им числа – островов, укрявищ и весей русскоязычной литературы. И тем вывели литературные провинции из двадцатилетней спячки.

Текстовая Ткань, таким образом, способна (да простят мне тавтологию) к особому культурному обособлению.

Один из крупнейших русских филологов XX века Вячеслав Всеволодович Иванов заметил как-то: «Холодным культурам память пужна для того, чтобы сохранять лица священных текстов в неизменном виде, горячим – для того, чтобы избежать повторения сделанного раньше». Помещённая в среду обитания украинских семантических практик (причём весьма динамичных) русскоязычная литература Прикарпатья (Ткань) определяется культурно более холодной, чем Ландшафт. И охранительная её составляющая заметнее поисковой и творческой. И дело тут, как представляется теперь, не в социально-исторической конъюнктуре. Ведь каждая стратегия «набрасывания» Ткани на Ландшафт может быть, при минимальных усилиях заинтересованных интеллектуальных сил, прокомментирована как культурная, знаково-семантическая или метафизическая колонизация. Гораздо важнее присутствие «синдрома диаспоры», сквозное чувство удалённости от материка той культуры, которую привык полагать родной, означающей координаты «своего» и отделяющей это «свое» от «чужого». Написал же когда-то Ролан Барт: «Подлинным Домом человека является язык». В этом контексте «синдром диаспоры» рискует легко превратиться в «синдром бездомности», а это уже *грамматологическая травма*, требующая структуральной клиники доктора Фуко.

Отсюда то внимание к хрестоматийному прошлому, к классическим образцам русской литературы (особенно поэзии), которое неизменно присутствует в текстах Антологии. Источником этого внимания и есть отмеченная выше охранительная

составляющая Ткани. Именно она переводит поисковый курсор автора с творческого эксперимента на благоговение перед *историческим величием* русской литературы. Именно историческим, так как в представленных текстах, за редким исключением, нет отблесков новейшей литературы России. Кто-то консервативный скажет: «Оно к лучшему...».

Естественно, что каждый выбирает из необъятного текстового наследия то, что ему ближе и дороже. Возьмём для примера раздел «Поэзия». Генриетте Наконечной и Любови Зориной, судя по всему, близки поэтика Друниной и советские песни 50–60-х годов, Александру Чулкову – Мандельштам и Вознесенский, Юрию Султанову и Владимиру Каниусу – эксперименты московских поэтов 70–80-х, Стефании Шкандрий – богоискательская и духовная поэзия предреволюционной эпохи. В стихах Натальи Асатурян можно найти влияния ранних метафористов, у Олега Гуцуляка чувствуется равнодушие к творчеству Волошина и Гумилёва. И, конечно же, приснопамятный А. С. скрывается за текстовым занавесом доброго десятка поэтов нашей Антологии. В этих пёстрых отголосках различных литературных эпох – беглая прелесть книжного послесмертия, одно из окон в лабораторию вечности.

Ещё один аспект удалённости: «школьное» восприятие Людми Ткани корпуса русской литературы в качестве неприкосновенной культурной универсалии. Отсюда – отчуждение части авторов от творческой работы с языком, невостребованность диалектных, сленговых, суржиковых, деривативных и прочих ресурсов живого русского языка, как «материкового», так и пребывающего в постоянном контакте с украиноязычным Ландшафтом. А тем временем в украинских городах уже давно возникла особая мультилингварная молодёжная субкультура, достойная литературной фиксации. В урбанистической среде идёт активный синтез местных «городских» диалектов, книжного русского языка и англо-американского телесленга (смесь, напоминающая «язык двадцать первого века», разработанный для «Голубого сала» Владимиром Сорокиным). Будем надеяться, что молодые участники Антологии поднимут эти семантические пласты в будущем.

Некоторые трудности возникли у составителей при окончательном определении структуры Антологии. В итоге решено было объединить прозу с эссеистикой, литературоведение – с критикой, выделить на *правах приложения* раздел «Авторская песня», а также поместить в раздел «Переводы» соответствующие опыты Олега Гуцуляка, Яна Измайловского и Ольги Цивкач. При этом составители сознательно оставили за рамками Антологии многочисленные переводы украинских писателей Галичины на русский, сделанные за пределами Прикарпатья. Эти переводы, по нашему мнению, достойны отдельного сборника. Полагаю также, что читателям «Ткани и Ландшафта» понятны причины количественного преобладания поэтических текстов. Источники такой «пестерпимой лёгкости» стихосложения, как известно, скрываются в расхожих стереотипах самодельной литературы.

Особо стоит сказать о разделе «Филология плюс». Помещённые в нём статьи написаны последователями различных научных школ, с разным опытом критического осмысления литературы, её истории и современного состояния. Это также

неотъемлемая часть пестроты Сада Выговорённого. Разнообразие тут не становится синонимом эклектики: различие стилей и подходов даёт скорее эффект отраслевой «томографии», объёмного чувствования сложнейших процессов развития вербальной культуры. Высокую планку такого чувствования задаёт присутствие в Антологии патриарха прикарпатского литературоведения профессора Марка Теплинского, чьи труды по праву принадлежат классическому корпусу русистики.

Конечно же, Антология не претендует на каноничность и всеохватность номенклатурного, академического или концептуалистского толка. Её появление – это, прежде всего, попытка осветить то культурное поле, которое по тем или иным причинам долго оставалось в тени. Составители смеют надеяться, что она оказалась небезуспешной.

Владимир Ешкилев

п

о

э

з

и

я

ИГОРЬ АНДРУСЯК

Родился в 1971 г. в Ивано-Франковске, окончил филологический факультет Прикарпатского университета им. В. Стефаника. Работает в издательских структурах.

□□□

Кто мне дороже?
Ты мне дороже.
Взгляд твой тревожный
Чувства стреножил.
Нету стремлений.
Нету желаний.
В сердце направлен
Взгляд оловянный.
Да, я упрямый,
Да, я жестокий.
Светит огнями
Небо с востока.

□□□

Я – придворный поэт.
Я – испит.
Я – испет.
Я – устал.
Красота
не терзает меня,
опьяняя
всех других.
Но ударит под дых,
если я захочу
хоть бы капельку чувств
для себя...
Я молчу,
теребя свой цинизм,
Вдох – и вниз.

И – на дно.
Мне дано
о любви написать.
Прокричать...
Не печать
так заметна на мне.
Я зову,
и...
Но – нет.
Не найти понимания.
Званьё...

ВСЕГО ЛИШЬ

Глаза устремлю на предмет, недостойный внимания.
И внемлю ему, недостойному, как божеству.
И это не бред, не болезнь, не безумство, не мания.
Без этого просто не жить моему естеству.
Он мал, но воздвиг постамент и на нём возвышается.
И странная робость приходит при виде его.
Он может позволить себе и капризы и шалости.
Внутри – падший ангел. Но с виду – само божество.
От мира он привык получать только почести.
Не зная, что в них затаилась рока печать.
Я видел, как плакал он, жалкий в своём одиночестве.
Но гордость – ненужнейший грех! – отогнала печаль.
Вполголоса молвить желаю: твой взор опечаленный
ко мне обрати. Я сумел бы подняться с тобой.
Во мне ведь не бред, не болезнь, не безумство, не мания.
Ты – женщина просто. А бред мой – всего лишь любовь.

НАТАЛЬЯ АСАТУРЯН

□□□

Ведь я даже не помню, где скважина
в дверце заветной.
Снободa – это понятие ненадёжное.
Вроде цвета.
(Я люблю синий), но отражение –
это иллюзия, это
вольная воля в пределах физики тела и света.

□□□

Кот Эрлин – крадучись – воспоминание
Растворяется плоть сознания
Возраст кукол теряет отметины
Впереди ещё треть столетия
Я могу превратиться в бабочку
Я могу обнимать свою бабушку
(девочка должна быть бедовой)
Абрикосов ковёр медовый

Родилась в Кременчуге Полтавской обл. Выросла в Ивано-Франковске. Окончила филологический факультет Киевского университета им. Т. Шевченко. Уже более десяти лет работает в Ивано-Франковском отделении Гостелерадиокомпании ведущей программ областного радио.

□□□

Нам тяжело распутать корневища,
Протяжный звук сигналит о печали,
Квадраты света падают на днище,
Нырять в прорубь. Скоро мы отчалим.
Мы ловим жесты, трансформируя их в знаки,
Жертвенный Агнец превращается в овечку,
Мы попадаем в сети Зодиака,
Но мы сквозь строй небес угадываем встречу.
О нас молчит вода, что зеркала и тени
Соединила и наполнила мерцаньем.
Восходит тихий свет на миг оцепененья,
Но он невидим нам и посланный Отца нем...

НАТАЛИЯ БАБЕНКО

□□□

Каждый шаг по земле – боль,
Каждый вздох, каждый взгляд – стыд.
Совершенство! Ты не со мной,
Не тобою мой мир обжит.
Перехожены все ходы.
Перетоптаны все слова.
Не завить бы на все лады,
От гордыни сойдя с ума.

□□□

Тут я живу. Это мой дом.
Мне холодно бывает в нём.
Любови мимо два крыла
Жизнь незаметно отвела.
И с каждым уходящим днём
(От зрячести до слепоты)
С зеркал пыль сдуем – и сотрём
Крыл голубиные черты.

Родилась в Ивано-Франковске в 1972 году. Закончила медицинскую академию, получив ученую степень магистра, училась в аспирантуре. Занималась научной работой в университетах Ирландии и Германии. Наташа любила и знала классическую и современную музыку и литературу, талантливо рисовала, пела, сама сочиняла песни. Трагически погибла 30 апреля 2001 года.

□□□

В моём доме не призрачным путям
Пересекаться в поисках добра.
В глубины заглянуть не зеркалам
И не луну искать в окне с утра.

Сомкнув в упрямое кольцо
Все чёрточки у губ и горечь глаз.
Тонуть. И чтоб совсем никто
Не мог мне протянуть отказ.

ПОБЕДИТЕЛЮ

Луч последний –
 Последней нотой в романс.
В день осенний
 Пыля умчался дилижанс.
Мы сидели
 У края пропасти вдали.
Шли недели –
 Всё изменить мы не могли.
Нам оставалось
 Лишь дочитать последний лист.
Такая малость,
 Но миг, как маятник, завис.
И ожидалось
 От нас решительных идей,
А мы тянули, –
 И всё ушло в осенний день.

КЁЛЬНСКИЙ СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ РОМАН ИЛИ ОДИНОЧЕСТВО

Сирена вспарывала плотную тень Собора,
Завалившегося набок перед закатом солнца.
Неотложка была вызвана беззаботным юнцом,
Пробегавшим мимо, по сотовому телефону.
У подножия храма толпа нарастала снежным комом.
Торопились по расписанию к вокзалу
Уходящие, приходящие, проходящие поезда...
И всем так некстати мешала
Продирающаяся сквозь шпильки к Богу,
Тоже по расписанию, но одна-единственная душа.
Наискось в прокуренном скверике ожидания,
Где клёны, вырастающие сигаретами в небо,
Вместо листьев сбрасывают рыжий пепел,
Металась девушка с глазами Клеопатры
И с пропитым лицом,
Как у того, над кем рыдала сирена.

ЛЮБЛЮ

Люблю, когда уставшие от зноя
Деревья медленно готовятся ко сну,
Люблю уют осеннего покоя,
Стук осторожных капель по стеклу,
И глубину синеющего неба,
И ярко-жёлтый лист на мостовой,
И ветра шум, и запах тёплый хлеба,
И гомон птиц на улице пустой.
Люблю осенний дождь, холодный, скучный,
Белеющую инеем траву,
И листьев золотых дымящиеся кучи,
И просто осени седую тишину.

ТЕАТР

Таёт головокруженье,
День безумный позади,
Тесно сердцу от волненья
В полной радости груди.

Тихо-тихо оживает
Декораций старый холст,
Там, за занавесом алым –
Мириады ярких звезд.

Первый шаг с трудом дается,
Исчезает страх и боль,
Свет и мир в одно сольются –
Где тут жизнь, а где тут роль?

Зал и сцена, тьма и лица...
Сердце сердцу бьется в такт;
Вечер вечностью продлится –
Жизни будничной антракт...

□□□

В дождь осенний, будто плача,
Листья падают украдкой
На покинутые дачи,
Мокнут в лужах, тонут в кадках.
Ими вытканы дорожки,
Позолочены тропинки,...
Ближе к печкам жмутся кошки,
Рвутся в каплях паутинки.
И смущенное от мысли,
Что одето не по моде,
Пугало считает листья
Одиноко в огороде.
А они несутся с ветром
Мимо кошек, мимо кадок,
Покидая сад заветный,
Застревая между грядок.

□□□

Гравюры старой хрупкие штрихи
Пленяют вновь игрой теней и света,
Прекрасен лик влюбленного поэта,
И боль, и страсть сковавшего в стихи.
Для них, как для беспечной высоты,
Неведомы преграды и оковы;
Я знаю, почему мне так знакомы
Лица изображенного черты.
Случилось так, – как адские ключи
Меж нами зим и лет – четыре века,
Твой тихий вздох теперь – паденье снега,
А взгляд остался в пламени свечи.
И вот тобой не завершен сонет,
И в поисках единственного слова,
Покой теряя, повторяю снова:
Вернись, вернись, возлюбленный поэт!

□□□

Заклинай Единорога:
Цель заветная близка;
Бесконечная дорога,
Под ногами скрип песка.

Не седеет конский волос,
Тёмен бархат милых глаз;
Спой со мною голос в голос
И Господь не бросит нас.

На дороге не гадают,
Так оставь же свой пасьянс;
Слышишь, кто-то нам играет
Менуэт и контраданс.

В дождь и полночь перед нами –
Яркий юности венец,
И за синими лесами
Ждет нас солнечный дворец.

Родился в 1941 г. в Баку (Азербайджан). Инженер-строитель. Закончил Консерваторию им. Узеира Гаджибекова. Проживает в Ивано-Франковске. Стихи печатал в украинской и азербайджанской периодике.

ДАНИИЛ БЕЛОДУБРОВСКИЙ

МОЙ БАКУ

Баку, Баку – ручей моих ты строчек,
С тобой встречаю золотой рассвет,
В тебе одном – от запятой до точек,
Всех дней моих чудесный многоцвет.
Пусть биография моя не броска.
В ней место есть для детства и семьи.
В ней лабиринты улочек, киоски
И крепость, и великий Низами.
Ты освещаешь
жизнь мне ярким светом,
Пленяешь благородством, добротой,
Как хорошо, родной Баку, с тобой!
И не захочешь – станешь здесь поэтом...

ВАДИМ ВОЛКОВ

РОДИНА ЖИТЬ

Как ни крути, пальцем виска не протрешь;
Выстрелом – интереснее, но ни к чему –
Печься на вечном огне. А послушай, еж,
Я ведь люблю тебя, вот ведь, смешно самому.
Просто какой-то придурок-амур стрельнул
В самое сердце, эдакий херувим!
Знаешь, а что, если вынуть его стрелу?
Все-таки можно, пожалуй, остаться живым.
Можно, да коротки руки, тонка кишка.
Проще любить то, что рядом, чем то, чего нет.
Бабушкин чайник, окна в капитаны, шкаф
С книгами; и до старости – десять лет.
Еж, это Родина, этого не избежать.
Сумерки, ветер, листья летят, летят.
Вечный Огонь. Греются три бомжа.
Ёж, это тот, Великим что был, октябрь.
Это – всерьёз, и надолго. Гляди, облака
Вот-вот погаснут, солще уже легло.
Я не волшебник. Все, что в моих руках –
Это твоя ладошка. И мне тепло.

Родился в 1974 г. в Черновцах. Поэт. Школьные годы провёл в Ивано-Франковске. Окончил фармацевтический факультет и аспирантуру Украинской фармацевтической академии (Харьков). Автор книги «Heroica» (1991) и сборников «Остров Крыша» (1991), «Мысли и песни» (1991), «Звезды в лужах» (1992), «В ночь на сегодня» (1992), «Решка» (1993), «Берег Неба» (1993), «Руки» (1994), «Хлорофил» (1995). Соавтор харьковского альманаха «Северо-Восток» (1998). Лауреат фестивалей поэзии и авторской песни «Эсхар» и «Майдан», конкурса «Молода поезія – 95». Один из наиболее известных современных русскоязычных поэтов Украины. Произведения В. Волкова размещены на сайтах www.users.g.com.ua, www.friends-partners.org. Представленные в подборке стихотворения печатались в журнале «Крещатик» (№2(16), 2002).

ПЛОЩАДЬ ПОЭЗИИ

В магазине «Поэзия» – проза и канцтовары.
Деревца и заборы размечены местными псами,
Воробьями – листва, скамейки – зеленой рванью.
Был бы занят слабей – зависал бы и сам здесь часами.
Неприменно один, чтобы выверить и соразмерить
План на завтра и планы на жизнь, исходя из отпущенного.
...В ноябре здесь уже ни собак, ни листвы, ни скамеек.
Выпал снег. Детвора забросала снежками бюст Пушкина.

ЭЛЕГИЯ

Небо синее, как купорос.
Солнце в закате – медь.
Медленный вечер к зрачкам прирос,
Сияясь окаменеть.
Тени греются на песке.
Ты выходишь во двор.
Ты – богиня. В твоей руке –
Мусорное ведро.
Через час ты отправишься спать,
И всю ночь напролёт
На помойке будет орать
Дикий влюблённый кот.
Тень пробежала по волосам.
Илом дохнуло с реки.
Солнце, как в воду, упало в глаза.
Под глазами – круги.

НОКТЮРН

Нервные линии медленных улиц,
Лежа во мгле, разбивались о ноги.
Впалые, тусклые окна тянулись
Мимо, а мы – как бродяги и боги –
Чёрную влагу недавнего ливня
Жадно глотали, по лужам и ямам
Шли – бесконечно, легко и счастливо,
Пели навзрыд, целовались без срама.
Свет на губах. И в минутном испуге
Терпи слова и немели колени.
Молча – слепые, холодные руки.
Рядом – дрожащие мокрые тени.

□□□

Заплесневелый хлеб
И выплеснутый чай
На брошенном столе
Остались невзначай
Бессонно коротать
Излуния ночей,
И к окнам прирастать,
Не находя ключей,
И знать, что не вернуть,
И ждать, когда сюда
Вернётся – кто-нибудь –
Остаться навсегда.

ЗДЕСЬ СЕЙЧАС

были времена
верно
нету но
есть ещё время
наверно
это
время на часть жизни
время начать жизнь
с лета
но на часах
осень
и в небесах
восемь
и верится
то ли в тот свет
то ли в этот
рассвет

СОБАКА ДИОГЕН

Я собака Диоген, моя родина – остров Крыша.
Я вошёл в этот мир без стука, меня не звали.
Тихо радуюсь жизни, уродливый и бесстыжий,
На пороге беснутья, у подножья развалин
Безнадёжного века, я здесь, словно кокк в агаре,
Созерцаю его с развесёлой покорностью психа.
И когда на улицах каждой твари по паре,
Потому что весна, – я один и доволен дико.

НЕ ВЕЩАМИ, А СЛОВАМИ

У людей за пазухой камень, змея или крестик,
у Христа – вероятно я, поскольку чем меньше
Мы имеем от жизни, тем меньше хотим, и если
Не иметь ничего, то слова замещают вещи.

Исковеркивая поговорку – non rebus, sed verbis.
Хотя в принципе есть и жильё, и заначка денег,
И огромное солнце (моё!), и буханка хлеба;
И дожди, – я суставами знаю их за неделю.

Я писал поэмы по стеклу пенопластом,
Как на ветер бросал – трепыхалось каждое слово!
Мне мечталось не раз – по приколу или на счастье –
Над какой-нибудь дверью повеситься вместо подковы.

Ни жалеть, ни желать, спасибо за всё, что было,
И большое спасибо, что этого больше не будет.
Я любил только старых, бедных и некрасивых.
Я узнал, что глаза затем предназначены людям,

Чтобы ими смотрели, что роза красивей живою,
И что жизнь – это больше, чем глупое кувырканье
Из исходного положенья «вперёд головою»
В безысходное положенье «вперёд ногами».

Мне известно больше, чем всё, о природе предметов.
Я сорил деньгами – чтоб было куда возвратиться,
Но ни разу не возвращался – плохая примета.
Моя родина – ветер в кармане и пыль на ботинках.

Я носил её всюду. Проще сказать – бомжище.
Я берёг её пуще реликвий или религий.
И ещё. Я не оставлял недоеденной пищу,
Закрытыми окна и открытыми книги.

ВЕКТОР

Оттуда, где двери вразлёт,
Где замочные скважины бьют ключами,
Где осмеяна смерть, где разменяна жизнь мелочами,
Где прощение и покаяние стало грехом,
Где без водки не выживешь, если не пишешь стихов,
Оттуда, где трубный оркестр изрыгает туш,
Где после дождя – радуга масляных луж,
Где даны только телецвета и радиозвуки,
Где любовь – это поп-звезда, что спилась от скуки, –

Туда, где сосуды дорог наливаются зноем,
Где летящее лето – вослед за лесной весною,
Где природою правит законов небесный свод,
Где глядит в облака расчленённая гладь вод,
Туда, где деревья вырастают кронами в ветер,
Где ты – только ты – запомнишь меня – этим,
Где высоковольтные струны поют в небесах,
Где утро – на каждом шагу, где роса – в глазах.

ГЕРБАРИЙ

Ты старше меня на осень,
На лес, обрывающий листья.
Нам выпало разделиться.
И славно, что баба с возу.

Попутных сменю на встречных.
Времени – хоть залейся!
Это похоже на вечность –
Тысячелистье леса.

Листья ржавели.
Листья сгорали.
Все пройдет.
Не верил.
Все прошло.
Не ввали.

МЕСТАМИ КРАТКОВРЕМЕННЫЕ ДОЖДИ, ГРОЗЫ

Горло горело жарче и жарче –
Полдень – хотелось пить.
Битый диск. Непослушные пальцы.
– Пи... пи...
– Здравствуй, мышонок. Сильно скучала?
– Нет. – Нет? – Нет.
Небо насупилось и закачалось.
Будто погас свет.

– Я заскочу, подождёшь, не так ли?
Она сказала: – Не так.
С неба упали первые капли:
Кап. Кап.

Он говорил: – Я прошу, останься.
Она отвечала: – Прощай.
Ветви бесились в бессильном танце.
Ветер крепчал.

Он ещё думал, что это шутка.
Думал, что это ложь.
Мокрый парк. Телефонная будка.
Дождь.

ПОВЕСТЬ ВЫЖЖЕННЫХ ЛЕТ

завтра опять будет больно
сегодня я знаю что завтра опять будет больно
философия жизни проста
если в небе окна – снег и ветер
заметёт следы
и никто не заметит
опечаток твоей строки на равнине листа
но наступит вечер
я забуду что свернут в бараний рог
и покажется – легче
и совсем наяву – оживёт замок
осыпая белые звездочки с мокрых уставших ног
ты взойдёшь на порог
здравствуй моя звезда
философия жизни проста
поцелуй меня
и я снова скажу тебе что
это всё пройдёт это всё фигня
милая се ля лайф
милая всё ол райт
ну а завтра опять будет больно
ничего не поделаешь завтра опять будет больно
ночи длинные
и дожить до весны – всё равно что сойти с ума
иногда снятся сны
и когда будит утро – в окне всё та же зима
и четыре стены
проштудированные до дыр
и кровать
привет
приговор – рассвет
нужно
терпеть
как ни досадно
я бы мог тебе спеть
только лучше не петь ладно
философия жизни проста
если завтра опять будет больно
если знаешь что завтра опять будет больно

ОСЕННЕЕ КОЛЫБЕЛЬНОЕ

Гаси телевизор – пришла
Пора кормить комаров.
Погода предрешена,
Полна молодых даров,
И спелые полутона –
В туманах ничьих костров,

Продлённых в нелетный слой
Оставленной высоты.
Листва шелестит золой.
По нашей листве следы.
С которыми по пути.
Которыми нам домой.

Туманы который час,
во мряке и мраке – ляг.
Крепчает любой маразм,
И зреет иней в полях.
И утро уже в дверях,
Но утро не сменит нас.

Спи, милая, ночь мудрена.
На сытый желудок сны
Тревожны, но сытым нам
Пророчества не страшны.
Не ты, так твоя страна
Возложит тебе в штаны.

Негоже её ругать
В остатки погожих дней.
По краям разлит Донец,
В него – наши кровь и гарь.
Стоят холода. О, не
Пытайся их избегать.

ГАММЕЛЬН

В свете веерного вырубания электричества
И ввиду непроглядной кромешности настоящего
Поминаешь занудную ложь языкатого ящика
И лелеешь свои зрачки в пустоте эти три часа,

В пустоте не соскучишься. Славно подслушать бузу жильцов!
Медвежатникам время трудиться, хакерам – трахаться,
Крысам – то и другое. Послушные дети боятся спать.
Темнота оголяет чутьё голосов и ужасов.

Притаись, и ты сможешь слышать, как соло на дудочке
Созовёт наших крыс, и детей наших выведет парами
Мимо чёрных провалов, в которых так тупо пропали мы,
Из чумных городов – в большое и светлое будущее.

МОЛЧАТЬ

До последнего дня –
Лето.
Выжиты им до дна.
Где же ты?
Где ты?
Где-то,
Холодна,
Голодна,
Одна.

Последняя сигарета
Догорела.
Теперь – тьма.
Последняя кассета
Отпета.
Теперь – тишь.

Мой крест – зима.
Моя голова – камыш.

СЕРГЕЙ ГАЛУШКО

Родился в 1974 г. в Донецке.
Окончил филологический факультет Прикарпатского университета им. В. Стефаника, издал книгу стихов «Миражи» (1995).

□□□

Задёрнута штора
И дверь на засов.
Бояться до вечера
Боя часов,
А после уснуть и
Парить над землёй.
Хоть долю секунды
Быть только собой!

Я умер для жизни.
Я счастлив во сне.
Часы в центре зала
Прибиты к стене.
Но времени ход
И динамику стрел
Никто в кандалы
Заковать не сумел.

Их можно сломать
Рукояткой меча.
Их можно ногою
Топтать сгоряча.
Но время бежит,
Независимо от
Того, кто и как
Его бремя несёт.

□□□

И бросив всё на произвол судьбы,
Отдав долги последним кредиторам,
Нрав непокорный ставлю на дыбы.
Устал просить – теперь я буду вором.
И пусть судьба на карточке в отделе
Начертана тупым карандашом.
И нет долгов, когда захлопнут двери
За мною – человеком-номерком.
И пусть в обрыв, долги отдам с лихвою.
Свободный, непокорный до конца,
В последний раз рискуя головою,
Невесту-смерть украв из-под венца.
И бросив всё на карнавал судьбы,
Отдав долги последним кредиторам,
Нрав непокорный ставлю на дыбы.
Устал просить – теперь я буду вором.

□□□

Кому еще могу я позвонить?
Визитки, как визиты неуклюжие.
Тем более, что дождь и всюду лужи.
Кому захочется по ним сейчас идти?..

Смешные хороводы невезенья:
За блажью пены бешеных суббот
Холодный кофе воскресенья
Тебе судьба учтиво подаёт.

О К С А Н А Г А Л Ь К О

□□□

Я захлопну дверь,
Закрою окно,
Чтоб сквозь щель не проникла нить...
Если хочешь, не верь,
Мне уже всё равно,
Что легендой осталась быть.

Англичане-дни
Бороздят свой путь,
Оставляя следы от ран.
Во Вчера не мани,
Ведь мираж не вернуть –
Шанс последний давно был дан.

Я на счастье с тобой
Не имею прав.
Глупо думать о том, чего нет...
И не спорю с судьбой,
Обуздав свой нрав,
Снова в руки беру кларнет.

Родилась в 1979 г. в г. Лермонтове Ставропольского края (Россия). В 2001 г. окончила филологический факультет Прикарпатского университета им. В. Стефаника. Печаталась в периодике.

ЗАВТРА

Завтра будет... день без света.
Желчь смешает в шутку краски.
Вот опять струна задета,
Не отречься вновь от маски.
Снова вихри злости взвоят,
Завопят, терзая душу –
Что с трудом молитвы строят,
Вмиг безжалостно разрушат.
Госпожа Гордыня в двери:
«Отдавай свои пожитки!»
Всё, во что, живя, ты верил,
Превратит в мир сладкий, жидкий...

□□□

Калейдоскоп без усталости верчу,
Меняя стёкол пёстрые узоры.
Среди множества один найти хочу,
Пускай, уродливый, с клеймом позора,
Утративший былую красоту,
С потухшими стекляшками-глазками,
Но чтобы затхлую развеял духоту
Пробившимися изредка лучами.

ОКСАНА ГОВЕРА-СВИСТЯК

Родилась в 1977 г. в Ивано-Франковске. Окончила филологический факультет Прикарпатского университета им. В. Стефаника. С 1992 г. публикуется в периодике. С 2001 г. работает начальником отдела по вопросам взаимодействия со СМИ и связям с общественностью облгосадминистрации.

□□□

Мы встретились неожиданно.
«Привет, ну как дела?» –
«Да так. А ты, Оксана?» –
«Живу, как и жила».
И всё, ни слова боле.
Как в море корабли.
Заглушим крик от боли,
Забудем о любви.
И – снова встреча! Будто
Всевышний, испытал,
Даёт ещё минуту
Вернуть, кого желал.

□□□

Не скучаю и не плачу – осень во дворе...
Смехом детским озадачу – не понять тебе.
Ни к чему мучений слёзы, если так решил.
С наступлением морозов ссору ты забыл.
Не тоскуй, не плачь, не надо,
Я сама приду:
Зимней ночью, в снегопаде,
В будущем году.

ЛЕОНИД ГОЛЬДШТЕЙН

СОЛДАТСКИЕ НОГИ

Своим ногам
с благодарностью посвящаю

Родился в 1919 г. в Харькове. Доктор медицинских наук, профессор. Прошёл всю войну. Занимал должности от младшего врача пехотного полка до начальника хирургического отделения полевого госпиталя. Был ранен, перенёс контузию. Награждён двумя орденами и 16 медалями. Много лет был заведующим кафедрой дерматологической и венерологической Ивано-Франковского медицинского института, автор более 250 научных работ, 5 монографий, 3 научно-популярных и 2 публицистических книг. Возглавлял на протяжении 15 лет Ивано-Франковское областное научное общество. Автор стихов и юмористических рассказов, которые печатались в периодике.

Если взять пути-дороги,
Что прошли бедвяти-ноги
По болотам и трясинам,
По высотам и низинам,
По тропинкам неизвестным,
Переулкам длинным, тесным,
Мимо липовых аллей,
Мимо сосен, тополей,
Мимо речек и прудов,
Мимо сёл и городов,
В зной и холод,
В лютый голод,
По ветру и против ветра –
Взять все эти километры,
На шаги их перемножить,
На часы усталой дрожи,
На уныния минуты
(Когда воля почему-то
Ослабевает на мгновенье),
На упрямое терпенье –
Поразмыслив, скажешь: «Бросьте!
Эти мышцы, эти кости
Не способны на такое,
Чтоб без отдыха, покоя
Всё ходить, ходить, ходить...
Этого не может быть!»

СКРИПКА

В опустевшем грязном доме,
Доме, брошенном врагом,
Я увидел на соломе
Скрипку с погнутым смычком.
И один боец небритый
Эту скрипку в руки взял
И в лесу перед ракитой
Нам Бетховена играл.
Будто с горестной улыбкой
Мы увидели во сне,
Что поёт и плачет скрипка
О любви и о весне.
И невольно каждый слёзы,
Каждый слёзы вытирал,
Будто юность, будто грёзы,
Будто счастье потерял.
Становились мы моложе,
Сам не знаю от чего,
И деревья будто тоже
Песне вторили его.
Потому что он, небритый,
Чудо-скрипку в руки взял.
И в лесу перед ракитой
Нам Бетховена играл.

АЛЕКСАНДР ГОРДОН

СТО ЛЕТ ОДИНОЧЕСТВА

Я открыл уходящие обликом тени
В бесконечную исповедь зла.
Среди тысяч поколений
Единицы святого добра.
Дверь, открытая настезь... Взгляните –
Между окнами встречного дня:
Люди – самый большой обвинитель;
Люди – вечная в мире вина.

Идеальная вечность сокрыта
Неизведанным обликом масс...
Сон проходит... И сердцем раскрытым
Жадно ищем созвучья в сердцах.

□□□

Открытость открывает свет:
в глазах твоих раздолье золотое.
И, кажется, не может быть покоя,
Когда мы вместе столько лет.

И я пишу тебе стихи
О наших чувствах и о жарком лете...
О бесконечностях на белом свете
На расстоянии твоей руки.

□□□

Мы завтра превратимся в тени
Застывших предков и времён,
И боль забытых поколений
Забьётся в чей-то дальний дом.

А там – такие же, но чище,
Не узнавая нас в лицо,
Не осознавшие величья
Творят истории кольцо.

Они не ведают, не знают,
Откуда боль, откуда свет.
Они так ясно понимают,
Что нас на свете нет...

□□□

Идёт по миру день,
Обычный день, прохожий,
Как будто чья-то тень
Всё топчется в прихожей.

И день стучится в дверь,
И в комнату заходит...
Прохожий этот день...
Придёт, потом уходит.

А жизнь вся с этих дней
Прохожих состоит.
И снова в эту дверь
С утра к тебе стучит.

РЕКВИЕМ

Дмитрию Кедрину

Во мне не угасает чей-то свет,
Оставленный как будто поневоле
Невыстраданной горечью и болью
Чужих непрожитых бессмертных лет.

Еще не высказан и не воспет
Мой идеал. Моя любовь и сила.
Лишь память безымянная застыла:
О ком – не ведомо. Лишь только след.

С годами ни конца, ни края нету
Какому-то извечному сюжету,
Беспечному творенью бытия.

И жизнь круговращение сама
Осуществляет, яростью полна,
И там – живые. Здесь – следы жития.

О Л Е Г Г У Ц У Л Я К

ПОСЛЕДНИЙ МИР

И родом из Томы, где как-то Овидий Назон
Слагал свои вирши для грязных варваров –
гетов

(иль готов? Кто их разберёт!). Тьма и стон
угрюмого моря. Без белых парусов – лето...

И кажется, будто сам выплыл корякой

Харон,

И голые кручи – бакланам, а для амулетов –
Ракушки, подарки Волны (из конюшни

Нептуну)...

И полка к Луне возведённая морда...

Всё – сны,

Всё «тишь-благодать», и достанется

будущим гуннам.

Арахна прядёт свою нить и гуляют челюсти

В морях-гобеленах, но заводях,

синих лагунах...

И тёплое тело уснувшей рабыни – жены.

ПАМЯТИ ИВАНА БУНИНА

Бродили тавро-скифы. Улыбалось

Им солнце в вышине – Богиня мира.

А на закате, как адепты пира

Богов с людьми, забудут про усталость.

Их – дикий танец. Страшен мыслей нрав.

Звериный стиль милее им и краше.

И жён свирепей нет на свете! Даже

Дым от костра – и тот из тайных трав...

Родился в 1969 г. в Ивано-Франковске. Закончил филологический факультет Прикарпатского университета им. В. Стефаника. Главный библиотекарь научной библиотеки этого же университета. Член Ассоциации украинских писателей (АУП) с 1997 г., литературный консультант Русской Общины Ивано-Франковской области. Автор книг стихов («Нумизматика ирея», 1996; «Птицы и лилии», 1999; «Восстание скифов», 2002; «Поэт и Тиамат», 2003) и прозы (роман «Адепт», 1995, 1997, в соавторстве с В. Ешкилевым, внесённый в список 25 лучших украинских художественных книг двадцатилетия в рейтинге киевского читательского клуба «Консилиум»). Печатался в антологиях «Начала» (1998), «Девяносты» (1998), «Возвращение демиургов» (1998), «Цех поэтов» (1999) и журналах. Один из авторов статей и глосс Малой украинской энциклопедии актуальной литературы (МУЭЛ) «Возвращение демиургов», главный редактор интернет-изданий «Золотой грифон: Культура и философия новых правых»

(<http://newright.il.if.ua>) и «Мезогейя: Премордиальная традиция в Украине» (<http://www.mesogaia.il.if.ua>). Секретарь, а затем сопредседатель Группы исследования основ изначальной традиции (Le Groupe de l'etude des bases de la tradition initiale), президент Прикарпатского Фан-клуба Mylene Farmer, член фондов Uexkull-Gesellschaft, Celtic Andecaves, Turanly Society.

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ ГУМИЛЁВА

...Винovat ли я в том,
что из камня любви
Вдруг явились и искра и пламень?
Владимир Сологуб

Мы разминулись во времени. Боги
Так пожелали, играя, и снами
Гиперборейцы сходятся к Бrame
Вместе молиться в начале дороги
Новой конкисты. Тираны и пламень
Нам не преграда, а золото века
Идолom нашим не станет. Нам Мекка –
Там, где Евразия точит о камень
Меч-кладенец, и где крест на горе,
Там, где валькирии войн – на коне,
Там, где Империи поступь, в огне
Где уничтожен гордыни наш грех.

КЛИНОК И ЧАША

Красавица, Луна взoшла, усни!
Пускай тебе приснятся сказки лета
Земель далёких. Сын Борея ветер
Их запах принесёт, и вспомнишь дни
Не наших поцелуев... Пусть и втайне
Останутся они, уйдя в просторы
Небытия, и время – очень скоро –
Задует свеч огонь иконы крайней
Во Храме Бессознательного. Пусть
Иль в помощь, иль в награду наши руки
Друг другу дарят благодать и буквы
Читают (тел писания), и грусть
Поэзии экстаза и лукроз...
Клинок и Чаша. Жар любви и визг,
И рвущийся к всевластью Василиск,
И глубина «Новых метаморфоз»...

ИСКАНИЯ ГРААЛЯ

Червлёный лев обвенчан с Бланшефлёр.
Искания Грааля в землях Девы
Завершены. Король – рыбак свой невод
(сей древний Нимврод) сбросил вновь в фиорд
Вольсунгов меч добыть из дна пучины,
Вонзённый в камень ассом. На «авось»
Его пытался Локи взять («Лосось»
С тех пор он назван), Нибелунгам сгинуть
Предрешиено судьбой. И в водах Рейна
Жена Этцеля и вдова Сигурда
Заклятьем охранила, и абсурдно
(пока века не свершены, фрейлейны
его хранят) пытаться в мир внести,
ведь всё равно утащат злые змеи –
так потерял цветок свой Прометеев
друг Гильгамеш, уставший на пути.

ФИЛОСОФИЯ ВСЕЕДИНСТВА

Где Дева Радужных Высот?
Где Красота Софии?
Где Облачных Путей Порог?
Где зреет Жизни Финик?
Где Осень Бытия? Где Сон
Египетской Пустыни?
Где пилигриму бить поклон?
И где любви Святыни
Нам возвести? Молчишь? Но знай –
Вселенная Едина.
Сокровищ встретит нас Синай
Из сказок бедуина
И обвенчает Слово. Здесь,
В душе – и думы, дело.
Да будет так отныне! Днесь
Восход над миром белым.

ГРААЛЬ

...Ищущий не сможет его найти.
...Искать не ища – в этом состоит тайна.
Рудольф Майер

Грааль не ищи. Будет время –
Он явится сам. С небес
Прибудут сонмы чудес
И сны миротворцев. Племя
Далёких ангелов здесь
Останется. Конь карноухий
Известие Деве из бухты
О милом прибытии весть
Внесёт. Его каравелла
Под алым парусом реет
Из Индии древней – Бомбея,
Калькутты базаров, их спелых
Фруктов, пряностей, слов
Священных гимнов «Ригведы», –
К родным очертаньям Медведиц –
Сапфирных созвездий – стихов.

МИФ БЫТИЯ

Онтологический миф Бытия
Радует. Души скитальцев
В сонмищах горних и дальних
Ждут наслажденья. В ямах –
Плоть, телеса. А в очах –
Пустота вселенских масштабов.
Скифский клад. И цыганский табор
На кургане веками спустя.

ГЕЛИОЛОГИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ГИПЕРБОРЕИ

Великое кольцо искателей Вселенной
Тайн Времени, Пространства и Причины
Восходит Истиной из хаоса пучины,
Из тины обывательства. Быть пленным
Мирского бытия есть фатум земноводства
Шумеро-вавилонских беспокойных
Корней цивилизации. На койнэ*
«восход» есть «гипер» –
Феба превосходство.

КОЛЛЕГАМ-АЗЕРБАЙДЖАНЦАМ

Юрию-Юнусу Ибрагимовичу Султанову
и Фархаду Гардашкан-оглу Туранлы

Древняя степь** Евразии –
Мать этносов смелых.
Ты Богу молилась, наземь
Свергая врагов. Делом
Великим Юга не взята
Ты в плен (Падёт Вавилон!).
Невеста не злата, булата –
Супруга, и сын твой – закон
Кочевий и рода. А песни –
О храбрых героях. Конь –
Друг верный и масти небесных
Он молний. Жертовник – огонь.
Курганы – стражи пространства.
Над ними – Тенгри. А герб –
На знамени древнем шаманском –
Звезда и светила серп.

* *Койнэ* – общегреческий язык, а также язык общения коллектива, говорящего на родственных языках или диалектах.

** Эвфемизм к слову «степь» в древнегреческом языке – οὐ-κραίνο «невозделанная земля», то есть церковнославянское *оукраина*.

ИРИНА ДАРМОРОЗ

МОРЕ

То плоть трепещет живой –
То мраморной станет плитой,
То сетью взлетит дождевой –
То каплей в ладонях литой.

Так плену перечит оков
Немилрой оправы алмаз,
Что хмурая бровь облаков
Закроет сияющий глаз.

И мраком небесная знать,
И горечью полнит до дна:
Зачем же позволят узнать,
Что участь повсюду одна?

Но, берег мечты осушив,
Восторженно вновь захлестнуть –
Во всём повторяет души
Смятения страстную суть.

Родилась в Ивано-Франковске, до 17 лет жила в Сибири. Закончила математический факультет Черновицкого госуниверситета. Ведущий специалист НИИ при Ивано-Франковском национальном университете нефти и газа. Стихи публиковались в периодике, в Альманахе клуба любителей славянской поэзии.

ЛИЛИЯ

Несёт в нефритовой листве
Благоуханные ладони,
И лунный воск наутро тонет
В их жадно-жертвенном вдовстве,
Коль водворяется, кичась,
Как призрак власти самозванства
Где мрак ей вытравил пространство,
Его наперстница и связь.
Поникнет серое крыло,
Утянет тень противочувствий;
Занозой луч вонзится шустрый –
Всё уязвимо, что светло.
В том раздвоенном колдовстве
Души ответ потусторонний
Благоуханные ладони
Несут в нефритовой листве.

Родился в 1965 г. в Ивано-Франковске. Прозаик, поэт, эссеист, культуролог. Историк по образованию. Доцент Экономико-правоведческого института. Автор украиноязычных романов «Адепт» (в соавторстве с О. Гуцуляком, 1995, внесён в список 25 лучших украинских художественных книг двадцатилетия в рейтинге киевского читательского клуба «Консилиум»), «Павос» (2001), «Император потопа» (2002), ряда повестей, рассказов, эссе, критических и культурологических статей, двух стихотворных сборников, книги прозы «Византийская фотография» (2002), литературоведческой книги «Воццекургия Бет» (1998, 2002), учебника «История религии» (1992). Составитель ряда антологий и Малой украинской энциклопедии актуальной литературы «Возвращение демиургов» (совместно с Юрием Андруховичем, 1998, Первый приз 5-го Всеукраинского форума издателей в номинации «Лучший проект», более 150 откликов и рецензий в украинской, российской и европейской прессе). Автор проектов «Четверг-Импе-

ВЛАДИМИР ЕШКИЛЕВ

□□□

Нам брат, не торгуясь,
все знаки за первые цены.
И думать о сцене,
когда закрывается сцена.
Вот падает полог
меж телом актрисы и залом:
он в складках, он красен и долог,
и дорог внезапным обвалом,
когда сокрушённая пьеса
уже в тупике и финале
и первой несвежестью беса
повеет в партёре. Мы знали:
что Солнцу привычно садиться
за бритой макушкой друга,
что круг за границей
нас всех, *рисовальщиков круга*,
что нам не угнаться за малой
безбитвенной линией даты.
Что мистика треплет овалы
и нас продаёт по квадратам.

ЛЕСБИЯНКИ

блондинка лев
брюнетка козерог
засос на шее
алый объективный
открытое узко
и ферзь под кожей льва
обласкан носиком и пальцем
козерога
и глина клитора
вмишается в ничто
каминным язычком
карминовым забралом
лев стонет
сок любви стекает
по бедру
на ушко козерогу
мир мигает синим

□□□

От Равви до безвременья
Сон отбегает, храпя
Отстраненье от бремени
И впадение в меня.
Сон приемлет: луч света,
Отражённый зеркальностью кож,
Истребленье ответа
И беззубую ложь
Скрипа старой кровати
Из артельных времён,
И набитые ватой
Мысли. Все-таки сон
Оказался неведшим –
Не довёл, подкачал –
Не распался на вещи
И послов от Начал.
От Равви до безвременья
Сон отбегает, любя
Отстраненье от Времени
И впадение в Тебя.

рия» (1993) и «Топос поражения» (26 номер журнала «І», 2002). В 1995 и 1997 годах получил и реализовал конкурсные гранты Международного фонда «Возрождение» на персональный проект литературно-философского альманаха «Плерома», в 1999 – Премияльный грант МФВ за проект «Возвращение демиургов». Автор проекта «Арт-паломничество» (Украина-Израиль, 1998 г., совместно с Владимиром Чернявским). Совместно с Андреем Пустогаровым подготовил к печати изданный в Москве сборник «Диптих». С 1997 года – член Ассоциации украинских писателей. В 1998–2000 гг. – куратор международного выставочного проекта «Ознака». С 2001 г. – редактор альманаха центральноевропейской литературы «Потяг 76», с 2002 г. – член редколлегии, заместитель главного редактора независимого культурологического журнала «І». С 2003 г. – обозреватель газеты «Поступ» (Львов). Художественные произведения переводились на польский, русский, английский, немецкий, сербский, иврит. Имеет персональные web-страницы на сайтах www.liter.net (Москва), www.ji-magazine.lviv.ua (Львов), www.mesogaia.il.if.ua (Ивано-Франковск). Произведения размещены также на сайтах www.pk.z.pl (Варшава, в переводах на польский), <http://php.indiana.edu> (Университет штата Индиана, США, в переводах на английский), www.proza.com (Киев), www.hrono.ru (Ешкилев). Подробнее curriculum vitae Владимира Ешкилева можно найти в издании «Приватна колекція: вибрана українська проза та есеїстика кінця ХХ століття». – Львів: ЛА «Піраміда», 2002. – С. 154–155.

Вот весь Восток, в котором я скрываюсь
 От неотступных мыслей о Тебе...
Хорхе Луис Борхес

Ласкать тоску, читать Анаксимандра,
 И веер халцедонового сна
 От моли прятать в нафталин, в лаванду,
 В шалфей, наискосок лаврового листа
 В земное рыло, в текст о войнах Гая
 Папирия Курсора... Вот, опять,
 Средь всех вещей возвратных отстраняя
 Лишь этой чёрной чёлки скань и гладь,
 Перечислять окрестности: Оксана,
 Елена, Юля... Вновь ловить тот сон
 На постоянном осквернении сана
 Ступеней Недоступности. А он
 С лесистой ухмылкой партизана
 Закладывает тол под благодать –
 Дыханье. Чёлка. Холод. Утро. Рано
 Вставать к делам. Но тем опасней спать,
 Когда весь грех вопит о пораженьи
 Отшельника, нырнувшего в сраженье
 За веер халцедонового сна.
 Всё эта чёлка. Линия. Без дна.

МУСУЛЬМАНСКАЯ КОСМОГРАФИЯ

Ирине Басс

Этот дошлый мир, размещённый меж Каффских скал,
 Раскалённый пустынями вокруг медленного Ирана,
 Чем он высажен? Многочисленностью зеркал
 И единственностью отражённого ими обмана,
 То есть мифа, где шах Хосров влюблён в христианку Ширин
 (в крестильном имени персидский звук «ш»,
 вероятно, отсутствует), где Хайям, исчерпавший названия вин,
 пишет просто «вино», где слово «газель» – клише
 для поэта, пленённого гибкой девочкой, где обычно
 птица Рухх прилетает в пространство уньинья Синдбада
 вовремя, где все витязи бьют себя в грудь и клянутся зычно,
 что одолеют Дива, где скучна награда
 в виде всё той же принцессы, всё того же царства,
 передаренных сотне героев тех ночей Шахразады,
 где нищий дервиш гуляет лекарством
 от партийного избытка мажоров, где мало сада
 райских фруктов, где хочется жёлтой груши,
 очень сладкой, молдавского сорта «бэра»,
 где у демонов слишком большие уши,
 где у женщин слишком большая вера,
 где почти невозможно уединиться
 от всемирной сплетни, угрозы, краха,
 где рассказчику лень перед зеркалом извиниться,
 что Ширин не любит Хосрова, шаха...

АПОФАТИЧЕСКОЕ ПОСЛАНИЕ

Поскольку нет тебя, то уплощился, выцвел
многозаветный мир до состоянья вице-
вселенной, до рядна, подбитого плакатом,
до одного меня, мечтающего как-то
остановить рукой необходимых в лишнее
скольжение... Покой почти адепта Кришны,
поскольку нет тебя, благословенно пуст.
Цыганский вечер, ветер треплет куст,
срывая листья трёхсотлетней пробы,
прожившие от рождества до злобы
все градусы древесной желтизны...
Поскольку нет тебя, видения и сны
щербаты, словно в стынь сретенский снег на вётлах,
и солены, как столб, оставшийся от Лотовой
суируги. Нет тебя – и для меня рассветы
исходов не страшны. А Бог тому, кто где-то
проводит явь с тобой, не возведёт мороки...
И мне кромешен взлёт в мордатые пророки.

ЕЛЕНЕ

Мимо терний и звёзд я вернусь, беспредельно усталый.
Принесу посвящённый тебе и написанный полууставом
из прогулок, бессонницы летней, любви и урока
стих... В нём будет на четверть (а может, и меньше) пророка,
на три четверти сказки (забавной, прибрежной и лживой),
и на отблеск процента надежды, что будем мы всё-таки живы
и несчастны несчастьем ума...
А к стиху моему от себя ты добавишь тома
комментариев веры холодному знаку
и гордыне, бредущей, бегущей застывшей тропой зодиака,
неизменно одной в переменчивых жизненных водах.
Ведь любить невозможно как женщину, так и свободу.

КАББАЛА

Инопостранство. Снулые тени. Бог,
определённый в тексте частицей
чуть позаметней, чем просто предлог,
голосу определяет границу.

Крик возвратится
шёпотом и без надрыва. Зане
всякая тварь (также – числа) проклятой пещеры
предызначально рвётся вовне.

Бьётся живое о мёртвые двери
истины первой. Больно. На дне
боли условной – тронная боль,
непостижимая для сострадания
(так пустоты беспредельные грани
недостижимы для взгляда). Ноль
боли вечно изменчив. Суть обитает между
неопалимого горя в длинном костре надежды...

ПОРАЖЕНИЕ

Нам не встретиться вновь,
безнадёжным прохожим мира...
Здесь предчувствие (жажда над ещё
полноводной рекой),
серый полдень унылых номад, переживших Пальмиру,
серый полдень желаний,
иссякнувших в вечный покой.

Оглянитесь лишь раз.
А затем, уходя – уходите.
Время дорого даже не делом,
лишь памятью дел.
Кто последним забудет из нас – победитель.
Даже
если им быть не хотел.

ГРОССМЕЙСТЕРСКИЙ НОКТЮРН

Признаю эту Ночь как собрата по ложе.
Так веско
в знак возводится влажная тьма, в латы – кожа,
и леска
совмещается с рыбой в отловленный символ,
так скерцо
разветвляется деревом нотным, где ствол –
Розенкрейцер,
сотворённый из звуков и роз небосклона
не Мальты.
Храм предвечный от злобы ночной в лоне
чёрного альта
укрывают бойцы Синей Сотни. Всё им удаётся
сегодня.
Ночь творит ритуал посвящения колодца
в градус врат Преисподни.
И меня поднимает сквозь воды над спинкой
кровати
в треугольную бездну, где молятся звёздные
рати...

□□□

Проходя привиденьем
сквозь призраки солнечных дам,
сквозь их нежный отсвет
и метель, и снеженье,
говорю свой ответ на вопрос (что останется нам?):
«Опыт лишних движений...»

Не задев никого,
ухожу в полукруг слова «бы»
фаворитом долин,
пустоты раздраженьем.
Вот остался один.
В дерматиновой сумке судьбы –
опыт лишних движений...

ПОСЛАНИЕ УХОДЯЩЕЙ

Вы созданы для провидцев и властителей. Некто
на чёрной бумаге тушью прочертит вектор
от места встречи на вздох и на запад Солнца,
от подметенных улиц в протяжную песнь валлонца
на зелёных холмах Хоббитшира. Все поздние евы
совершенной адамов. Волной волос воронёных дева
так небрежно отправит отшельника в печень ада,
что завоюет и камень не книжный... Но лак, бигуди, помада,
все заботы красавиц столь утренни и не вечны,
сколь важны для фотографа. Знак, конечно,
длится дольше вектора, дольше глазастой страсти...
Пожелаем друг дружке побольше отдельной власти
над собою и цирком и теми, кто нам доступней
в трёх шагах от накрытых столов. Это зло совокупно
с предрассудками, с волей библейских правил,
с генетической склокой, которую нам оставил
предок пьяный и буйный, в бильярдных проведший ночи.
Впрочем, что нам до предков, ночей и прочих
обстоятельств, коль просто два слова ныне
в суете, в ритуале, в рассказе, в приколе, в типе
тонут суффиксом вниз и без всхлипа, стона,
этикета прощанья. Тут вспомнится время оно,
удалённое в век благородства, мощи.
Там победу решало то, что длиннее, проще,
безыскуснее слов и стропления мифозданья...
Вот и ходим древянами, не платящими дани
промыслительной силе (утопленной во болоте).
Но и в этом есть мудрость... Живите так, как живёте.

□□□

Тени мёртвых сильнее жизни.
Отпуская кого-то в ночь
разлинованных весей отчизны –
ждите – он возвратится... Дочь
или сын возвращений всё же
каждый из многих нас.
Тени мёртвых себя умножат
в зеркалах развёрнутых рас,
и раскинутся на протяжении
долгих лет и бессчётных вёрст,
застывая в хоккейном скольжении
экзотических единоборств...

САМХЕЙН

Холод и корни и тени
сгоревших берёз.
Мокрые листья:
покров, предназначенный марту.
Ночь ноября,
словно Павел,
послание в завтра
пишет шипами
уставших от сырости звёзд.
Ночь обновляет
совсем уже ветхий завет,
язвы земли
покрывая прохладным туманом.
Ночь ноября
в чешуе
золотого савана
утро встречает
разлётом лиловых комет.

ИМПЕРСКИЙ СОН

Уходят варвары – Империя стоит.
Из пустоты ночной распахнута в дневную,
как губы легкомысленных харит
готовые к излёту поцелуя,
останки створок каменных ворот
в развалинах... Анналов гунн и гот
здесь приносили Риму на Босфоре
степной кобылой пляшущий разор
(в записках византийского ратора
отмеченный). А многомудрый взор
сегодняшнего странника планеты
в руинах ищет стылый хор теней
умерших здесь, на выселках, эстетов...
Так от судьбы отринутый Эней
пришёл бы к пеплу небом взятой Трои,
чтоб воскресить забытое о ней.
К итогам близкие издолжные герон
имперских, но подпорченных, корней,
в двадцатом от Рождения кругу
идут сюда, чтоб воскресить почтение
большого города к кочевнику-врагу
и в двадцать первый круг отбросить тени.
Ещё не в статике, уже не на бегу.

□□□

Ты – невечный покой,
возникающий, словно рефрен
за последней строкой
и за первой тоской перемен.
Ты – спокойная боль,
отскочившая от потолка,
как домашняя моль
повсеместна и серо-легка.
И рука,
неспособна прервать твой полёт –
натывается на пустоту,
как на лёд.

□□□

Проходившему Городом
время уже не воздаст:
след был смыт на прошедшей неделе,
лица стёрли лицо. Еле-еле
вспомнит пёс, что его накормил
проходивший. В кассетах постелей
всепростительный случай сменил
всё и всех. Опускается прели
жёлтый, астмой кусающий дух.
Голос, мятый, как платья старух,
дрочит небо: вы мне надоели...

Проходившему Городом –
ангел то был или просто –
обитатель и гость не отдали ни злата, ни проса,
не расслышав совет, не узнавши вопроса.
Кто сочтёт основания сил,
все дома, все глаза альбиносов?

Проходившему Городом...
Прав ли он был, виноват
ли, этот Город, не плакавший даже
за тем, кто его основал. В бельэтаже
и в лачуге его не Афон, не разврат:
просто так, просто жизнь, просто быт,
просто моль в трикотаже...
Кто прошёл? Чьих он армий солдат?
Звука нет, ни досылки, ни кражи.

Проходившему Городом.
В общем-то, только ему...

ЭЛЕГИЯ ТЕКСТА

Ночь торжествует.
Всегда торжествует нечто
необъёмное. А если лечь, то
в отсветах фонарной лавы
медленный ветер странствий
уступает движению камня. Ржавый
механизм бытия проворачивается
на час вперёд.
Только на час вперёд.

Ночь торжествует
в послании столь безнадёжном,
что нет и постскриптумов. Можно
назвать его благородно – стихом,
можно иначе.
Не будет грехом
назвать его текстом. Просто текстом.

Среднее
между правдой и гороскопом
скрытно. Для людей, познающих скопом,
и вовсе тайна, и вовсе печаль.
Текст от пошлости одичал.
Зарос запятыми, будто осокой...

А где-то близ Солнца парит высокий
недостижимый для ночи сокол.

□□□

Одинокому сердцу
нет брони из отдельных вещей:
совокупность осталась за дверцей...
И шей
нахлебавшийся лаптем пророк
достигает заветного смысла
(почему многомудрый Восток
почитает дороги и числа
паче грозных богов). А порог,
как лобок партизанки,
высок лишь в пределе посещения.
А изгнанье (с изнанки) –
всего лишь от ближних прощенье.

ПОСЛЕДНЕЕ ПОСЛАНИЕ

А я не ответил.
Теперь, вспоминая, болею.
И мой лабиринт –
это точка последней из встреч.
Становится суше, верней, акварельно светлее
тобой удивлённая речь...
А эхо на дальних пределах стыда
всё ищет своё отраженье,
не столь в настоящем,
сколь в прошлом, когда
терпел от тебя поражение,
но плена боялся... Теперь
все страхи убила усталость.
И хлопает глупая дверь
всем снам проходящим.
Остались
одни лишь слова да пространство,
да стынть окоёма.
И жизнь: от настенных зеркал
до дверного проёма.

ЛИТИЯ ВОИНСТВ

Любе и Паше
посвящается

воин приперчён как тост и лобстер
чуть изувечен болезнью роста
если в бою не покрыт коростой
значит ещё в покаянии поста
не расточит до погоста фроста

воин проявлен в просвете прерий
двух мудаками пропитых империй
где среди чащи пырей и перья
пруссских беременных индрикотерий
тернии также и дым безверий

воин всегда расположен справа
для бытия из меча оправа
не сохранит седлоносой славы
многообломной жены ахава
равно царицы песчаной савы

в хаос входя и бедром и родом
по воскресеньям со всем народом
воин пускает хлебы по водам
вместе с калганным полынным годом
целок любивших друзей уходом

он отделяет хрящи от ткани
воду от вин и для чуда в капе
просит кувшин нимфетки тани
ей же приносит добычу брани
бражную пену полоски рвани

воин прощает и плодоносит
если становится узким просит
свёрнутых дев и его возносят
на конопляной кобыле в осень
в смежень и прежень где мокошь косит

где из ореха пейотль и сон
где расширяется аваллон
где по приколу взойдёшь на трон
и полбаяна идёт на кон
за циклолом – аминалон

где отступает ползун по пульту
где откачать не успеют пульпу
глядя культурным канонам культи
пупкин военный включает мультик
кликнет delete'ом на эту мульти-

шизолатрическую возню
а на корню
презирая ню
также п...ц учиняя коню
равно как всяческую х...ню

воин подступит под стены града
храма борделя ws дель прадо
и зазвенят полторы награды
девка не скажет ему не надо
в полустопе от покрывки ада

воин всегда атакует влево
место где падал коленом левий
где ушибал подзащитных плеве
и отделял от насущных плевел
морганатический отчим евы

оргиастический плод ея
воин всегда нефронтально я

воин всегда полутыльно ты
тыква космической полноты

КОНТАКТ СРЕДНЕГО РОДА

То же. Те же. И, даже, та же
неизменно несчастная, с неразделённой тоской,
с недостречами, и, даже, гаже
той, предыдущей (и только цветом другой),
Любовь. Вот простят мне простые буквы
этого слова весь предыдущий строй слов,
свёрнутый, будто газета с газетной клюквой,
будто с кобрами ширнутый змеелов,
будто...

Встаёт в телевизоре Солнце
тех павильонов, где делают метры кино,
и сквозь похожести в злое оконце
всей непохожестью входит оно,
и замирает вдоль плоских японских экранов,
и говорит в них смотрящим: «Вот,
вы ошибались так некрасиво, странно,
всё не веря в то, что оно придёт.
Я ПРИШЛО...»

БАЛЬНАЯ ПАУЗА В МАРСАНСКОМ ПАВИЛЬОНЕ 1820 ГОДА

Герцог Беррийский сегодня убит после бала,
граф д'Артуа станет новым наследником. Вот
в «тысячу» смерти судьба белый лот проиграла.
Вечером вновь будет бал. И опять ставят лот

рядом с танцующей парой на бархат зелёный,
где арифметикой карт был протянут закон
несовместимости девочки с временем оным
несовместимости мальчика с лоном времён.

Снова от губ поцелуй улизнёт в штукатурку
каяться трещинам и краснотой кирпича
гвоздь обволакивать, словно наложница турка,
словно батист герцогиню на сгибе плеча,

что доверяется вместе с рукой кавалеру...
Танец по бархату. Гвоздь устаёт от стены.
Карты разложены, но герцогиня шпалеру
вдруг задевает батистом. Усталые мы

вскользь наблюдаем паденье гвоздя, герцогини,
графа-наследника, свечи на бархат стола.
Карты сгорают. Стилет террориста Мадзини
здесь не востребован. «Здесь Я была!», –

впишет костлявая копотью в гипсы плафона
и удалится из зала путём укоризн.
Графа поднимут, все девочки времени она
в мальчиков нежно уткнутся. Продолжится жизнь.

ЛЕС

Лес прорастает сквозь имя
(блуждающий знак присвоенья),
весь оглушённый листвою
пыльной, июльской.
Взгляд, словно медленный Улисс,
ведёт дальноточные тени
леса к периметру мира и в твой
малый мирок, где
любовница, друг, провокатор
вместе оставлены в чаще
(чтоб волки их съели зимой).
Ты – на опушке. Свободный. Немой.
Лес – позади.
Выше – небо. И Он – Пантократор.

ИНТЕРЛЮДИЯ

Вере О.

Наше время враждебно вратам
и дверям, и отверстиям смысла.
В близнецах бытия умирают предобрые числа,
в близнецах пустоты – имена... Там,
где пёс заливает мочою неласковый город,
где прохожий уснул, а карман цыганёнком распорот,
где вне знака магистр застенялся, где краска сошла,
где удила окрестность пророка окрестность гроша,
где из бездны не монстр – продавец хронотопа,
всё оставляю на звёздный оплыв, чем устала душа,
и уйду в переулочек, пробитый в затылок европе,
чтоб оттуда смотреть сквозь восток на восход,
всласть дышать, ревновать о примере,
поясняющем выход и вход от владимира к вере.

вон уходите красиво
 без объяснений
 без маргиналий и схолий
 пересекайте сияньем залитые холлы
 и оставайтесь один на один с темнотой
 с мыслью прегрешной прегордой и с той
 узкой дорогой
 чью пыль вы сумели поднять

вон уходите ваять
 свой исход как пространство победы
 в нём многолюдные беды
 не достигают стекла пограничных зеркал
 ринутой в небо души и оскал
 времени в тех зеркалах
 до безвластности глуп

вон уходите
 вне медных начищенных труб
 пламень и воды пропустят вас
 приняв за труп

БАБЬЕ ЛЕТО

Слетает золото с деревьев тихо,
 Устилая им нежно дорогу,
 Природа, как чудо и таинство
 Шепчет нам – забыть тревоги.

Осенний луч ласкает нежно,
 Теплом до сердца достаёт.
 А бабье лето ткёт надежды,
 И шанс на счастье нам даёт.

ОСЕННИЙ МОТИВ

Красный лист, как в сказке нежной,
 Меня манит с собой лететь,
 И захотелось стать такую прежней,
 Забыть про осень и помолодеть.

Забыть всё в жизни: суету, невзгоды,
 Все беды, сырость, всю напасть.
 Стряхнуть бы с плеч мне эти годы
 И снова в молодость упасть.

Родилась в 1949 г. в Ивано-Франковске. Закончила Ивано-Франковский институт нефти и газа. Инженер-экономист. Преподаватель Ивано-Франковского техникума статистики. Председатель Русского Культурного Центра, возглавляет Союз женщин-тружениц «За будущее детей Украины».

□□□

Закружи, закружи снегопад,
Пусть мелькают года, как в кино,
Ничего, если что-то не так –
Я люблю тебя жизнь, все равно!

□□□

Белых лилий густой аромат
Так колдует, пьянит и ворожит.
Может, вальс-чародей виноват,
Что мне радость вновь сердце тревожит?

□□□

Эта жизнь угощает то яблоком,
То вдруг самым большим кирпичом...
Не хочу я в силках биться зябликом.
Лучше литься полезным ключом...

Ю Р И Й И З Д Р Ы К

ИЗ ЦИКЛА «СТАНИСЛАВ И 11 ЕГО ОСВОБОДИТЕЛЕЙ»

4. РИКАРДО

Не город – а круг заколдованных дуг,
где тело сплетается с телом,
во тьме растекается трупный их дух.
И ты отступаешь несмело.
И дымкой струится отравленный сок
плодов экзотических, терпких,
и сам ты дрожишь, как осины листок,
и нету поблизости церкви,
а в сердце направлен осиновый кол...
Стеная от плача и боли,
проси, чтоб тебя этим тварям на стол
Рикардо подать не позволил.

5. НИКОЛА

Не город, а свалка увечных нирван –
сплошная открытая рана.
И вот, будто смертники, прут на таран
ничейные эти нирваны.
Спекается воздух, сгущается зной,
и злой саранчой налетает,
и мир представляется цельной стеной,
огромной сидхартхой. И тает
последняя льдина, и топится снег,
друзья разбредаются в поле.
Но, может, спасёт этих проклятых всех
непроклятый всадник Никола.

Родился в 1962 г. в г. Калуше. Литератор, художник, музыкант. Живёт и работает во Львове. Окончил Львовскую Политехнику. Работал инженером. В 1989 году основал «журнал текстов и визий» «ЧЕТВЕР» и редактировал его совместно с Юрием Андруховичем (с 1992 по 1997 годы). Автор повести «Острів КРК» (1994), поэтического сборника «Станіслав і 11 його визволителів» (1996), двух романов: «Воццек» (1997) и «Подвійний Леон» (2000), ряда культурологических и литературоведческих эссе. Один из наиболее заметных организаторов современного литературного процесса Украины. Именно «Четвер» в девяностые годы стал флагманом постмодернистской литературы в Украине, на страницах которого дебютировали два поколения перспективных литераторов «новой волны» украинской литературы. «Четвер» стал одним из центров формирования Станиславского феномена, а Издрык – одной из его наиболее заметных фигур. Каждый из вышедших до

сентября 2003 года 18 номеров альманаха расценивался критикой как явление современной украинской культуры. В частности, под редакцией Издрыка состоялись такие резонансные проекты, как «Четверговый глоссарий», «Четвер-Імперія», «Крайслер-Империал», «eM энд Жо», «Campbell». Издрык – один из авторов проекта «Возвращение демиургов» (1998) и статей в МУЕАЛ. Переводы произведений Издрыка печатались в Польше (в издательстве «Tysa» вышел «Воццек» отдельной книгой в переводе Л. Стефанивской и О. Гнатюк), отдельные тексты переводились на английский, немецкий, белорусский и русский языки. Переводил с польского Станислава Лема, Анджея Сосновского, Рафала Шозду, Анджея Варгила, Славомира Мrojeка, Чеслава Милоша; с русского – Игоря Клеха. Как художник Издрык является автором ряда украинских и международных выставочных проектов и перформенсов. Подробнее о творчестве Издрыка: Костюк В. «Istoria симуляції, або Іздрик forever» / Критика. – 2001. – №5. Публикуемые тексты являются авторскими переводами из книги «Станіслав і 11 його визволителів», сделанными автором специально для московского проекта Андрея Пустогарова «Станіслав+2*».

6. АВЕССАЛОМ

Не гордость, а грех заставляет бежать
и вновь возвращаться обратно,
минуя охранников сонную рать,
меняя их подвигам ратным.
И после трёхсот тридцати трёх облав,
исследуя стигмы и раны,
внезапно поймёшь ты, инстинкты поправ,
всю прелесть июньской охраны.
И юности вспомнишь потерянный дом,
где вместо охраны – охранка,
где жил ты под именем Авессалом
с нездешней, курчавой беглянкой.

8. ВИНСЕНТ

Не город, а райские кущи, где ты
отчаянно нищешь отрады.
Тебя окружают рога и хвосты,
но, кажется, здесь тебе рады.
Здесь всё и для тела есть, и для души,
здесь фен настырны, как шлюхи,
а в поисках хендрикса и анаши
лишь призраки бродят и духи.
И жуткие чувства измучили всех:
любить всех и вся невозможно!
О, если б извлёк нас из моря утех
Винсент, справедливый и грозный.

11. ЮРИЙ

Не город, а боль – этот город в тебе,
как опухоль. Без аллегорий.
Не жди исцеленья из горьких небес –
они не прощают. И вскоре
поймёшь, что молился ты как-то не так,
что есть и другие молитвы,
что заперты все городские врата,
и змею проиграна битва.
Но всё же спасенье возможно. Оно
придёт, если только позволишь.
Когда только Юрий себя самого
спасёт от себя же. Всего лишь.

□□□

Подснежники на столе
Ложки на подоконнике
Ты рядом
Ты смотришь не на меня
Куришь
Пьёшь
И не знаешь
Что ты сегодня
Мой каприз
Потом она ушла
– Официант, ещё коньяка!

ЭТОТ МИР

Я люблю этот мир где
Одиночество молча ищет
Любви, но не находит
Слышишь
Ворон
Это я говорю
Танатос

ТЬМА

Помнишь как ты смотрела в зеркало
Как я тебя целую как руки мои
Раздевают тебя
Ты улыбалась На столе горела
Свеча (ли?) Ты сказала

НАРКОТА

Ты игла Я героин Ты моя
Мечта а я в мечту влюблён
Пьян Фальшивомонетчик и мне
Плевать что ты сегодня
Не одна

Целую целую целую тебя

Ты гитара а я песни о дикой
Пляске тела слова

Видно человека он шатаясь бежит
Следом за такси что-то
Кричит
Все решили
ПЬЯНЫЙ
Свetaет

Целую целую целую тебя

□□□

Она не плакала нет
Смотрела в окно ему вослед
Пила кофе и молча улыбалась

Мне скучно видеть тебя
Блондинка в чёрном
Я тень

Рядом спит женщина
Улыбается
Так всегда бывает когда
То что было не вернуть

Я молчу Мне не больно
Любовь слепа
Куда заведёт слепая слепого?

ДОЛГО

В этом доме где жил когда-то
Сын классика украинской литературы
Все сейчас молчат
Нет не поминки
Презентация книг

Клоун пьяный
Забрался на стул
И в одних трусах читает стихи
Он гений
Но все молчат
Скучно нам
И даже в конце не снял

Скучно нам Все это пошло
Устали Пошли пить кто куда
Кто никуда а домой
Скучно нам

Остановились в кафе
Бутерброды

Скучно нам Поколению девяностых
Разочарованно скучающему

Ю Л И Я К И Р И Л Ю К

□□□

К рождению с отчеством и именем
был с высших сфер подарок дан.
Мне Млечный путь ночами синими
нёс зыбкий звёздный талисман.
Вручил мне с жизнью неуступчивой
без пафосов, без лишних слов
к соизмерениям приученный
непримиримый знак Весов.
С тех пор, пока планета крутится,
там в мирозданье бытия
на хрупких чашечках две спутницы
стоят, дыханье затая.
Любовь и боль – такая разница.
Два пламени, два крика ввысь.
Не может быть меж ними равенства,
а обе в муках родились.
И в колеснице жизни – гостями
вносились в рай, спадали в ад.
Их лики гордые до горести
мне много лет в глаза глядят.
Их назову святыми. Боже мой!
До крови губы закушу.
Свой талисман, судьбою брошенный,
в ложбинке на груди ношу.

Родилась на Дальнем Востоке.
Была членом областного лит-
объединения «Искры юности»,
публиковалась в периодике.
Подготовила сборник стихов
«Музыка волшебная дождя»,
который ждёт спонсорской под-
держки. Входит в литобъеди-
нение «Коломыйка».

ЯРОСЛАВ КОЗЕМЧУК

Родился в 1980 г. в г. Косив Ивано-Франковской обл. Окончил исторический факультет Прикарпатского университета им. В. Стефаника. Автор краеведческих книг и статей. Печатался в периодике.

□□□

На краях нераспитой бутылки
оголенный полумесяц
скрытый в фокусе прикосновенья рук
будто сумасшедший негатив
в незакрытом объективе
космоверных оргий
безграничных звоночков
на штиле беспокойства
дрожащие каморки и манжеты души
при предположении о пыльном жале
с наколотом на него
знаком Зодиака
в зеркале фраера-вечера
проникнутого страстным
львиным привкусом,
где голос как нарушитель желатина
наполняет собою
пустые амфоры бригантины
он плавно пульсирует
словно перелистывает
пожелтевшие листы рукописи
записанных зябрами рыб
на раскрученных извилинах мозга
что скапывают
на страстное солнце пустыни
сквозь сито скрещённых ладоней
рождая экстракт
что питает наше сердце
в ежедневном взлете страсти

□□□

Накрывается крышка
гробового вида
телефонного видения
заглушает стрельбу боевиков
стоны, плачи, потеря веры
заглушает, принуждает
приостановиться, идеальничать
уединиться
с этим безликотным миром
глубоким, диким
космополитическим
ты попадаешь в другое измерение,
другую материю и плоскость
в атмосферу созерцаний
ожиданий новых креаций
спонтанных видений
за гривну предусмотрений
пока снова
не откроется эта крышка
и с губительным хмелем в голове
не вылезут из пропасти
ужасные остатки
истязаемых замазанных
разложившихся идей
на все вкусы

□□□

Ловить дождь по силам лишь мне
дождь на дне
бездонной раковины
поймать его могу
только Я
в кувшин, покрытый черным лаком
с росписью людей
которые прячут глаза от дождя
лишь только я
не буду голову прятать
я широко разину рот
чтобы ухватить ту питательную йоту
что не всем дана –
а лишь мне

□□□

Этот жалкий комариный писк
пронзительный
что лезет глубоко
в гортань души
он не даёт заснуть
над пространствами
станиславского Надбыстрия
...этот жалкий комариный писк
и здесь... укол
будто килограмм тротила
всадила у тебя инфантильная морда
с красным от экстаза носом
с распухшими от сини вёдрами глаз
...весь станиславовский спрут
заперся в космосе одного индивида
который лежит расстёгнутый
в феноменную кожную гладь которого
каждый раз убивается
что-то противное, безобразное, нестабильное,
недоразвитое и дикое,
что создаёт конфликт внутри души
искажает непроявленный негатив
привнося в структуру
элемент армагедона
...в половине шестого утра
в окне появился луч солнца –
хапуги исчезли как и комариный писк

Родился в 1961 г. в Ивано-Франковске. Литературовед, критик, кандидат филологических наук, доцент кафедры мировой литературы Прикарпатского университета им. В. Стефаника. В 1990 году досрочно закончил аспирантуру Института литературы им. Т. Г. Шевченко НАН Украины (Киев), успешно защитив кандидатскую диссертацию на тему: «Лирика Ф. И. Тютчева в контексте русской поэзии середины XIX века». Автор более 60-ти научных трудов различных жанров, среди которых монография «В поэтическом мире Ф. И. Тютчева» (1997), учебные пособия для студентов вузов (среди них «Вступ до історії західноєвропейської літератури середньовічної цивілізації», 2003), а также научные статьи (в частности, по проблемам теории литературы, методологии литературоведения, истории русской литературы XIX и XX веков, по вопросам славянского культурного пограничья, высшего филологического образования и др.), многие из которых публиковались в ведущих академических изданиях Украины, России,

PLAYDISCOURSE

Вместо вступления

ВСТРЕЧА

Стихи рождаются из сора
Сердечных мук и приговора
Судьбы над вещью душой.

□□□

Идея проверяется душой –
Душа ж всегда стремится к идеалу.

Вместо основной части

ДОЖДЬ

Извечная печаль
Безбрежными слезами,
Слезинками окон
И капельками луж –
Сегодня и вчера,
До нас и перед нами
Всеобщее *пора*
Плывёт перед очами.

□□□

Пустое место – тоже содержание,
Оно совсем не пустота:
Здесь уживаются незнание
И смысла жизни нагота.

□□□

...а после радости всегда приходит грусть.
Чем больше первой – тем сильнее вторая.
Быть может, потому стараюсь обмануть
Себя, глотками воздуха измерять.

И крохотнее чем глотки,
Тем дольше длится вдохновенье,
Тем дольше радости мгновенье,
Мгновение освобождения, –
Его лишь, кажется, лови...

Но «рано ль, поздно ль пробужденье»
Сказал поэт не только о любви,
Но и о дымном призраке движения,
Зовущегося жизнью во плоти.

□□□

Сугробы человеческих судеб,
Пылинки праха, слипнувшись в безличье,
Летать не могут, как январский снег,
Тяжело-тусклые, как наше безразличье.

В них уравнилось всё. Лишь в памяти моей
Лелею призраки минувшего различья:
Что важно, дорого, желанно для людей,
У вечности то лишено величия.

<...>

Польши. И. Козлик известен не только как литературовед, но и как переводчик. Он – автор сборника украинских переводов Фёдора Тютчева, Владислава Ходасевича, Александра Вертинского, Булата Окуджавы «Поетичні інтерпретації» (1996), а также ряда стихотворений Юрия Султанова. Длительная профессиональная деятельность в области литературоведения, а также переводческая работа в какой-то степени инерциально обусловили обращение И. Козлика к поэтическим опытам. (Подробнее о творческой деятельности И. Козлика – см.: Ігор Володимирович Козлик: Показчик публікацій / Упор. О. Б. Гуцуляк; Відпов. ред. серії М. В. Бігусяк. – Івано-Франківськ, 2002. – Серія «Вчені Прикарпатського університету», вип. 3. См. также сайт: www.mesogaia.il.if.ua/kozlyk.htm).

□□□

В поэты лезть не стоит никому.
Коль есть судьба – придёт благословенье.

□□□

Мне дотянуть бы до стихов,
Хоть до одной приличной строчки,
Чтоб без заминки, без отсрочки
Избавить душу от оков.

Вместо заключения

□□□

.....
.....

ИГОРЬ КОСОВИЧ

□□□

Боль ложится краской на кисти,
Окуная холсты в наши лица,
Я верую в их белизну,
Но взамен отдавая глаза,
Я ворую её,
Надевая на холст свои мысли.

□□□

Он раб и он Бог,
Но златая средина
Безумье хранит,
Поджидая неосторожных.

Только слово фортуны
В перекрестках
Энергии волн
Поднимает его до вершины,
Но какой – неизвестно.
Только время спустя
Даст ответ

Где ты был.
И рассудит Господь,
За грехи и деянья
Воздав по заслугам.

Родился в 1967 г. Окончил филологический факультет Черновицкого университета. Вся сознательную жизнь прожил в Ивано-Франковске. Последние восемь лет работает в сфере компьютерного дизайна и издательской деятельности.

□□□

Бойтесь
моих
бельм
в них покоится
боль...
Боль бельма как лавка
Нерожденных картин
Там
покоится страх
блекло-белых лавин
В нервном
зрачке
мечется мим
Разорвалась
душа... один
на один
С тобою
с ним
клеткою глаз
В
клетке ресниц
никому не добраться
до
моих
десниц

□□□

На пути мертвецов
неожиданно тихо
ни таинственных слов
ни гортанного крика
тихо... солнце во лбу
все равно я найду...
...звёзды и иней
тёмно-синий
дым или пар
не пойму, ледяной или душный
смех зазеркальный сознание тушит
угасающий лист от поющей свечи
потерявший присутствие тени
бьются за право здесь быть
хотя бы вчера, но потеряно время
на всех? Да.

МАРИНА КРИВОРОТОВА

МОНОЛОГИ-ЭСКИЗЫ

(опыты стихотворений в прозе)

□□□

Родилась в 1984 г. в Ивано-Франковске. Студентка польского отделения филологического факультета Прикарпатского университета им. В. Стефаника. Печаталась в периодике.

Если я живу, значит, так нужно. Значит, это необходимо. Значит, мир без меня невозможен. Значит, кто-то там, в глубине бездонного неба, это решил. Каждое мое слово, каждый мой шаг кем-то продуман. Продуман с такой гениальной точностью, что я своими действиями и желаниями никогда не смогу нарушить гармонии существования Вселенной.

□□□

жёлтому теннисному мячику,
брошенному кем-то с девятиэтажного дома,
посвящается...

Знаешь, есть маленький теннисный мячик. Только не жёлтого, а зеленого цвета. Ведь бывают такие мячики? Он (то есть она) катится (или бежит?) по асфальту. Она задыхается, потому что не может остановиться, хоть и устала уже очень. Она (зелёный теннисный мячик) панически ищет того, кто был брошенный кем-то с девятиэтажного дома и несёт ему анальгин, зная, что он любит уже Теннисную Ракетку. Раздвоение личности: повезло тому, кого кинули.

□□□

посвящается В. В.

Сидя на поломанном стуле, вспоминаю подробности убийства Цезаря и мечтаю украсть Буцефала. Стул с изувеченными ножками (или ногами?) держится изо всех сил и пишет стихи про любовь. Его передняя левая на три сантиметра короче, чем задняя правая, а у левой задней – открытый перелом. Я опираюсь о его спинку (или спину с широкими плечами?), забыв о том, что могу повредить позвоночник, и размышляю о нравственности. И вдруг замечаю, что на моих тяжёлых, трёхкилограммовых зелёных ботах развязался метровый шнурок – именно в этом шнурке болталось когда-то тело повешенной Эсмеральды. И я с ужасом понимаю, что никогда уже не смогу его завязать (избавиться от себя), потому что в одной руке я держу Теннисную Ракетку (как же я её брошу?), а на другой (на правой) почему-то оторвался безымянный палец. Мячик закатился в пятый угол квадратной комнаты, и вошла луна, на которую я могу смотреть, зная, что все во Вселенной будут думать, что глаза у меня – карие, хотя на самом деле – они серо-голубые с лиловым оттенком испуганной стервы-львицы (ласковой маленькой кошки).

P. S. Хочу узнать, что такое NIRVANA...

□□□

...«Не возвращайтесь к бывлым возлюбленным – бывлых возлюбленных на свете нет...» – кружится в голове услышанная где-то фраза. Ты сидишь на широком подоконнике, нежась на осеннем солнце и наблюдая за лиственной мелью. Потом лениво встаёшь и плетёшься на кухню, завариваешь кофе и достаёшь плитку шоколада (ту, которую ты когда-то ела с Ним), ломая её на куски. Это отрывки твоей памяти, чувств, сознания. Наблюдая за тем, как их становится всё меньше и меньше, уничтожаешь их один за другим. Вспоминая события двухлетней давности, ты жалеешь, что шоколад этой фирмы до сих пор продаётся во всех киосках...

Идеальный возлюбленный? Первая любовь? Придуманное воспоминание?

Он хотел быть юристом. Ещё Он хотел покорить самую высокую вершину и оставить там надпись, чтобы все знали о том, что сделал это Он только для меня. Ещё Он хотел, чтобы самая яркая звезда была названа моим именем...

Достаёшь из тайника такую бессмысленную сегодня розу, которую Он подарил тебе на первое свидание и берёшь ещё одну плитку шоколада, опять ломая её на куски.

И недавно ты случайно видишь Его из «пыжика» и задыхаешься оттого, что Он не видит тебя, а какая-то, пожилая уже, женщина сочувственно спрашивает: «Девушка, вам плохо?»

Потом механически идёшь к телефону и, как будто между прочим, спрашиваешь: «А Он, кстати, как? Всё у Него нормально?» «...юристом? Каким там юристом! Жена у Него... и дочка...полгода уже...»

И ты слышишь своё имя...

Он хотел, чтобы самая яркая звезда была названа моим именем... Исполнил обещание?

Идеальный возлюбленный?

Потом плетёшься по ненавистной уже улице Коновальца и неожиданно слышишь почти нежный шепот красивого увальня: «Девушка, перестаньте. Девушка, почему вы так плачете? Девушка, возьмите шоколад, ведь завтра тоже будет любовь...»

□□□

Ночь. Ветер. Тучи. Буря. Океан. Пески и бесконечность. Ветер. Буря. Океан. Там ты стоишь. Дыхание твоё исчезло. Взгляда – нет. Катится слеза. Ты что-то слышишь. Что, что именно? Ты в панике рыдаешь, ведь ты боишься. Хочешь что-либо понять, хотя не можешь. Тут только *он*. Ты чувствуешь присутствие *его*.

Ночь. Луна. Звёзды. Озеро и лилии. Веет ветерок. Яркий свет луны. Вода. Лунная дорожка. Ветерок и звёзды. Ночь. Ты там стоишь. И дышишь ты свободно. Ты ожидаешь. Лицо твоё спокойно. Катится слеза. Слеза опять. Ты плачешь, ведь ты счастливый. Тут только *Он*. Ты чувствуешь присутствие *Его*.

□□□

Валере

Утро. Туман. Густой туман. Иду и ищу глазами Тебя. Иду и ищу. Люди, люди, люди... Серые туманные утренние люди... Серый туманный утренний темп без лица. Я боюсь замкнутого пространства, но оно почему-то везде, и всё – во мне. Пугающая неизвестность укутала меня в своих широких объятьях, а огромная туманная улица с серыми утренними людьми заключила меня в тебе. Я стою в закрытом серо-туманном зале, зависнув в бесконечности. И везде вижу шторы. Тёмно-зелёные. С чёрными лилиями. Красивые тёмно-зелёные шторы с чёрными лилиями в серо-туманном зале без окон на фоне неизвестности. Безликий бешеный темп ведёт меня вниз. Мои большие ступни не помещаются в узких ступенях. В лицо мне дышит стена. Стена вечности, соткана из мгновения. А там – шторы... Тёмно-зелёные... Я никогда не узнаю, из какого они полотна? Сладкий, необъяснимый ужас сверлит моё подсознание. Очень хочется умереть, чтобы вдохнуть всю устрашающую прелесть небытия. Может быть, тогда в серо-туманном зале с тёмно-зелёными лилиями появится хотя бы одно окно?

□□□

Я – заключённая в твоём подсознании. Ты – вечная уродливая мысль без начала и без конца. Я и ты – это всё, из чего состоит вселенная. Ты надоел мне, и я боюсь испугаться тебя. Дикая, бушующе-спокойный океан моей неуверенности впился в неуловимый миг твоего Всезнания. Я устала. Я надоела себе. Уведи подальше моё назойливое «Я» – я хочу побыть в одиночестве.

□□□

Я стою на кладбище потерянных надежд. Я плачу над своей умершей мечтой. Потухшая тень вчерашней реальной фантазии нежно обнимает мои содроганные плечи. Моя Судьба стоит возле и повторяет зачем-то каждое моё движение. Я ставлю вечно горящую свечку на красивую могилу погибшей иллюзии и протягиваю руку своему одиночеству – с ним мне спокойней.

□□□

Ночь в поле. Что может быть прекрасней? Тихо свищет ветерок. И звёзды светят. Ярко-ярко. И каждая из них о чём-то говорит. Они божественны. Они недостижимы. И ты спокоен. И у тебя нет тела. И нет проблем. Времени тоже нет. Есть только Ночь. Эта богиня. И всё в ней идеально. Ты в ней живёшь. Ты ждёшь чего-то. Чего именно? И ты молчишь. И тишина. И ветер, поле, звёзды. Ночь. Что может быть прекрасней?..

□□□

Моё маленькое «я» просыпается в безграничном просторе необъятности. Розовое холодное солнце рушит моё подсознание. Мои желания прячутся за его лучами. Роса на одуванчике. Моё маленькое «я» купается в прозрачной капле росы и спасает мир. «Я» становится свято-греховным и ощущает в себе себя. Розовое холодное солнце восстало против росы, против цветка, против меня. Я зову свои желания, но их нет. Исчезла роса, и одуванчик остался без крова... гибнуть. Вещь ты. Я вдыхаю тебя и впадаю в забытье. Какая-то бабочка решила защитить цветок. Ничего нет. Только моё незащищённое «я» стоит надо мной и наблюдает мою полусмерть.

Родилась в Станиславе (ныне Ивано-Франковск). Поэтесса. Окончила Ивано-Франковский государственный педагогический институт им. В. Стефаника. В настоящее время на творческой работе.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ЗИМЫ

Был он будто из пушинок
Белокрылых лебедей,
Танец медленный снежинок
Завораживал людей...
Всё вокруг, что так знакомо,
На глазах меняло вид,
К сказке этой до истомы
Взгляд манило, как магнит...

Ну, а город спал и плечи
Кутал в снежное манто,
Фонарей горели свечи,
И совсем не знал он, что
Без скопления народа,
Лишь двоих позвав из тьмы,
Тихо празднует природа
День рождения зимы...

ЛЕТИ, ЖУРАВЛЬ!

Ах, мной придуманный Мираж,
Мечта, Фантом,
Один счастливый на тираж
Билет лото.
Тепло и ласку ты отдал
Своей жене,
И так случилось, не узнал,
Что нёс всё мне.

Да, разминулись мы в пути
На день, на час,
Теперь и Богу не свести
Друг с другом нас...
Так превращается в руках
В простых синиц
Любое счастье, влопыхах
Упавши вниз.

Менять не буду ничего,
Хоть в каждом дне
На сердце больно от того,
Но только мне:
Я не тебе тепло дарю –
Другим отдам,
Но чтоб не встретиться, молю,
С тобою нам.

И мир несбывшихся надежд
Жесток, нелеп,
От слёз из-под опухших век
Совсем ослеп,
Но если долг мне не даёт
Стать у руля,
Пусть продолжается полёт
У Журавля!

ОКСАНА-ДИАНА КУЦАК

КОЛДУНЬЯ

Касаясь рук украдкой,
Воруя глаз тоску я.
Бью стекла мелко-мелко.
Потом на них танцую.
Огнем костра жгу руки –
За страх себя казню я.
Вокруг него танцую.
Цветов оханку бросив,
Их аромат гублю я.
Касаясь рук украдкой,
Тоску у глаз ворую.
Мельком я замечаю,
Что не одна колдую.
Но пусть никто не знает,
Что от себя бегу я.

Родилась в 1979 г. в г. Елец (Россия). С 1989 г. – на Прикарпатье. Окончила в 2001 г. филологический факультет Прикарпатского университета им. В. Стефаника. Печаталась в периодике.

□□□

Отсмеялась, отплакала, отзлилась...
Безразлично, куда катится наш мир.
Я в чужом саду в безмолвье заблудилась,
А обратно – не хочу и не пойду!
И бреду, «куда ведут глаза».
Непрощённым всё равно простила
И долги всем честно раздала.
Но не помнят... Впрочем – ерунда.
Жаль, что за одним столом сидели.
Слишком много надобно труда:
Задушить хотели – не смогли.
Пусть не поняли моей причуды.
Пониманья я как раз не жду.
Лучше уж надеяться на чудо,
Чем гореть всё в собственном аду?..

□□□

Отойди умело. И не трогай!
Не пророчь мне счастье. Не зови!
Пусть останусь нищей и убогой,
Я уйду, а ты себе плыви.

Не хочу ругаться я с судьбою,
От неё бежать, её боясь.
Чувствую вину я за собою –
Обманула мир весь, не смеясь...

Мне не трудно, только стыдно очень –
Врать себе и другом называть
Тех, кто сердцем и душой порочен,
Их грехи – я не смогу прощать.

Тёплыми мехами не согреешь –
В холоде ведь тоже можно жить,
Но когда всем телом заболеешь –
Прошлое не надо ворошить...

ЛИЛИЯ ЛЕВАНДОВСКАЯ

Студентка факультета романо-германской филологии Прикарпатского университета им. В. Стефаника, сотрудница Ивано-Франковского филиала Программы расширения доступа к обучению в Интернете (IREX/IATR).

ЛЮБОВЬ

Пионерское расстояние.
Рвём потрепанную нить любви.
Бесконечное прощание.
Ты уйди. Уйди. Уйди.

Стоп! Не надо сентиментов.
Ночь чужая, но прекрасна.
Ты совсем не веришь в вечность.
И напрасно.

Видишь, мы с тобой гуляем,
Как далёкие планеты.
Мы прощаемся, прощаем.
И совсем не верим в это.

Пионерское раскаяние.
И вопросы без ответов.
Бесконечное прощание.
Светят чьи-то сигареты.

Звуки чьих-то поцелуев,
Прячешь взгляд ты на асфальте.
И не видишь, что люблю я,
Что прошу тебя: «Останься!»

□□□

Пускай...
Несколько дней...
Игра слов...
Танец теней...
Терять не готов...
Прощай...
Ну и пусть...
Целуешь любя...
Любишь целуя...
Зная тебя
Неделю лишь я
К тебе я вернусь.

ОЛЬГА МАРЧЕВСКАЯ

Родилась в Павлодаре (Казахстан). Окончила Львовский институт физкультуры. В настоящее время на творческой работе.

ГОСТЬЯ

Возьмите меня в этот радостный день
Спокойного, ясного, тёплого лета,
Где солнце играет мозаикой света,
И манит прохладой ажурная тень.
Поверьте, я вам не успею наскучить.
Я только умоюсь водой ключевой.
Умыться такую чудесной водой
Когда ещё мне представится случай?
Не бойтесь, я просто приду погостить,
В спокойствии чутком забыться немного,
Увидеть, как в небо уходит дорога
И с лёгкой душою обиды простить.

КОГДА НА СВЕТЕ НЕ БЫЛО МЕНЯ

Я белой завистью завидую закату,
Ночному небу и закату дня.
Мне кажется, что я была когда-то,
Когда на свете не было меня, –
Цветастой радугой и утренней росой,
Пушистым снегом, ласковым дождём,
Задумчивой серебряной луною,
По лесу пробегающим ручьём,
Лавиной горною и грозным ураганом,
Весенним громом на закате дня...
Была безбрежным синим океаном,
Когда на свете не было меня.

ЖАННА МОИСЕЕНКО

□□□

Расщепляя себя на части
По кусочкам, по мелким частям,
Я теряю свою причастность
К мыслям собственным и словам.
И в игре моей каждодневной
Много масок и много лиц,
Я играю отлично, наверное, –
В зале жизни не слышен свист.
Только изредка, где-то близко
Среди знакомых мне прежде лиц
Очень тихо и неуверенно
Слышно мне, что паду я ниц.

МИЛЕНИУМ

И падала жидкость с неба,
И мёртвой казалась Земля,
И тухлость прошедшего века
Очистить любовью нельзя.
А липкие души тлели
В изнанке своей суеты,
У них подгибались колени,
Но их не страшили огни.
И в этом чадающем смраде,
Рождающем глас Сатаны,
Возились упавшие твари,
Лишённые чувства вины.
И нездоровится Богу,
Тьма закрывает Любовь.
Вот он Милениум – кокон,
Словно застывшая кровь...

Родилась в 1964 г. в Польше. Живёт в Ивано-Франковске. По профессии фотограф. Регулярно печатается в «Альманахе» Клуба любителей славянской поэзии.

АЛЕКСАНДР МОРУШКО

ПРИХОД НОЧИ

Где-то вдали расцветает сирень,
Воздух незримо плотнеет.
Землю объяла огромная тень.
Кончился день.
Сгладили разность цвета и тона.
Множество точек светлеет...
В шумных просторах царит тишина.
Блещет Луна.

ДУША

Душа – гитара, но в ней порой
Пробуждается скрипка,
Она поднимает протяжный вой –
Голос на грани крика.
Это забытая совесть моя
Горько рыдает по мне,
Возвращаясь из небытия,
Словно из царства теней.

□□□

Не задевайте щемящие струны –
Грусти на свете хватает без них...
Сердце, что призвано быть вечно юным,
Веткой еловой сгорает за миг.
Клубится дым, обвевает нам лица,
Щиплет глаза, навевает слезу.
Только грустить нам, друзья, не годится –
Переживём мы и эту грозу.
В летнюю ночь звезды ярко-миндальны,
Тих и застенчив костёр озорной...
Под переливы гитары печальной
Вспомним мы всех, не пришедших домой.

Родился в 1966 г. в г. Виноградове Закарпатской обл. В 1990 г. окончил химико-технологический факультет Львовского политехнического института. Писать стихи начал с 1980 г. Автор двух сборников – «Чёрные розы» (1997) и «Заколдованный круг» (2000).

РУСЛАНА МЫРОНЮК

Родилась в 1972 г. в г. Солотвино Богородчанского р-на Ивано-Франковской обл. В 1993 г. окончила педагогический факультет Прикарпатского университета им. В. Стефаника. В 1993–1998 гг. работала учительницей в Маняве, теперь – предприниматель.

ПИСЬМО

Письмо – молекула души,
Что затерялось в строчках где-то.
Ты мне сегодня напиши
На черном небе лунным светом.
А завтра – в облаке дождём,
Однажды – осенью по листьям...
Мы часто этих писем ждём,
Написанных душой, как кистью.
А я тебе весну спою,
Угмонив грозу – ненастье.
Ведь я молекулу свою
Тебе опять дарю. На счастье.

ЗАВТРА

Завтра ночью ты опять придёшь ко мне.
Прикоснёшься к волосам ладонью влажной.
Я глаза твои целую при Луне.
Ты – со мной. А прочее – не важно.
Ты пришёл – и значит: я нужна.
Значит, что ждала я ненапрасно.
Ты пришёл – сбежала тишина.
Ты пришёл – и значит: жизнь прекрасна.

СМЕЛОСТЬ

Пусть смелость слов моё смущенье скроет.
А наглость поведенья утрашит.
Пускай язык вопит, но сердце – ноет
И совесть суд свой праведный вершит.
Дерзит язык. Он смелый... днём. А ночью?
Когда-нибудь раскроется секрет:
Плохой была я девушкой и дочью.
Но у меня другой в запасе нет.

К П. В.

Пишу опять, не получив ответа,
Но я его не жду: пишу. Читай.
В ночи – весна. Но пахнет больше летом...
Присядь, со мной немножко помечтай.
Кружится голова от цвета вишен,
И яблони в саду ласкают взор...
Прими мои стихи. Слова излишни.
В стихах – моя любовь и мой позор.
К лицу девчёнкам скромность и стыдливость,
Но спрячу их, твоих не видя глаз...
Прими меня, как есть, ну сделай милость!
Быть может, я пишу в последний раз.

Родилась в 1939 г. в России. По профессии инженер-экономист, бухгалтер. Печаталась в периодике, постоянный автор «Альманаха» Клуба любителей славянской поэзии. Автор поэтических сборников «Мгновения вечности» (1997), «Душа с душою говорит» (1998).

ГЕНРИЕТТА НАКОНЕЧНАЯ

□□□

Бегут сквозь пальцы бытия,
Но не легко и не шутя,
А мчатся бешеным потоком,
Гонимые судьбой и всемогущим роком...

Их путь сквозь узкое ущелье
Дорогой горя и терпенья,
Их путь во мраке и во мгле
всегда в страданьи и в борьбе...
Их путь вперёд – к победе, к свету,
где вечная любовь и бесконечно Лето!

Приют потока – горная река.
Где наш приют, где наши берега?

□□□

Да, жизнь не мёд... Порой несправедлива,
Бывает тяжела, подчас невыносима...
Но есть ли у неё альтернатива?
Рай неземной, мир неизвестный?
Но там уже не ты,
И не твоя там песня...

□□□

Ты есть во всём и Всё живёт в тебе,
Ты свет Звезды в небесной глубине.
Творец вселенной и её творенье,
Ты – вечность Бытия и ты – его мгновенье!..

О Л Е Г П А В Л Е Н К О

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА БАШЛАЧЁВА

Опять печальные глаза
И мир нам тесен.
Дрожит горячая слеза
В обрывках песен,
Разбито грязное окно.
И кровь. Густо
Упало в душу, где давно –
Темно и пусто.
Надгробий грязные цветы –
Невыносимы.
Но бродят по миру шуты
И пилигримы.
Им слов да песен круговерть –
Как ложка яда.
И незапятнанная смерть –
Одна отрада.
И, путь печальный проложив
Меж звезд небесных,
Они вернуться к нам, ожив,
В квартирах тесных.

Родился в 1966 г. Окончил Львовский институт физической культуры. Работает учителем. Печатался в периодике.

□□□

Ветер выстрел развееет,
Истлеет живая мишень.
Может, мир подобреет,
Окунаясь в безоблачный день.
Солнце красное встанет
И дом наш утонет в цветах,
Лед последний растает
В твоих огрубевших руках.
И прозреют слепые.
Из души улетучится страх.
Наши судьбы кривые
Встретят, что ждали в мечтах.
Может, день тот настанет,
Который так долго ждём.
Может, снова обманет,
Мелькнув вдалеке миражом.

□□□

День окунается в ночь –
Ночь убегает в дождь –
Дождик размочит пыль –
Шторм превратится в штиль –
В тучах уснёт звезда –
Тронутся вновь поезда –
Ты сосчитал до двух –
Вот и замкнулся круг.

СТЕПАН ПАВЧАК

ПРОЩАНИЕ

Прощай-ка, родная сторонка!
Буду видеть ещё ль я тебя?
Оставайся, моя старушонка, –
Ты не плачь, лишь молись за меня.

Я умчусь отсюда далече,
Уплыву за тридцать земель, –
Иль останусь живым в лютой сече,
Или сядет фрегат мой на мель?

Накукует мне сто лет кукушка.
Аль не будет мне долго житья?
Будет мочь всю тянутся пирушка,
Аль под утро не хватить питья?

Меня станет любить семь красавиц,
Но царевну мне ль обнимать?
Иль весёлым буду от здравиц,
Или снова начну тосковать?..

Прощай-ка, родная сторонка ...

ОБЕЩАНИЕ

Я тебе обещаю не пить,
Не грубить, не хамить, не буянить,
Обещаю тебя лишь любить
И любимого сердца не ранить!

Я с друзьями «водиться» не стану,
И стихи писать (хочешь?!) заброшу.
Жизнь бродяги влачить перестану,
Начну новую жизнь, жизнь хорошую!

Даже, хочешь, в себе отниму
«Я» большое. Начну вновь с нуля.
Но пойдёшь ли тогда ты к нему –
К измельчённому этому «я»?..

Родился в 1954 г. в г. Городенка Ивано-Франковской обл. Окончил Львовский университет, работает учителем информатики. Стихи печатал в периодике, занимается краеведческой работой, изучением покутского диалекта Галичины (создал для него особый алфавит).

ГУМИЛЁВ

...Я конкистадор в панцире железном...
Николай Гумилёв

Я – тот конкистадор из стали,
Не зная во рвении преград,
Умчусь сквозь неизведанные дали
В мечты из золотых Эльдорад!

Вызывая соперников зависть,
Коней лихих объезжал,
Во светлых влюблялся красавиц,
Неверных – тот час покидал.

Скуку мира сего всю постиг...
И, когда мне в нём всё надоело,
Я ступил в замечательный миг
На тропу на военную смело.

Мне невестой – война-красавица!
Земли ниже главу ей склонять.
К её телу в окопах мне нравится
Прижиматься и обнимать...

Я стреляться любил на дуэли
(На пятнадцати смертных шагах),
Но сейчас мне милее – шрапнели,
Что взрываются там, в облаках.

Мне героем ничуть быть не лестно –
И не грабил я, хоть убивал:
Я в атаке противнику честно
Грудь штыком своим острым пронзал...

Я был честен! От каски до шпор.
Пусть века крутят грязь в канители.
Буду – с честью! И красный топор
Стойким срубит меня, как ели.

Я ведь тот – конкистадор из стали.
Не зная во рвении преград,
Умчусь сквозь неизведанные дали
В мечты из золотых Эльдорад!

СТАНИСЛАВ ПОЛЯКОВ

□□□

Философ горд, что чувства усмирил.
Поэту мир без чувств не мил.
О, человек! Чтоб не наделать бед:
Познай кто ты – философ иль поэт?

Л. Л.

Родимся нераскрытыми бутонами,
Вдруг импульс неизвестно отчего
Нас делает Равелями, Ньютонами,
Иль непохожими ни на кого.

Нас что-то распирает, нами движет,
Порой навязчиво, как боль,
И мы уже не те, другое ближе
Нам, влечёт и манит за собой.

Уж если ты рождён поэтом,
Своей судьбой не сильно льстись,
Не будешь критикой согретым,
Хоть наизнанку извернись.

Не первый ты в труде свободном.
Неси спокойно свой удел
И верь в себя, не трать бесплодно
На критиков ненужных стрел.

Родился в 1937 г. в Белоруссии. Инженер по образованию. Первый председатель Клуба любителей русской (славянской) словесности, первый составитель и редактор его «Альманаха». Трагически погиб в 2000 г.

ПРИЗНАНИЕ

Трудами праведными не наживёшь
палат каменных.

Что мне толку с тебя, что ты добрый, хороший,
Ничего не жалея, всё мне отдаёшь.
Ведь добро – это то, что в карман не положишь
Из хорошестьи платья ты мне не сошьёшь.

Что мне толку в тебе, что на всех непохожий
По законам каким-то своим ты живешь.
Хочешь правды во всем, сердце правдою гложешь,
И превыше всего ненавидишь ты ложь.

Что мне толку. Ведь правдою дом не построишь
И меня не оденешь, на юг не возьмёшь.
Правдой только излишне людей растревожишь.
Знай – лучше правды – богатая ложь!

Я любила тебя? Быть такого не может.
Кто же любит себе судию!

□□□

Блажен, кто смолоду был молод...
А. С. Пушкин

Блаженными поэт назвал людей,
Которым всё приходит в своё время,
Кому знакома песня лебедей
И жизни тягостное бремя.

Друзья! Желая вечно вам
Не ссориться ни с возрастом, ни с веком.
Противясь встречным ветрам и волнам,
Всегда и всюду оставаться человеком!

ЦЫГАНСКОЙ ДУШЕ

С моей русской, цыганской душой –
Не под тем я родился небом,
Почему-то в груди – непокой
По краям, где ни разу не был.

Может быть, собратся в Китай,
Где мужчины с чёрными косами.
Ты попробуй, поди-ка, узнай,
Что таится за взглядом раскосым.

Почему-то тянет в Тибет,
Может, к предкам в каком-то колене,
Позаимствовать мудрости свет,
Той, космической, вечной, нетленной.

Почему-то хочется знать
И понять, как живут там люди:
Может, будущее предугадать –
Не такими ли сами будем?

Ну, а лучше всего – к индусам,
Предкам наших, родных цыган.
Чьи сыны до рожденья Иисуса
Были мостиком наших стран.

Вы спросите, какой же русский
Слушал песни их, не скорбя?
По обличью в них видим индусов,
А по вольнице, мнится, – себя!

В КАРПАТАХ

Минуло пять лет, и я снова в Карпатах.
Я Прутом люблюсь – он чист, как стекло.
Но я уж не мальчик, как было когда-то,
Пять лет – а как много воды утекло!

Я вырос. И странно: тогда мне казалось,
Что будто бы жизненный путь я нашёл,
Что знаю тебя, что мне только осталось
Пойти тем путём и идти хорошо.

Но... Жизнь постаралась внести коррективы,
Мой путь изменился. Взрослее я стал.
Забылся тот юноша, мальчик строптивый,
Который от жизни так много ждал.

АНДРЕЙ ПУСТОГАРОВ

АЗИЯ

□□□

Я люблю тебя, Гур-и-Амир.
Смерти чуя проказу,
мы посмотрим спокойно на мир
сумасшедшим подкрашенным глазом.
На крошащихся глин языке
закричав грусти речи,
и прибывающей мрака реке
мы стоим неподвижно по плечи.
Неба око желтеет, как кость.
Скучно
мою выласкав злость,
ночь обхватит твой купол.

□□□

Пусто в воздухе невозвратимом,
желтизны все бесстрашнее рык.
Красок тающим дымом
меня лижет заката язык.
Так густы смерти речи,
и безумие глин
сотрясает предтечей
среди щербатого счастья руин.
Завтра спины подставят железные звери,
я увидеть хочу, хоть умри,
солнце дня как сыграет мистерию
на мелеющих водах Дарьи.

Родился в 1961 г. во Львове. Учился в Московском физико-техническом институте, затем работал в лаборатории газодинамических лазеров. В советское время путешествовал, нанимаясь рабочим в различные экспедиции: на Полярный Урал, в Среднюю Азию, на Курильские острова. Пишет стихи и прозу «малых форм». Переводит с украинского и английского языков. В 2001 г. опубликовал (совместно с Владимиром Ешкилевым) сборник стихотворений «Диптих». Готовится к изданию книга стихов и прозы «Азия». Вышли три книги его переводов современной украинской литературы: поэзии – «Станислав+2*» (2001) и «Мы умрем не в Париже» (2002) и прозы – «Галицкий Стоунхендж» (2003). Произведения размещены на сайте: www.dynamo-ny.com. Живёт и работает в Москве.

ГОРОДА

□□□

Армия приходит в чисто поле,
тихо говорит: «Е... на мать!
Ну так что нам, помирать здесь, что ли?»
И садится в балочку пострать.
Город прячет статуи в подвалы,
дохнет за фонетику свою.
Что ж ты ничего мне не сказала,
что мы можем встретиться в раю?
Что ж ты ничего мне не сказала,
что все это будет наяву?
Вдоль мостов замёрзшего канала
можно выйти прямо на Неву
постоять, но надо торопиться
сесть в трамвай, покуда за окном
вянет день, и спица золотится
с ангелом, а может, с петушком.

ПРАГА

эта осень похожа на вкус винограда
эта жизнь входила ты рада не рада
так зачем же туманы запахла листвою
этот город увидев любил ли его я
виноградную воздуха чувствуя мякоть
я хотел улыбнуться а вышло заплакать
где зеленое с желтым смешались нестрого
по колена в земле ждет Его синагога
приходи ведь из славы и срама
вы построили город Ему вместо храма

□□□

Заворожённый, юный
раннего лета плеск,
медленный взгляд на лагуну,
клёкот и блеск
высыпь как соль на ранку.
Коль не разбудит дрожь,
черную итальянку
встретишь и пропадёшь.
В воду гляди с опаской,
в свой возвращайся край,
венецианскую маску
не надевай.

ПЕСЕНКА

«За три дня всё само перестанет», –
говорил мне апостол Фома.
Мироносицей в белом тумане,
может, мне поможет зима.
На меня снег посыпал, как брашно,
а по телику пела girl или boy:
«Что меня ты не любишь – не страшно,
всё равно я с тобой».

ВРОДЕ «ЗАПОВІТА»

Прабабушка моя, рожденная на Днепре,
отдыхает в земле предгорий.
Я же, когда умре,
хочу видеть море.
В каталонскую лёг бы степь,
сетками разгороженную,
под прибоа бас, чаек рэп,
оригинал, тоже мне.

КИРИЛЛ РУБАНОВСКИЙ

ФЕВРАЛЬСКАЯ ЭЛЕГИЯ

Родился в 1972 г. в Ивано-Франковске. Окончил юридический факультет Прикарпатского университета им. В. Стефаника. В 1998–2002 гг. – депутат Ивано-Франковской городской рады. Председатель городского общества молодых инвалидов. Печатался в периодике.

Не знаю я, что сделалось со мною,
Куда бежал покой вдруг от меня –
Я не хочу лукавым быть с тобою,
Любимая – к тебе душа моя.
Казалось бы, не робок от рожденья,
Из многих передряг я выхожу,
Но пред тобой от странного смятенья
В буквальном смысле слов не нахожу.
Сегодня же, отбросив все шатанья,
Закончив малодушную игру,
Не утаю безумного признанья –
Признанья в том, что я тебя люблю.
Да, это так. Не лгу и не играю,
Творя наперекор самой судьбе.
Ты не моя. Любимая – чужая.
Но я теперь принадлежу тебе.
С тех пор, как был отвергнут я тобою,
Все помыслы мои несутся вспять:
Иль чудится, иль снится – ты со мною,
Мне на лицо – твоя густая прядь.
На память остаётся эпизодик:
Ты, я, любовь и больше – ничего.
А дальше?.. Просыпаюсь. Ты – уходишь.
Мир – чёрно-бел, нет рядом никого.
Ужели кораблю сидеть на мели?
Неужто кто-то дал закон такой,
Что нет душе в несовершенном теле
В подлунном мире права на любовь?
Всевышний справедливо миром правит.
С мольбою призову Его я Власть.
Чтоб разрешил, которую украла
Судьба слепая, у неё – украсть.

□□□

Но к чему тут хныкать? Глупо резать вены,
Ведь не навсегда же брэнное житьё!
Верю, что когда-то, где-то, несомненно,
Отыскать сумею счастье я своё.
Освятятся годы чувством тем взаимным,
Над каким не властен пересуд пустой,
И смогу тогда я быть любим (любимым!),
Не увлекаясь внешней красотой.
Мы же друг на друга сетовать не будем,
Виноваты только молодость и май.
Бог – Судья правдивый. Он-то нас рассудит,
Не теперь, так после. А пока – прощай...

В А С И Л Ь Р Я Б Ы Й

□□□

Мій світе, мій журавлю!
Л. Кисельов

Жил на свете мечтатель-мальчик.
Он обычно сидел у окна.
Он не знал, что это значит,
и мечтал от утра до темна.

Он мечтами своими питался,
он с мечтами ложился спать
и во сне тепло улыбался,
продолжая дальше мечтать.

Но однажды идя по улице,
по колени влезая в грязь,
смотрит: девушка грустно сутулится
с облаками мечтающих глаз.

Тронул образ волнующий душу,
вмиг застыли златые мечты,
как озёрце в морозную стужу.
С губ сорвался вопрос: «Кто ты?»

Удивлённый прохожий молвил:
«Что ты, мальчик, она манекен».
Долго думал малыш, пока понял,
что он жил в розовой мечте.

Что он плавал в сиропе счастья,
что глотал карамель красоты
и, мечты упоённый властью,
манекена спросил: «Кто ты?»

Посмотрел он на грязные брюки.
Обожгла сердце болью грусть.
И он снова пошёл по грязюке,
чтоб мечту хоть на время вернуть.

ALTER EGO – ЗЕРКАЛЬНОЕ «Я»

Всё видел, чувствовал и жил.
Т. Г. Шевченко

□□□

Нет у меня никаких срочных дел,
кроме медленной спешки.
Вот чудеса.
Ветку нагнул,
яблоко райское съел –
словно солнечный стих написал.

□□□

А много – это очень мало
для одного, двоих и всех.
И горький сладкий
первородный грех
в любви – необъяснимое начало.

□□□

Вслух мысли о невзгодах – дребедень,
как дым над серой суетой зависли.
Но так заманчиво ответить:
«Добрый день», –
лень промолчать
о парадоксах жизни.

□□□

Ангел падший
пока что лишь неудачник.
Не сбежать от себя никогда,
как от зла.
И, конечно, его беспокоит задача
спрятать то о себе,
что во всех зеркалах.

□□□

И жил свободно, жил как пел.
Дышал, ел,пил,
роптал несложно.
Ах, кто-то не хотел
запачкаться в грехах,
желая противоположного.

□□□

К чувствам свободным
с рожденья привык Всевышний,
от догм сердце Космос миловал.
От суеты оторвался на миг.
Просто забылся, пофантазировал.

□□□

Не верится,
что есть на свете козни
и инородное родное зло.
Но с глаз
внезапные слетают слёзы,
как переполненные тайной НЛО.

□□□

Хочешь верь
и хочешь не верь:
в сердце Истины –
лишь не пугайся –
для зрячих сердцем
открытая дверь
и не надо в неё стучаться.

□□□

Когда я птицей бывал,
я знал – существует правда:
упал и поднялся, взлетел и упал
каждый, кроме ползущего гада.

□□□

Часы остановились –
время нет,
и счастье –
зеркало в прохожих лицах,
что капельки дождя
устроили балет
и аплодируют,
не наблюдая стрелок, листья.

□□□

Смычок маэстро весело звенит,
рождая вечное движение.
И в небесах под ритм парит
во сне земное притяжение.

□□□

Когда вдруг Орфей-певец
сорвался, голос кляня,
он знал, что в запасе есть
alter ego – второе «я».

МАРИНА САДОВАЯ

ЭХО

Ты здесь, в груди,
Над сердцем где-то дышишь,
Молчать ты можешь,
Говорить, кричать и петь...
И выть, и слёзы лить
Дождём по крышам,
Чтоб что-то смыть,
А что-то – уберечь...

Я слушаю – и ничего
Не слышу:
Лишь шёпот, стоны
Да обрывки фраз;
Лишь запах красок –
Да картин не вижу:
Лишь полумрак, и
Скрыто всё от глаз.

Звучишь тогда, когда
Тебя не просят,
Молчишь в тот миг,
Когда тебя хотят.
Что в том молчаньи?..
Что в многоголосьи?..
И не понять: ты
Рай мой или ад.

Чью песню напевашь
Ты, волынка?
Поленья чьи бросаешь
Ты в огонь?
Ты мой туман,
Таинственная дымка;
Ты – мой убийца
И мой верный конь.

И зверем воешь, и
Скребёшься смехом.
Ты не светило: лишь
Лучи, а жаль...
Но ты со мною... Голос? –
Нет, лишь эхо,
И ты звенишь, души
моей сусаль.

СТИХ

Стих – не искусство и не хобби.
Стих – это личность и душа...
Из сердца через вдохновенье
Струится рифма не спеша.

О Л Ъ Г А С О К О Л О В А

ДАМА С КАМЕЛИЯМИ

Магнитит взгляд камелия
И гибкий стан.
Как обходила мели я,
Звенел обман!
И всё же, не обманное –
А виражи! –
Такое жгучее, такое жданное
Заворожит.
Закружит голову и не воротиться:
В глазах – туман!
Заманит тайною и расхохочется...
Глядишь – капкан.
Когда ж успела вихрь – судьба-проказница
Поймать мечты?
Но ведь смеется лишь в лицо и дразнится
Из пустоты.
Походка-лодочка отравно смелая,
Завидуя глаз!
Что ни скажи, любить умела я
И Вас, и Вас, и Вас...

Родилась в 1969 г. в Магдебурге. Закончила филологический факультет Харьковского педагогического института. Работала в России учительницей. С 1989 г. живёт в Ивано-Франковске, работает директором Ивано-Франковского отдела фирмы OgiFlame. Печаталась в периодике и «Альманахе» Клуба любителей славянской поэзии.

□□□

Как вино, меня выпей до капли,
Не бросая слезы на дне.
Хочу белой бродить я цаплей,
Где не помнят о прошлом дне.
Трудно выпить? Вина в вине? –
Тогда выплесни на дорогу...
В этом месте в какой-то весне
Кто-то взоры поднимет к Богу...

□□□

В руках томительная дрожь...
Я чувствую, что ты придёшь.
Не знаю лишь: чужим иль братом,
Иль гостем, временно богатым.
А может, в память о забытом
Ты ввалишься ко мне транзитом.
В ладонях будешь греть мне руки,
О неотступности разлуки
При этом думая. Ну что ж...
В руках томительная дрожь.

□□□

В светлой заводи заката,
Когда спорят явь с мечтой,
Соберу охапку мяты,
Пьяной свежести густой.
Я лицо водой умою,
Горлицей оборочусь,
Ветру-вечеру раскрою
Нежно-трепетную грусть.
А потом в твоё окошко
Я нежданно постучу.
О дожде с тобой немножко
И о ветре помолчу.

□□□

Кто б ни был ты, в мой сон зашедший,
Лишь об одном прошу – молчи...
В молчании друг другу легче
В глаза глядеть средь ночи.
Внезапность встречи и разлуки
До удивленья хороша.
И пьёт струящиеся звуки
Моей души твоя душа.
Глядит распахнутое небо
В твоих взволнованных очах,
Уже не спорят быль и небыль
В немых речах...
Кто б ни был ты, в мой сон зашедший,
Лишь об одном прошу – молчи!
Пусть тихо-тихо ночь зашепчет
Над светлым пламенем свечи.

□□□

Я не пла́чу, я – плачу́.
За минуты нетерпенья.
За мешок – не по плечу –
Взятых на себя решений.
Может, где-то ты солгал,
Совесьь укротив укором?
Может, просто мало ждал,
Вышел трусом или вором...
Я не знаю, в чём секрет.
Мысли движутся по кругу...
Не поможет трафарет
Мнений общества иль друга.
Муть всезнающих советов,
Я их слышать не хочу.
Нет вопросов без ответов.
Я не пла́чу, я – плачу́.

□□□

Когда приходят в гости небылицы,
сморкает плач.
Они на белокрылой кобылице
несутся вскачь.
По млечному пути без передышки,
Звёзды столбом!
В страну, где кошками играют мышки,
Где старый гном
покажет,
Как растут на елках карандаши,
Расскажет,
что простой иголкой
весь мир наш шит.
Толкнём ладошкою луну!
Пускай качается...

□□□

Солнышко вплетается в ресницы,
От лазурности не отрываю глаз,
Никого не слушаю, лишь птицы
мне приносят музыку сейчас.
Это – май!
Стремительным потоком
ворвался и опьянил меня
перламутровой березы соком,
свежим ветром и сияньем дня.
Май мечтою голову вскружил.
Неужели ты не догадался:
Кто мой май?
Кто бесконечно мил?

□□□

Камень, упавший в воду,
Не чувствует бег волны,
И брызги, взлетевшие в воздух,
Ему не видны.
Уляжется он безмятежно
В ил – на спокойное дно.
Чужую беду иль надежду
Понять ему не дано.

ЮРИЙ СУЛТАНОВ

ЭКСТАЗ

Дрожь волной прокатилась по телу...
Ночь чёрной пантерой выгнула спину,
замерла сладострастно,
готовясь к прыжку,
зрачками поймав луну-лососину.
Жрица Изида на ложе в храме
лимонные дольки – капли нектара –
на блюде серебряном
перебирает,
тело её в объятьях пожара.
Шаль с обнажённых плечей сползает...
Форму меняет ночное светило...
миг – и бусинки пота
на верхней губе
алмазами блещут, курит кадило...
Жрица в экстазе – явилась Изида.

Родился в Коломые в 1948 г. Поэт, публицист, литературовед, один из ведущих методистов Украины. Выпускник Азербайджанского университета им. М. Ф. Ахундова в Баку. Был заметной фигурой бакинского и московского андеграунда конца 60-х – начала 70-х годов. Активный деятель Азербайджанской общины в Украине в 1991–2003 гг. Кандидат педагогических наук. В 1987–2003 гг. – доцент кафедры мировой литературы Прикарпатского университета им. В. Стефаника. Автор поэтических книг «Алхимия виртуальных игр» (2001), «Камера-обскура» (2002), «Я умру не в Париже» (2003, на украинском языке), неопубликованной пьесы «В стране мёртвых масок, или Бред сумасшедшего» по мотивам произведений Акутагавы Рюноске, учебников по зарубежной литературе (авторских и в соавторстве с профессором Марком Теплинским), общий тираж которых на момент кончины Ю. Султанова превысил три миллиона экземпляров, многочисленных статей по

методологии преподавания литературы, литературоведению и культурологии, научно-методических книг и пособий «Изучение критического наследия Н. А. Добролюбова на уроках литературы» (1985), «Современное прочтение русской классической литературы» (1990), «Литература мусульманского ренессанса» (2000), «У світі античної літератури» (2002). Был членом редакционных коллегий, научным консультантом и постоянным автором журналов «Зарубіжна література в навчальних закладах», «Всесвітня література і культура в навчальних закладах», «Відродження», «Галицько-буковинський хронограф». Лауреат (1-ая Премия) всеукраинского конкурса научно-методических исследований «В мире арабской литературы» (1996), премии «Світлослов». Научное наследие Юрия Султанова в области методологии и методики преподавания литературы, по мнению специалистов, является одним из базовых компонентов развития этой научной отрасли в Украине. Скоропостижно скончался 4 мая 2003 г. Похоронен в Коломые. Тексты Юрия Султанова размещены на сайте www.mesogaia.il.if.ua

□□□

на губах её
похотливых
сластолюбивых
жадных
и в то же время
ленивых
горьковатый
миндальный
привкус...
когда губы её ласкают
каждый
квадратный
сантиметр
моего тела
противоядие трезвости
растворяется
в голубом дурмане
азиатско-славянской
нежности
и горечь полыни
красным
гранатовым соком
взрывает вены
и я медленно умираю
на губах ощущая
горьковатый
миндальный привкус...

НЕЖНОСТЬ В КАМЕРЕ-ОБСКУРЕ

Я попытаюсь быть нежным с тобою,
насколько это возможно...
Ты зябнешь, в туман укутавшись
своего фатального одиночества,
в лицах прохожих
видишь пустые глазницы
инстинкта звериного.
Не пугайся!
Сохраняемость вида зависит
от нашей способности к совокуплениям
в сфере банальных экономических интервенций.
Твои тонкие плечи –
признак болезненного вырождения –
вздрагивают, как крылья раненой птицы,
от грубого прикосновения,
неизбежного как скифская месть
за поруганные курганы.
Вот кофе остыл, и водка в моём стакане
ещё недопита...
Я приглашаю тебя на танец
в клетку экзотического балета,
где искусственный лучик света
на чёрной стенке камеры-обскуры
избавит наши тела от балласта абсурда,
и вечер в городе голубого блюза
совсем незаметно излечит тебя
наркотиком ночи,
а трезвость – трезвость приходит утром,
как осень, сменяя лето синдромом похмелья,
и в эти минуты я постараюсь быть нежным,
насколько это возможно,
и серые будни станут
моментом истины
в битве за наше с тобой выживание
в сфере банальных духовных ценностей,
украшенных бижутерией
криминальных адептов,
на фоне тотальной глобализации интеллекта.

□□□

Блуждать в лабиринтах Памяти
между сном и реальностью,
вдыхая ароматы спальни,
на мягкой постели
у изголовья безумной женщины
с фигурой,
 будто выкроенной по лекалам,
сработанным
 итальянским скрипичным мастером,
например, Амати...
И чувствовать,
 как постепенно мистика исчезает
сквозь неплотно зашторенные окна,
и наступает трезвая цельность,
которая окончательно убивает
мышиним цветом рассвета
зыбкую Память...

□□□

Одега ты, словно птица,
одеждами крыльев,
полёт твой над преисподней –
вызов земной юдоли,
в которой я
обречён копошиться.
В лабиринтах твоей души
извечная тайна сокрыта
сокровищ несметных,
в коллекции перьев павлиньих
не меркнет твой лик идеальный,
в каждом движении тела
в глубинах его сакральных
одинокости томного нега,
и выдох, и вздох
и дразнящее обаянье
свидетельство не земного,
небесного пребывания...

Одега ты, словно птица,
одеждами крыльев –
прекрасная и... нереальная.

Марку Теплинскому

Мы – волки,
 замкнуты
 во времени
 пространством,
 нас давит груз
 языческих страстей,
 степная кобылица,
 ветер странствий
 вскормили нас –
 непрошенных гостей.
 Ну что ж, мы здесь,
 и значит есть
 какой-то смысл –
 резон в охоте –
 он в нашей плоти
 и в вашем поте.
 Так быть охоте!
 Но в этой гонке
 по круга кромке
 один исход:
 нам с кровью предков
 передан код –
 на истребленье...
 И вздыбив холки
 степные волки,
 оскалив пасти
 на снежном насте
 лежат рядами
 и снег подтаял
 под их телами
 от теплой крови...
 Ведь в этом мире
 мы все – изгой,
 и смотрим в вечность
 глазами Гойи.

Моему другу – Богдану Цыбику,
 который знает то, чего не знаем мы.

Прапорщик Богдан Цыбик,
 бывший афганец – ныне в отставке,
 пьёт со мной водку
 в коломыйском баре
 медленными глотками.
 Глаза его, как песок Герата,
 когда ветер восточный дует с пустыни,
 смотрят в меня сквозь прицел
 кандагарской осени.
 Прапорщик Богдан Цыбик
 хронично печален,
 там, где душа –
 у него зияет рваная рана,
 которая не зафиксирована
 ни на одном рентгеновском снимке.
 Врачи недоумевают:
 лечат тело – о душе забывают,
 болезнь называют
 «афганским синдромом»,
 а впрочем, что они знают
 об Афганистане,
 о снах, которые мучат память,
 о том, что он ночами
 от боли скрипит зубами,
 а утром зажигает свечку
 в Христовом храме
 за друзей убиенных
 в Афганистане...

Прапорщик Богдан Цыбик,
 бывший афганец – ныне в отставке,
 пьёт со мной водку
 в коломыйском баре
 медленными глотками...

ВЛАДИМИРУ ЧЕРНЯВСКОМУ

В глазах, как в зеркалах венецианских,
глубоких, как полуденный Восток,
вдруг отблеск явится страстей славянских,
пронзающих Византии поток.

И золочёных куполов сиянье,
колонн червлёных и имперский гнев,
как символ древнего сказанья
на полотне рождается шедевр.

Миг вдохновения благословенный,
и кисть свободно падает на холст,
и лик эпохи необыкновенный
являет Знак – остгот не зол, не прост.

Он ищет связь времён и озаренье
шлифует мастерство, отточит зренье,
ещё одно, всего одно мгновенье –
положен завершающий мазок,
широкий, как таинственный Восток.

В РИТМЕ БЛЮЗА

Не город, а боль – этот город в тебе,
как опухоль. Без аллегорий.

Издрик

В ритме блюза скользить
по улицам города,
где купол ратуши сияет,
соперничая со шпилем
адмиралтейства Санкт-Петербурга,
прищуренным глазом белого негра
оценивать выставленные на показ
женские прелести,
ёрничать на фуршетах
«Станиславского феномена»,
со значительным видом
цитируя Гадамера,
и, однажды услышав,
что всё это очень мило,
по крайней мере значительно лучше,
чем повеситься на собственном галстуке
от провинциальной пошлости и скуки,
послать всех к чёртовой матери.
На привокзальной площади
пожалеть дворняжку-суку
с глазами, похожими
на постмодерную поэтессу,
купив ей кило ливерной колбасы,
и ускользнуть в медленном темпе
от драной кошки,
которая ходит сама по себе,
возомнивши себя чёрной пантерой,
и наконец окончательно раствориться
в городе нарочито корявых стихов,
похожих на раковую опухоль.
Без аллегорий.

МОЙ АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ С ПЕРЕБИТЫМИ КРЫЛЬЯМИ

Над городом вычурного барокко,
на высоте современного
девятиэтажного панельного дома,
а если точнее – где плоские крыши
целуются с галицийским небом,
среди антенн, похожих
на фантастические шпильки
в головах запатентованных топ-моделей,
живёт мой Ангел-хранитель,
который наивно считает,
что выполняет важную миссию,
то есть спасает
мою грешную душу.
Я представляю, как он страдает,
примостившись сизым голубем
на уродливом карнизе
архитектурной тупости,
не подозревая, что крылья его
давно перебиты,
и с высоты взирает,
как камни в него швыряют
записные пииты.
Спаситель с небес не замечает
эту пошлую трагикомедию
и уже никого не спасает,
а сизый голубь сидит,
нахохлившись на карнизе,
и никуда почему-то не улетает,
видно знает
святую извечную тайну,
которая постоянно витает
над городом вычурного барокко
и мне кажется – я его понимаю.

□□□

Я умру в Париже в четверг вечером
Сесар Вальехо

Я умру не в Париже,
а в городе голубого блюза –
в терракотовом Станиславе –
то бишь в Ивано-Франковске,
где терпкий запах асфальта
не хуже французской Сены
щекотал мои ноздри,
архитектура барокко
оргазмами истекала,
и брусчатка
декоративная
с шести до восьми вечера
целовала подошвы
моих стоптанных башмаков.
Кто-то, наверное, Епиклеву,
скажет прощальное слово
в духе топоса поражения,
и друг мой,
очень похожий
на постмодерного Дон-Кихота,
выпьет изрядную дозу
чесночной водки
собственного приготовления,
а известный художник,
нахлобучив на лысеющий череп
чёрную фетровую шляпу,
прихрамывая под тяжестью
знаковой кожаной сумки
одиноким будет
мерить шагами
улицы старого города,
который мне подарил
минуты прозренья и счастья,

женщин, красиво-изысканных
(в Париже таких не сыщешь),
друзей крутолобых
с византийскими ликами...
Поверьте,
ради этого стоило
жить и умереть
в городе голубого блюза,
в терракотовом Станиславе –
то бишь в Ивано-Франковске.

ДМИТРИЙ СУХОДОЛЬСКИЙ

НОЧНОЙ КОНЦЕРТ

Дирижируя парком, ветер мягкой рукой
Шелестит партитурой опавшей листвы,
Догоревших костров дым белесый, густой,
Укрывает аллеи и прячет кусты.
Глубокая ночь с ущербной луной
Странную песню поют надо мной,
В тёмной воде, с упавшей звездой,
Танцует листок в паре одной.
Осень безумна и холодна,
Она за стеклом – темна и одна,
Под тонкой рукою трепещет струна,
Чуть слышен мотив, а припев – тишина.
Последнее шоу – осенний дуэт,
Мертвеющий ритм, умирающий танец.
Опавшего золота снов минуэт
И корочка льда затуманила глянец.

Родился в 1973 г. в Ивано-Франковске. Вице-президент Ассоциации творческой молодёжи «Западная брама».

LACRIMOSA

В безумии вечном любовных утех,
В жемчужном бессмертии полной луны,
В бокале моём утопила свой смех,
К рассвету бежала по гребню волны.
Бежала, а небо взрывалось огнём,
И пурпуром вдруг засветилась гладь.
Смеясь, обнималась с рассветным лучём.
Спешила в нём тело своё искупать.
Спешила ты жить, не спеша умирать,
С восторгом смотрела на томный закат,
Познать ты спешила, что можно познать,
Мечтала когда-то пайти чей-то клад.
Когда смерти час коснулся тебя –
Ушла по ступеням из лунного света.
Холодной щекой прокатилась слеза,
Алмазом упала меж звёздами где-то.

КНИГЕ

Среди каменных стен опоздавшего века,
Над ажурным сплетеньем готических слов,
Пыльный воздух и Прошлое – древний калека
Возрождаются памятью прожитых слов.
Вновь рассвет обагрят хоругви и пики,
И ударом меча рвется жизни полёт,
Но на поле крови смотрят трупные лики,
И сдувает монах с книги пыльный налёт.
Оплетая деяния вымыслом диким,
Облекая речения в твёрдый размер,
Синтезирует разум, оставшись безликим,
Порожденье былого – грядущим пример.
Озарённое плачущим светом свечей,
Источённо-гравюрных, ночных силуэтов,
Эхо мёртвых веков, еле слышных речей,
Блеклых букв, галерея словесных портретов.

□□□

Когда ещё смогу увидеть я
Безмолвья азиатские чертоги?
Когда ещё смогу услышать я
Скрип колеса по каменной дороге?
Где ветер, раздувая ткань полога,
Носился меж колоннами дворца,
Истории законным эпилогом
Вдруг ставшей по желанию Творца.
Разбитой статуи слепая голова,
Осколок божества – след для живущих.
Истошный вой на мёртвые слова...
Как не вторить мне голосу поющих?
Огонь Деяния укроют слоем пепла,
Но оживет до тла сожжённый мир,
Грядущее не будет больше «неклом»,
Или концертом златострунных лир.

СВЕТЛАНА ТЕРЕХОВА

Родилась в 1983 г. в Ивано-Франковске. Печаталась в периодике и «Альманахе» Клуба любителей русской словесности (славянской поэзии).

ОСЕННЯЯ ЛЮБОВЬ

Падают жёлтые листья –
Осени хмурый венец,
Словно художника кистью
Создан печальный конец.
Мне ни к чему оправданье:
Мы не увидимся вновь.
Тихо скажу на прощанье:
«Пусть умирает любовь!»

ЕЩЁ МГНОВЕНЬЕ

Ещё мгновенье, лишь мгновенье
До новой прихоти судьбы.
А мне не вымолить прощенья
За годы страсти и борьбы.
И что сказать мне в оправданье?
Ведь я, быть может, неправа.
Бог мой! Как тягостно прощанье
И как бессмысленны слова!
Не стану я роптать на Бога
Из-за ничтожных мелочей:
Должна теперь моя дорога
Навеки разойтись с твоей!

□□□

Я не пытаюсь превозмочь себя
И о тебе вздыхаю поминутно.
Ты далеко, но, Боже мой, – как трудно
Смириться с тем, что рядом нет тебя.
Что делать мне? Любовь «ещё жива».
Как излечить своей души томленье?
Ты мне дарил, любимый, вдохновенье,
Молитвой стали мне твои слова.
Я понимаю – нам не по пути,
И не хочу терзаться прошлой болью.
Обременив тебя своей любовью,
Я испуганно говорю – «Прости!»
Прости меня за письма ни о чём,
Забудь любви наивное признание.
А я прощу тебе твоё молчанье
И перестану грезить о былом.

СЧАСТЬЕ

Земная жизнь – как вечности порог,
Через него перешагнём однажды,
Ведь никому не удавалось дважды
Прodelать выбор судеб и дорог.

Быть может, многоликость бытия
Зовётся не иначе, как мгновеньем,
Как связь между борьбой и примиреньем
Духовного и нравственного «Я»,

Когда усеян терниями путь,
Когда душа страдает от увечий,
Когда теряет облик человеческий
Живая человеческая суть.

У Мироздания есть один секрет:
Нам всем для счастья надо слишком мало.
Зачем же смотришь грустно и устало,
Зачем твердишь с упорством странным – «Нет»?

То, что назвать желаешь счастьем ты –
Удачное стечение обстоятельств,
Как утверждение без доказательств –
Венец осуществления мечты.

ОСЕННЯЯ СОНАТА

Вновь иду не спеша я по нашей заветной тропинке,
По которой мы с Вами когда-то бродили вдвоём...
По щекам, обгоняя друг друга, скатились слезинки,
Но они никому не видны под осенним дождём.

Шелест жёлтой листвы для меня стал осенней сонатой,
Что тихонько звучит над могилою нашей любви.
Очень долго себя буду чувствовать я виноватой,
Не подумав о том, что виновна не больше, чем Вы.

ЕСТЬ ЛЮБОВЬ

Бог есть Любовь, скажи мне, отчего
Ей меч Судьбы сумел подрезать крылья?
Вдруг стал мираж простой житейской былью
И не вернуть мне счастья своего.

Опять молчишь, не скажешь, почему
Хрусталь мечты разбит о рамки быта?
Нет, не мечта, душа моя разбита,
Только тебе знать это ни к чему.

О, мой «певец любви и красоты»,
Звук для тебя красноречивей слова.
Ты музыку, как стих, слагаешь снова.
Как статую, её ваяешь ты.

Мне никогда не стать твоей женой,
Я только связь между тобой и ею,
Ты откровенен, милый, только с нею,
Она твой друг и верный спутник твой.

Ты избегал страданья всякий раз,
А я, его восприняв как блаженство,
Взирала на своё несовершенство,
С мольбою глядя в омут милых глаз.

Любовь ушла и нестерпимо жаль,
Что пройден путь от встречи до разлуки.
Опять сольются с клавишами руки,
Когда однажды сядешь за рояль.

И ты поймёшь, мечтатель милый мой,
Что бытие, как клавиши, двухцветно,
И безысходность входит незаметно
В судьбу твою, где след оставлен мной.

ЕВГЕНИЙ ТИХОНКОЙ

СЛОВНО БОГИ

Родился в 1952 г. в Ужгороде, окончил исторический факультет Ивано-Франковского педагогического института. Автор книги стихов «Души моей горенье» (1988). Печатался в периодике.

Есть на свете те, которым
Не преграда лёд и горы,
Им ничто дорог пенастье,
Встреча с ними – это счастье!
Есть горящие – как Солнце,
Свет от них безбрежный льётся.
Видеть их и слышать – сладость,
С ними день – как век, как радость.
Есть такие – лучше нету!
Хоть всю жизнь ищи по свету...
Не отыщешь сердца чище,
жизнь без них – что пепелище.
Есть такие, есть такие!
Есть живущие святые.
К ним летите, к ним стремитесь,
Их душой своей коснитесь.
Есть такие – словно Боги:
Мыслями мудры и строги.
Смерть и та им не помеха;
Они в небо смотрят сверху!

Вот такие есть на свете.
Верьте, люди,
Свято верьте!

У ПАМЯТНИКА ПУШКИНУ

Ветер слижет горячее пламя
С покосившейся бледной свечи
И рука упадёт, и «Аmen!»
Проплывёт по разлитой ночи.

Мрамор будет студить жадно сердце
и – ни звука вовек из-под плит...
Но всем тем, кто захочет согреться,
мысль подскажет: «Он жив. Он лишь спит».

Подойди к ледяному причалу
И услышишь, как дышит трава...
Это значит: восходят сначала
И восторги, и жизнь, и слова...

□□□

О чём ты плачешь, ива молодая?
Неужто золота листвы опавшей жаль,
Что по реке холодной уплывая,
Уносится в заснеженную даль.

Не лей, мой друг, напрасно горьких слёз,
Забудется печаль твоя простая.
На миг лишь остудил в тебе мороз
Всё то, что потерял уж навсегда я.

Ещё не раз твой гибкий, дивный стан
Весна охватит зеленью прохладной
И клён, красивый стройный великан,
Сравнит тебя с принцессой пенаглядной.

И я, взглянув невольно на тебя,
Уже не веря в глупую удачу,
Припомню юность, годы теребя,
Взгрустну о ней невольно и заплачу.

Заплачу о годах, что унеслись,
О тех мечтах, что я тебе поведал.
И о душе, что так стремилась ввысь,
И о любви, что я однажды предал.

ВОЛКИ

Смотрят пятнами чёрной смерти,
Беспощадные угли стволов,
Егерям лучший праздник на свете –
Беспощадная травля волков.

Жестока и безумна потеха,
Ничего в той потехе не жаль.
И несёт что-то вроде смеха
По пролескам крикливая сталь.

А в овраге, волчат спасая,
Тёплым брюхом уютюжа снег,
Мать-волчица, отстав от стаи,
На свой след псов выводит всех.

И не страшно ей в смерть поверить
(Волк волчатам не даст пропасть),
Будут жить её милые дети
И за мать псов потрепят власть.

И летит она, ног не чуя,
Паром волчья исходит пасть.
Ах, как жизнью красиво рискует,
И стволы, и клыки – ей не власть.

Ветер воет, рвёт гончим уши.
Укрывает волчат от беды.
Замотал егерей он душу,
Заметёт и волчьи следы.

ЛИДИЯ ТЛУСТЕНКО

ВЕСНА

Опять сирень в садах
благоухает,
Цветут каштаны,
стонут соловьи.
А нам всегда чего-то
не хватает:
То времени, то денег,
то мечты.
А то любимые нас
отдадут на муку –
и даже к эшафоту
подведут,
комок сердечный,
положа на руку,
не пожалеют нас
и не поймут.
Уйдут с улыбкой
и недоумением:
«Бывают же на свете
чудаки?»
И станут жить
как прежде, без
сомнений:
«И только же,
кто гибнут –
дураки».
Опять сирень
в садах благоухает,
Цветут каштаны,
стонут соловьи.
Но главного всё же
не хватает –
взаимопониманья
и любви!

Родилась в г. Новокузнецке Кемеровской обл. Окончила филологический и дефектологический факультеты Московского педагогического института. Работала в школе, горно, педагогических учебных заведениях. Председатель Клуба любителей славянской поэзии, редактор-составитель его «Альманаха».

ПОРТРЕТЫ ГОВОРЯТ

Рябины, красные рябины
В осеннем золоте горят,
И на лице твоём морщины
Так много сердцу говорят.

Ты с пожелтевшего портрета
С любовью смотришь на меня,
Давно оплакана, отпета –
Уж много лет, как нет тебя.

Но в трудный час,
В сердечной смуте,
В счастливый миг или в беде
Я вновь протягиваю руки
К одной тебе, опять к тебе.

И снова дождь осенний сеет,
Рябины красные горят.
Душа от боли вдруг немеет,
Когда портреты говорят.

□□□

Христос воскрес! Земля моя родная,
Он с нами вновь, и все надежды в Нём.
Пусть спотыкаясь, падая, страдая,
Мы всё ж к Христовой истине прийдём.

И пусть душа воскреснет из беды,
Из унижений, рабства и проклятий,
Родная Украина расцветёт,
Согреет всех тепло её объятий.

Пусть хлеб и соль, и крашенки, и рушники
Развеселят, согреют наши души.
И зов добра, извечный зов любви,
Дай, Боже милосердный, сердцем слушать!

СИРОТСТВО

Хоть давно отгремела война,
Не уйти от нее НИКОГДА!
Память цепко доньне хранит
Взрыв снарядов и топот копыт,
Грохот пушек, снаряды и вой,
Блиндажи, и бомбёжки, и бой,
И гнилую картошку в земле,
Душегубки и хаты в огне.
Мы бежали от немцев к Москве –
И беда приближалась к беде.
Нет спасенья. И ночью бомбят,
Убивают и пленных солдат.
Нас согнали однажды в сарай,
Подожгли... «Kinder, muter, ist рай!»
Как мы выжили, знает лишь Бог
Да солдат, что нам жизнью помог...
Под Унчей то было давно,
Но забыть ничего не дано...
Там в лесу есть могила одна,
В ней сиротская доля моя,
В ней младенец – мой маленький брат
И моя красавица мать...
Никогда не вернуть их назад,
Не забыть и вовек не поднять...
По весне над могилою той
Лишь березонька плачет со мной...
Поседела уже голова,
Но сиротство со мною всегда.

С Е Р Г Е Й Т Ю П А

Родился в 1979 г. Окончил факультет романо-германской филологии Прикарпатского университета им. В. Стефаника. Магистр филологии.

□□□

Теснота на прилавке и ценники в ряд.
Тусклый взгляд упирается в стену.
В воспитательных целях кругом говорят:
«Ты обязан сложить себе цену».
И мне кажется, будто я слышу сейчас,
Как девиз ошалелого века:
«Эй, милейший, послушайте, сколько у вас
Будет стоять кило человека?»

ДВЕ МЫШИ

В седой тишине полутёмной пещеры,
Под шёпот невидимой глазу воды,
Летучая мышь, попирая манеры,
Спит вниз головою. Ей видятся сны.
Не свежесть вечернего ветра на коже,
Не слабость гурмана – бойцы-комары.
А снится из листьев ей мягкое ложе,
Что спряталось в нише уютной норы.
А где-то внизу, на просторной долине,
Где ветер гуляет, старик-следопыт,
Полёвка сидит у листочка полыни
И в тёмное небо с тоскою глядит.

□□□

Ночью холодно на крыше.
Из прозрачной глубины
Месяц в ухо нежно дышит
И нашептывает сны
В заплетении антенном
Старый кот, сижу один –
Грязный, гордый и голодный,
Никудышный семьянин.
Я смотрю на дом напротив –
Там, в светящемся окне,
Силуэт домашней кошки
Очень ясно виден мне.
Что ты думаешь, красотка,
Наблюдая с высоты,
Как дерутся на помойке
Исхудавшие коты?
Пыл страстей тебе неведом,
Но порою, как сейчас,
Хочешь ты причиной драки
Оказаться хоть бы раз.
Но судьба твоя иная,
И когда придёт черёд,
Для тебя кота хозяйка
В дом однажды приведёт.
И без жалости особой,
С безопасной высоты
Наблюдать ты будешь снова
Как поют любовь коты.

О Л Ь Г А Ф Е Д О Р У К

Родилась в 1943 г. в Абакане. Окончила Ивано-Франковский медицинский институт. В 1983 г. защитила кандидатскую диссертацию по биохимии. Печата-лась в периодике и местных альманахах. Издала поэтиче-ский сборник «Бисер мгнове-ний. Иерусалим» (2003).

- Калина** Мои стихи – калины куст,
Хоть красны ягоды,
Да все горчат на вкус.
- Липа** Возьму у счастья напрокат
Охрипший липы аромат.
- Совесьть** Бессмыслица в стихах – порок;
Поэт – оракул и пророк!
Не может он писать себе,
Ведь посылает весть вовне
Со-весть –
Со-жителям, живущим на Земле.
- Душа** Душа без любви – вот беда,
Что снег без живого следа.
- Поэзия** Пускай не стоит ни гроша –
Поэзия – души душа.
- Чайка** Чайки трепет пологий.
Смотрит ночь не дыша.
Что мы знаем о Боге?
Что воскреснет душа!
- Петербургская
ночь** Ну, сейчас – хорошо! Лето –
Солнышка дочь!
А зимой? А зимой?
Антибелая ночь!
- Белые ночи** Закат застыл на переходе к ночи,
Как у безумцев, у домов
Немые стекленеют очи...

- Розы
у фонтана** Молчит фонтан – осенний водоём.
Ведь розы пахнут лишь влюбленным,
Когда их нюхают вдвоём...
- Орган** Как чувственно стонал орган – Олег Киняев!
И сердца грустный океан – был невменяем!
- Литургия** Наивным ангелом парят регистры литургии светлоликой!
«...И смерть не будет нам владыкой!..»
- Белые ночи** Белой ночью открылась
Гулкость линий каналов,
Белых статуй стыдливость,
Лет ушедших усталость...
- Стихи** Стихи мои, вы сердца крик!
Белого лебедя чёрный двойник...
- Бисер
мгновений** Встречи и радости – бисер мгновений.
Из бисера генов – рождается гений!
- Мысль** Не правишь стих – останется урод.
Шлифуешь – вытравляешь мысли плод.
- Графоман** Поэты, знающие славы чистоган,
Безвестных обзывают – «графоман».
- Судьба** Пройду иглой сквозь ткань времён
Стихом и свой доставлю крестик
В орнаменте имён.
- Любовь** Любовь, как снег – то свалится сама,
То не допросишься, хоть на дворе зима.
- Испанские
мотивы** Тахикардии кастаньеты –
То верные любви приметы.
- Любовь** Сладкое и солёное
Тел наших тесто слоёное!

Мудрость Умерен человек, умён
И стоек на искус,
Но мудрости плоды –
Несладкие на вкус...

Карпаты Карпаты, тропка, крутизна.
Сюда лишь сердце просится отныне.
Даль синевы обнажена,
Как будто сохнут краски на картине.

Водопад Моя неуёмная нежность,
Тяжёлый, надменный твой взгляд.
Кровавые слёзы роняет
Рябина в седой водопад...

Карпаты Застилает дымка горы бестелесной мглой.
Вышивает буки осень медною иглой.

Яремча Как жених, срывает ветер
С водопада белый пар,
Брюхом лист ползёт по камням,
Как пятнистый леопард.

Душа Зажато сердце в осени тиски,
Душа седеет раньше, чем виски.

Жизнь Всё копошимся, дней не счесть:
Жизнь – одноразовая вещь!

АЛЕКСЕЙ «ЛЁПА» ФОМИЦКИЙ

ПАМЯТИ ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА

Всё будет так, как в изначале –
За светом хлынет темнота.
Но что же все-таки в начале,
Что было первым: Свет иль Тьма?
За светом тьма иль свет за тьмою?
Как разобраться, как понять,
Что было первым: слово «море»
Или сама морская гладь?
Мне мысли не дают покоя,
И душу рвёт сомнений смерч:
Что раньше: Доброе иль Злое?
Что было первым: Жизнь иль Смерть?

ПАМЯТИ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА

Так или иначе,
Смертны – все умрём.
Что ж ты, ива, плачешь
Под моим окном?
И любовь жар-птицей
С золотым пером
Пролетит, чтоб скрыться
В небе голубом...
Небо голубое.
Синие глаза...
Прошрое, бывое...
Талая вода.

Родился в 1964 г. Поэт андерграундного поколения 80-х годов. Профессиональный фотограф-художник. Печатался в периодике. После трагической гибели Алексея в Новогоднюю ночь 1995 года стараниями друзей и матери Ольги Георгиевны вышел сборник его поэтического избранного «Стихи» (1996) и ряд публикаций в периодике. Похоронен в Ивано-Франковске.

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ ГУМИЛЁВА

Я покинул Страну Сновидений.
И когда мир отходит ко сну,
Я вступаю в Страну Вдохновений,
Что доступна лишь мне одному.
Я иду от страницы к странице,
Служит мне путеводной звездой
Лампа из железного ситца,
Что висит над моей головой.
И я вижу дальние дали,
Слышу музыку в ходе часов
И встречаю девушку в шали
Кем-то вытканную из стихов.
Подхожу к ней, целую руку.
Но она не глядит на меня.
По какому-то тайному звуку
Ощущаю влюбленным себя.
И мне кажется – это чудо.
Или вымысел сладкого сна.
Но не сплю я... Откуда, откуда
Появилась тогда она?
Закрываю глаза от счастья,
Открываю, но нет никого.
Вот с тех пор – и я безучастен.
Проклинаю себя самого.
Вот с тех пор и брожу по свету.
Волоча житие своё...
Помогите хоть вы поэту
Где-нибудь разыскать её!

□□□

С неба упала звезда –
Прощай, любимая.
Нынче в небе Луна
Такая красивая!
Но утром исчезнет она.
Померкнут звёзды.
А умершая звезда?
О ней и не вспомнят.
Прощаясь, помянем звезду,
С неба упавшую.
Я эти строки пишу
Для завтрашних.
Прощай, любимая,
Наша любовь умерла,
Такая красивая.

□□□

А может, правда, нет любви,
А есть погоня за любовью.
Азарт неистовой мечты,
Туманный бред, укрытый новью.
Желание себя всего
Отдать кому-нибудь другому,
И жить, любимую любя,
Наперекор всему дурному.

□□□

Перечитал я письма,
Пересмотрел тетради.
Больше от этой жизни
Мне ничего не надо.
Счастье, любовь, разлука –
Все уже позади.
Ну, а сегодня – скука.
Что меня ждёт впереди?
Люди – немые тени.
Голубь – в добрых руках.
Моторов глухое пенье –
Что за таинственный знак?
Ах, как всё это скучно...
Танцующая земля...
И беспредельна, беззвучна
Неба серая мгла.
Капли дождя или слёзы,
Или, быть может, роса.
А эти хмельные рожи –
Просто мои друзья.
Перечитаю я письма,
Пересмотрю тетради...
Ну неужели от жизни
Мне ничего не надо?

□□□

Ни к чему обманывать друг друга.
Да и лицемерить ни к чему.
Память, моя добрая подруга,
Ты противна сердцу моему.
Я прошу оставить нас в покое.
Я и сердце – мы больны тобой.
Ну зачем ты вспомнила о Цое,
Память, неизбывный спутник мой.
Говорят: кто помнит, тот стареет.
Значит, молодость моя прошла.
Сердце цепенеет. Холодеет
Ко всему привычная душа.

□□□

Осенние ночи – дикие ночи.
Прощальные ночи мои.
Как будто прекрасные, чудные очи
Рыдают тихо: «Прости!»
Осенние ночи – безумные ночи,
Уснувшие черты,
И шорох листвы под ногами пророка
Мне шепчет тревожно: «Прости!»
Осенние ночи – ужасные ночи.
Несбывшиеся мечты.
Луна затаилась, а звёзды хохочут,
И с неба я слышу: «Прости!»
Осенние ночи – о, вечные ночи,
Любимые ночи мои!
О Боже, неужто еще кто-то хочет
Сказать мне чуть слышно: «Прости!»

□□□

Сегодня с самого утра
Дождь.
Каждая капля дождя –
Гвоздь.
Нет, не плачет Господь.
Ложь.
Просто идёт и идёт
Дождь.
Вспомнишь ли ты меня?
Нет.
Не прояснит небеса
Свет...
Серое небо, с утра
Дождь.
Каждая капля дождя
Гвоздь.

Родился в 1973 г. Живёт в Ивано-Франковске. Представленная подборка – первый опыт публикации.

АЛЕКСАНДР ХИМЧЕНКО

□□□

Я вымолчал тебя
в общем шуме
в громыхани надвигающихся катастроф
в звоне комет
разбивающихся о колокольни
в голосах при отсутствии слуха
точнее – умения слышать другого
в шорохе листопадов
задевающих зазубренной позолотой
поток отлетающих душ
я выцеловал тебя
отсекая резцом и губами
лишнее в мраморных глыбах
одинокчества
я выдышал тебя, я вытаял
из метельного отчуждения
выкричал из безмолвия
ночи и лун
сверкающих вне почей чернотой
и теперь – я не могу уже больше:
молчать, выцеловывать, дышать, вытаивать,
кричать, наконец, может, даже –
существовать
но взамен всех этих жизненно важных
пустяковостей
у меня появилось нечто неверное,
но надежное
и, что страшнее всего, необходимое –
это Ты.

СОЛО ДЛЯ ЗЕРКАЛА И РАЗБИТОГО ЗВОНА

Прям на обложку «Космополитена»
такие синие глазки – в тон последней коллекции от Гальяно
все подиумы Парижа придуманы для тебя
так все говорили, такой они тебя видели
на фотоснимках и в жизни

но твои глаза никогда не были синими
ни на поверхности, ни в глубине, ни в глубине глубины
синим было то, что отражалось в твоих глазах
и на поверхности, и в глубине, и в поверхностной глубине
и красота твоя – такое же отражение
одни я знал тебя и знал об этом
одни я сумел понять
что ты не совсем такая, какой кажешься
и даже начал догадываться – какая ты на самом деле
хорошая или плохая – не мне судить
кто поручится, что и мои догадки
не догадки о еще одном отражении
из бесчисленного множества возможных, случайных и невероятных

я не знаю, что именно было таким синим как твои глаза
я не знаю, что было таким прекрасным, как твое тело, лицо и волосы
но когда я теперь утром смотрю на себя в зеркало
то задумываюсь – какой я? таким ли меня видят?
кто из нас троих заблуждается – я, они или зеркало?
И еще, сметая «Вилкинсоном» пену, я думаю
что на картинах Босха люди изображены настоящими
без чужих и собственных надежд, заблуждений, иллюзий
не оправданных, но сбывшихся ожиданий, без собственных игр в
исключительность, без неисключаемого самообмана, без того, что отражается в нас,
такими как мы есть под зеркальной своей поверхностью Христос – истинный во
внутреннем и внешнем облике
и люди вокруг – такие как ты или я.

СОЛО ЗАБЫВЧИВОСТИ

Их двое. Их всё ещё двое. По-прежнему
Безапельляционно. Две тысячи лет
разделённых на ночи и дни
как этот холм поделён, но на три.
Их двое. Вокруг песок забвения.
Нет, конечно, они не совершили ничего
достойного – неудачливые грабители –
таких всегда через край
Они не создали религий
их рождество не претендует на апофеоз
ёлок, подарков, розовощеких Санта
они не учили добру или злу
они просто их совершали
без претензии на совершенство
Один на кресте был насмешлив
второй – плаксив и доверчив –
обычные люди. Их забыли
Ничего удивительного – за общими чудесами,
переменами мироощущений, печалью и воскресением
за объявлением новой надежды,
даже смерть их не помнит.
Так и висят между храмов
их тела комариными хоботками
выпило солнце
их ветер довёл
до незримости
стекла погружённого в воду
и нету у них
даже права
отбрасывать тень.

СОЛО ДЛЯ ПАРКОВОГО ОРКЕСТРА

Скамейка. Краска только просохла, успев, однако,
оставить арестантские или матросские полосы
не на одной спине. Или ни на одной.
Птицы через гортань, как и положено птицам,
призывают к продолжению рода. В унисон
подслеповатый грузовик гроыхает,
как эпоха железного социализма
видимо – позднего – всюду ржаво
Луч, отразившись от банки с колдой
перебрался на твою коленку, начиная от стрелки
(все-таки ты перяха) путь к чулкам
вверх до клетчатой юбки. Ты не отводишь нахальной ладони
смеёшься знакомому жесту
над цветком загорает в безделье пчела
с признаками преждевременной старости (смерти?)
Здесь, на скамейке твоя океаническая нежность
вывернула наизнанку меридианы и параллели
притворилась молчаливым ураганом
и заплела косички слов-первоклассниц. Здесь
изгибаются невозможные молнии твоих улыбок
гроыхает трепет ресниц. Но твоя нежность
под маской притворного штиля, но просохшая краска
свежего дня, но пчелы, но птицы – одно только это
способно оправдать августокрашенный день
если он станет последним
если за миг до того, как луч доберется
скользя по чулкам, до цели
грянут трубы, по-собачьи завоюют архангелы
по-волчьи взревет ракеты
разродятся бомбардировщици
небо расползётся по швам
как старый, с вылезшей ватой, пиджак
и всё что было, или казалось бывшим
скамейкой, птицеголосым парком, скамейкой
со свежескрашенными обещаниями вечной любви
скрежетом грузовика, мною, твоим океаническим смехом
молниями твоей нежности, тобой, наконец,
вольётся в единую вспышку
но не света уже
а того, что наследует свету
вспышку подтвердившую версию
о единстве, единственности творения
в жизни и в гибели
особенно – в последнем.

ЕЛЕНА ЧУДИНОВСКИХ

НАСЛАЖДЕНИЕ

Открой мне дверь
И каплей влаги
Осядь на розовой губе
Потом слизни её
Закрой
глаза мне
И ворвись
в больную
Висок холодным ветром
Потом целуй его
Своей холодной рукой
Дрожащие немного пальцы
Возьми и вдруг сожми
А после приласкай
Рассвет мне распахни
Дай воздуха напиться
Войди слезою в реки
И растворись во мне

Родилась в 1982 г. в Севастополе. С 1999 г. – студентка исторического факультета Прикарпатского университета им. В. Стефаника. Стихи печатала в местной периодике.

□□□

Серая пронасть беды распахнулась, как пасмурный вечер,
И мёртвою, тихою тяжестью прилегла на хрупкие плечи.
В кружевной белоснежный платок укутались встречи далёкие.
Она вышла одна на порог, а надежда скрылась за стёклами.
Ожиданием у окна никогда ничего не изменишь.
Правда, кажется иногда, будто жизнь – сплошные метели.
Захотелось опять в кино, посмотреть на красивые фильмы.
Шум шагов уж затих давно, а в глазах промелькнули виденья.
Ей, наверно, пришлось узнать одиночество, боль потери,
А в фигуре такая же стать, тот же гордый изгиб тонкой шеи.
Любовались прохожие редкие этой грацией, магией губ,
А в душе на руинах крепости ворон громко скликал подруг...

Родился в 1961 г. Художник, поэт. Печатался в различных периодических изданиях. Представитель культурного андерграунда Ивано-Франковска конца 80-х – начала 90-х годов. Теперь проживает в Праге и занимается, кроме творчества, галерейным бизнесом.

АЛЕКСАНДР ЧУЛКОВ

□□□

Сегодня в сумерках лицо
К лицу. Последняя отрада.
Тебя пронизывает свет
Великолепия? Распада?
Перебирает письма
Прозрачный вечер листопада.
И даже музыка видна...
И воздух, взятый в полутоне,
Почти мерцает, где волна
О берег бьёт и ветер стонет.
И так условна тишина,
Что сложишь ракушкой ладони,
И слышишь вечности слова,
Полуистёртые в погоне
За мимолётностью... Едва
Определяются значенья,
И всё отчётливей меж строк –
Судьбы глубинное течение
И смерти тонкий голосок.
Жизнь предстаёт как анфилада
Уютных комнат, где нас нет.
Но тех, кто были с нами рядом,
Уже окутала прохлада
И скорбь оправила в багет.

И всё грядущее – бравада.
И всё былое – пустоцвет...

□□□

Когда зацветёт пустыня
Шелками кровавых маков,
Когда тишина откинёт
Свой полог из звёздных знаков,
Тогда я вернусь обратно
Таким же, как был когда-то,
Добрый и непонятным,
Правым и виноватым.

Меня ты не бойся встретить
Облаком на рассвете.
Пусть выпадут наши слёзы
О том, что уже невозвратно.
Пусть кто-то в степи вечерней
Забудется многократно.
И пусть ему снится ветер
И облако на рассвете...

Как тихо печалют травы
Память о том, что было.
И нет на тоску управы!
И снова сердце заныло.
Я чувствую стоны в недрах.
Я вижу, как лава стынет
В порывах кембрийских ветров.
И лижет леса пустыня...

Но ныне я только омут,
В который не смотрят ночью.
Но ныне я только череп,
Который не черви точат,
А память о том, что было,
И зависть ко всем бродягам,
И громы из туч весенних,
И корни кровавых маков.

Нет, я не вернусь обратно
Таким же, как был когда-то,
Добрый и непонятным,
Правым и виноватым...

БАЛЕТ

Е. Максимовой

Не ясно, откуда, зачем, для какого
Свершения, взлёта, падения... Но!
Ты есть у меня, ты – первооснова
Всего, чем живу я, и с кем заодно.
Все то, что забыто и ныне любимо,
Ты пробуешь силой огня своего,
Без музыки дело моё – пантомима,
В её оркестровке оно – волшебство.
Я – тема Пикассо, и я не угасну.
На шаре Земли, извиваясь, молю
О том, чтобы не было вам безучастно,
Кого понимаю, которых люблю.
Святой Себастьян, умирающий рядом –
Мой замысел, гибнущий в множестве глаз.
Партер – это кубок, наполненный ядом.
Вниманье, галёрка! Играю для вас.
Так сердце несут на ладони, так пламя
Из факельной чаши грозит городам,
Так я предстаю, в наготе, перед вами –
Герника, Варшава, Катюнь, Роттердам!
Мне страшно... В пределах больших вероятий
Любовь – это малость, она не спасает...
Простёртые руки (о, самораспятые!) –
Взываю к тебе, человеческий род!
Тяжёлую пошу несут наши плечи.
Мы тащимся в гору, откуда, паря,
Взмываем, срываемся, падаем в вечность,
Пугаясь, желая и благодаря
За то, что и вспомнить в конце не успеем...
Привет тебе, цветик! Раскрылся бутон...
Лети, мой последний, скорее, скорее!
Замолви словечко, запомни: «потом»...
В изгибе (о, гибель), в круженьи (о, жженье),
На выдохе, взрыве последнего «па»
Гори, моя молодость. В изнеможеньи
Прими меня, небо! Умолкни, судьба.

СТЕФАНИЯ ШКАНДРИЙ

ГОРОДСКАЯ СУМАСШЕДШАЯ

А ведьм всегда сжигали на кострах.
Им места нет под солнцем и луною.
Висят на перевернутых крестах
Их души между небом и землею.

Но Женщина танцует под дождём –
Самозабвенно, неукложе, страшно,
Пред публикой, глазающей бесстрашно,
Не мучась ни грехом и ни стыдом.

О, простота несбывшейся судьбы!
Святой полёт щедеушной этой плоти,
Что кто-то подстрелил ещё на взлёте
И бросил на съедение толпы.

Раскинув руки, будто бы во сне,
В расплзшихся туфлях на босу ногу
Она была подвластна только Богу,
И, словно бог, сама явилась мне!

Родилась в г. Магадане, выросла в Красноярске. В 1993 г. переехала в Ивано-Франковск. Издала сборник стихов.

ГОЛГОФА

Глумились старейшины, глумились солдаты,
Глумились случайные зрители.
И даже разбойник, рядом распятый,
Как он хохотал (вы бы видели!):

«Эй, ты, Божий сын, ну, спускайся с креста,
Спаси же себя самого.
Сойди, и тогда мы поверим в Христа
И в слово Христово его.

Где Бог твой? Он спит? Или, может, слепой?
Проси избавленья, злодей!..»
Печально и грустно смотрел Он, живой,
В глаза неживые людей.

Толпа бесновалась: «Ты царь наш иль нет?
Пришелец, взгляни же на нас!
Скажи в оправданье хоть слово в ответ,
Пока не закрыл ещё глаз.

Смотрите, а он на шута походит
В терновой короне своей,
Вот только с креста почему-то не сходит,
Так, бей его, грешного, бей!»

И били. Взметнулись десятки рук
И – палками по лицу.
Как будто бы мало Он принял мук,
Идя к своему венцу.

Как будто бы мало скорбел о них
И Бога за них просил,
Пока, наконец, на кресте не затих,
Выйдя с последних сил.
А тучи сгущались. И стало темно.
И мир превратился в ад.
«Ах, Боже мой, Боже, скажи мне – за что?
Неужто Ты этому рад?»

Один только раз разомкнулись уста,
Чтоб вырвался Божий стон...
И всё. На Голгофе распяли Христа.
А был невиновен Он.

МУЖИКИ

И ни ласки. И ни злости.
И пустые кошельки.
Ни хозяева, ни гости –
Возвращались мужики.

Искусительно циничны,
Снисходительно просты,
По-комически трагичны,
Но изысканно пусты.

Опрокинутые лица,
И жестокие глаза.
И готовы то молиться,
То плевать на образа.

Член Национального Союза Писателей Украины (НСПУ), лауреат премии имени Тараса Мельничука. Живёт в г. Городенка Ивано-Франковской обл. Более 45 лет прикована тяжёлым недугом к постели. Из них 40 лет печатается в прессе, альманахах, коллективных сборниках. Автор книг стихов на украинском языке «Я иду», «Путь», «Солнце и гроза», «Непокорённая», «Чары любви», «Тепло любистка», а на русском языке – «Ещё не вечер» (1997).

О Р Ы С Я Я Х Н Е В И Ч

□□□

Хочу тишины, грома,
Окон открытых в сад,
Видеть, как на знакомых
Ивах росы висят.
Видеть восход в полнеба,
Поле в цветах весенних,
Нарисовать оленей
И мир, что был и не был,
И золотые тени
На фоне Вселенной!

МОЯ ПЕСНЯ

Моя песня, до конца допетая...
Моя песня?..
Кто это сказал?
Я скажу, не утаю секрета –
Моя песня – солнце и гроза!
Моя песня?
Это лишь начало,
Ей ещё не близко до конца...
Ей расти и крепнуть, чтоб звучали
Чувства благородные в сердцах!

□□□

Я хочу ни молний, ни грома –
Окон открытых в сад,
Где на деревьях знакомых
Яблоки висят.

Попрошу у Бога, не струшу
Дать мне звезду – вон ту –
Хочу вобрать в свою душу
Мира красоту!

РОЗЫ

Вот белая роза. Как иней.
Вот чёрная роза. Как мгла.
А самой бесценной святыней
Мне красная роза была.
А ты преподносишь мне эти
Две розы. Души не травы –
Я вижу, что в этом букете
Нет красного цвета любви...

Родился и вырос в Ивано-Франковске. Теперь проживает в израильском поселении Бат-Ям.

МАРАТ ЯХНИС

ПИСЬМО ИЗ ИЗРАИЛЯ

Вечным зовом прародины дальней влекомые,
Жажда мир и покой, наконец, обрести,
Уезжают друзья, улетают знакомые.
Кто рукой помахав, кто промолвив: «Прости!»
Горько душу излив за прощальной беседою,
Как-то враз захмелел от глотка коньяка,
Уезжают в страну, что доселе неведома,
Не познав, не осилив ее языка.

Уезжают из мест, где их деды покоятся
На погостах, уснувших в глубоких снегах.
Что же делать, коль все они стали изгоями
На земле, что была, словно мать, дорога.
Кто им скажет, как всё у них в будущем
сложится?

Кто предскажет, что им испытать предстоит?
За себя уже вроде бы поздно тревожиться,
Да за внуков и правнуков сердце болит.
Может, хуже не будет, а, может, и сбудется
То, что здесь не сложилось и что не сбылось...
Дай-то Бог им всего!.. Но не зря же
мне чудится,

Как не просто такое решение далось.
Что-то треснуло в мире, хоть всё ещё вертится,
Шар земной, как от века ему суждено.
Уезжают друзья, и самим им не верится,
Что вернуться обратно уже не дано.
Занимается день непрочитанной повестью.
На небритой щеке закипает слеза.
И глядят на меня молчаливо и горестно
Опалённые скорбью библейской глаза.

ПРОЗА И ЭССЕИСТИКА

КАРТИНА

Я бесцельно брожу по городу и вглядываюсь в лица людей. Они спешат, торопятся, толкают друг друга, чтобы успеть сделать массу неотложных и, конечно же, полезных дел. Моя праздность их раздражает. Об этом красноречиво говорят их быстрые и недовольные взгляды. А я внимательно вглядываюсь им в глаза, пытаюсь поймать их настроение. Каждое лицо как ширма, за которой скрыты радости и горести, тоска и боль, но каждый человек неосознанно играет свою предопределённую кем-то роль.

Они послушно, как актёры, двигаются по пространству, которое называется городом, выражая все оттенки человеческих чувств. Вот расслабленно идёт само разочарование, а это – усталость, самодовольство, сияющая радость, озлобление усиленно толкается локтями, и конечно вне времени и толпы – влюблённые. Передо мной – театр жизни, запрограммированный неизвестным режиссёром. Он распределил роли и чётко расписал диалоги. Неизбежное столкновение масок и чувств. Набор дежурных фраз, и эпизод отыгран. Актёры снова входят в свои амплуа, продолжая извечное движение. Им практически нет дела друг до друга, но есть роль и её нужно отыграть.

Я невольно ловлю себя на мысли, что это не лицедейство, а механизм, где каждый человек сообразно действия – винтик или шестерёнка хорошо отлаженной системы, имя которой – жизнь города. Даже независимая и неуправляемая молодёжь, по сути своей непредсказуемая, является неотъемлемой, и, как обычно, колоритной частью этой раз и навсегда заведённой «людской цивилизацией» машины.

Родилась в 1966 г. на Кубани. С детства живёт в Ивано-Франковске. Работает в рекламной системе. Пишет поэзию и прозу.

Но почему же, несмотря на постоянные соприкосновения друг с другом и чувство, вечное чувство локтя, большинство людей так одиноки? Это одиночество прорывается сквозь внешнюю невозмутимость, гнездится в их глазах и жестах, кричит, призывая о помощи, но наталкивается на глухую стену непонимания и отрицания одиночества как такового.

А может быть, это меня одиночество гонит из дома? И я так же, как все, играя свою роль, являюсь частью хорошо отрепетированного, бездушного в своей целостности механизма, бесцельно вышагиваю по городу, приписывая своё настроение окружающим?

Я знаю, что это не так. Просто накатила усталость от своей привычной маски, тягучей безысходности, и тоска от обиденной пошлости... Но мне ли судить и пытаться вырваться из замкнутого круга «человеческого сообщества»?

Как спасение для меня, на стене здания картинной галереи висит афиша. Она сообщает, что выставка работ художников приглашает всех желающих приобщиться к прекрасному и вечному миру искусства.

Всего пять ступенек. Стеклопакетные двери. И я в просторном, разделённом четырёхугольными колоннами зале. Как странно, почти нет желающих войти в этот яркий мир. Ах да – будний, обыкновенный день.

На диванчике у входа сидит старушка-смотритель и читает иллюстрированный журнал с обнажёнными красотками на обложке.

А со стен на меня смотрят грустные лица портретов; броской зеленью шумят деревья; декоративно прячутся в садах крестьянские домики на пейзажах. Выставка оживает. Каждая картина открывает душу художника, нарисовавшего её. И эти души так же неуловимо разные, как и лица людей на улице. В одних за внешней открытостью, как за занавесом, проглядывают безразличие, дань моде и деньги. В другиеходишь сердцем и берёшь частичку их мира, многогранного и чудесного, забываешь о житейских неурядицах и бытовых мелочах,ходишь в царство Фантазии и реальности, сомнений и поиска.

Переходя от одной картины к другой, я добросовестно читаю фамилии авторов, отмечая про себя полотна наиболее близкие мне по настроению. Но эта картина... Я остановилась и вначале даже не поняла, что же меня в ней так заинтересовало. В общем, многократно обыгранный сюжет, но люди...

..Они брели длинной вереницей по раскалённому песку, держась друг за друга в каком-то безотчётном страхе. Они были слепы. Мне показалось, что они смертельно надоели и ненавидят друг друга, но, чтобы не чувствовать дикого страха одиночества, они вынуждены судорожно цепляться друг за друга, чтобы хоть куда-то идти.

Их жалкие, искорверканные страстями тела едва прикрыты истлевшими, изорванными рубищами, а руки..., с жадными пальцами, шарят в убогих котомках, вожделенно пересчитывая монеты, и ощупывают идущих впереди или сзади, чтобы убедиться, не влез ли кто в их ветхую сокровищницу, которая в пустыне не имеет никакого

значения. Горячий песок обжигает ноги этих несчастных, а колючий ветер срывает остатки тряпок, которыми они прикрывались от нещадного, выжигающего душу солнца.

Сгорбленные мужчины, безобразные и красивые женщины бредут навстречу неизвестности, внутренне радуясь, что рядом идущему так же плохо, как и каждому из них. Страх, недоверие, скупость и пошлость, страдание – всё воплотилось в этой толпе. Некоторые из них не в силах идти дальше, падают, но идущие следом нахрапом, заставляя встать и продолжить свой путь в никуда.

Они, как проклятые, идут за человеком, который идёт первым, но он так же слеп, как и все они. С беспомощной уверенностью слепца он уже подошел к краю, ещё шаг – и окончится этот адский песок, а дальше бездна... Но они в слепоте своей этого не знают и с упрямством обречённых идут к пропасти. Лица и движения у многих гротескны и отвратительны, но мне почему-то жаль этих людей.

В верхней части картины художник изобразил бьющий в набат колокол, чтобы предупредить и остановить этих безумных. Но если одни не слышат, вернее, не хотят слышать предупреждения и фанатично идут дальше, то другие в страхе перед своей обречённостью и беспомощностью боятся остановиться и выйти из этой страшной шеренги, усугубляя ужас и безнадежность слепой веры в человека, ведущего их к гибели.

Я настолько увлеклась разглядыванием картины, что не заметила, как компания молодых людей вошла в зал. Они переговаривались, ГРОМКО реагируя на тот или иной экспонат выставки. Я оглянулась. Старушка, отложив журнал, сердито призывала к порядку самых шумных посетителей, а остальные разбрелись по залу, разыскивая для себя картины, на которые стоило бы обратить внимание.

Не прислушиваясь к возмущенным тирадам старушки-смотрительницы, я вернулась к своей картине, но, кроме белой, шершавой стены, выкрашенной импортной краской, не увидела ничего. Не было пустыни с обжигающим песком, вереницы проклятых слепцов, не было самой картины.

От удивления я замерла. Этого не может быть!

В голове промелькнула предательская мысль о сумасшествии и визите к психиатру. Случись такое с кем-то, я с удовольствием повеселилась бы насчёт дозы спиртного и галлюцинации в художественной галерее.

В полнейшем недоумении я направилась к выходу, ещё несколько раз оглянувшись на то место, где висела картина, но лишь издевательски белая стена иронично смотрела мне вслед.

Усмехаясь про себя (надо было битый час простоять, плясь на голую стену и при этом вообразить Бог знает что), я вышла из галерей и невольно остановилась на ступенях...

Люди, идущие по тротуару, до странного напоминали вереницу обречённых с картины. Хотя внешне они выглядели как обычно и снелись по своим делам, двигаясь по тротуарам длинными очередями, я почти физически почувствовала

жар горячего песка под погами и обжигающий ветер на своём лице. Немного подумав, я сделала шаг и ступила на тротуар.

– Кто последний?

НАВАЖДЕНИЕ

Если бы города создавались звуками музыки, некоторые здания казались бы построенными из мрачных торжественных аккордов, другие же как будто возникли в танце под звуки светлых, сказочных мелодий.

Готри.

В который раз она просыпалась. Просыпалась от тоски и какой-то неясной тревоги.

Она во сне слышала зов. Это было как наваждение, как ночной кошмар, который заставлял просыпаться и тоскливо сидеть, глядя в темноту широко раскрытыми глазами.

Она нехотя вставала, шлёпая босыми ногами, подходила к окну. Небо равнодушно мигало ей звёздами, и только луна, хитро усмехаясь из-за тучи, звала её. Звала туда, где был Он.

Он – её Город. И опять повторялся сон.

Она шла по неровной мостовой старого Города. Звук её шагов эхом отскакивал от массивных стен и возвращался к ней. Улицы запутанными лабиринтами приводили её к площади перед старой ратушей.

Флюгер на башне ратуши, завидев её, вертелся на ветру, выговаривая: «Уходи! Уходи!». Но она шла к Нему, к своему Городу. Её сердце взволнованно стучало в груди, и ей казалось, что этот стук слышат люди, мирно спящие в домах её Города. А Город ждал...

Он знал, что она всем своим существом слышит его и идёт на зов. Поэтому звал... Он поглощал её, захватывал и манил, путая кривыми небольшими улочками, неожиданно раскрывая пространство площадей, как объятия. Только с ней Город чувствовал себя спокойным и необходимым.

Улицы, расстилаясь, выводили её к собору – громоздкому и торжественному, застывшему раз и навсегда от собственного величия. Она остановилась и прислушалась.

На ратуше ворчливо и осуждающе скрипел Флюгер – верный и вечный страж Города. Он оберегал Город от неё, но она не сердилась.

Где-то высоко в шпилях и куполах храмов непоседливый озорной ветер выводил полонезы и вальсы. Музыка звучала откуда-то издалека, постепенно набирая силу. А Город подхватывал её и кружил древними улицами, рассказывая их любопытные

истории, ненароком открывая свои раны. Но редко рассказывал, как много у него ран. Он знал, что ей будет больно.

Больно было Городу, когда она уходила. Конечно, он понимал, что этот танец не может продолжаться вечно. Хотя она и была частью Города, но и он был всего лишь только частью её. Потому что жила она в маленьком, уютном, погружённом в себя городке, который настолько был озабочен своей историей, что тихо дремал под грузом нескольких сотен лет.

А Город был уверен, что её душа, разрываясь на части, остаётся с ним, и поэтому, взяв в союзники ночь, тосковал и звал её.

Легкомысленному ветру надоело резвиться среди крыш, и он, в последний раз пролестев улицами, улетал к реке. Музыка умолкала. Город вздыхал.

В соборе вздрогнул древний орган. Хриплый вздох прокатился под старыми сводами, потревожив сон мраморных изваяний, и затих где-то в глубине позолоченного алтаря. Сквозь сон люди слышали этот вздох.

Глупые люди! Они вообразили себе, что Город построен для них. Они, как муравьи, днём суетились на его улицах, выворачивая многострадальные камни на мостовых (делая их щербатыми), и лили гадкими заплатами вонючий липкий асфальт. Они разрушали старые дома, не замечая, как разрушают кусочек себя, а эти кусочки складывались в мозаику, нанося Городу ещё одну рану.

Но Город не сердился на них. Он позволял им жить в нём. Ежедневно Город смотрел своими окнами и витражами, наблюдал за людьми из маленьких окошек мансард. Но люди не замечали этого. Они не знали и не хотели знать, как настойчиво Город просил их взглянуть новыми глазами на его самые неприметные улицы и дома, услышать занимательный рассказ этого длинного, как палец, храма (именуемого в путеводителях для туристов шедевром XIII–XVI веков).

Город не грозил им, а многозначительно, подняв, как перст, храм, призывал: «Слушайте! Слушайте эту каменную симфонию. Единственную и неповторимую музыку соборов и башен. Поймите и откройте ваши сердца!».

Но люди не слышали этой музыки.

Они жевали на ходу и целовались. Презрительно фыркая, автомобили увозили их куда-то. Старые трамваи, надсадно крича, забирали одну толпу людей, и на смену ей тут же волной подкатывала другая.

Люди бросали на Город быстрые дежурные взгляды и измятые бумажки. Иногда ради скуки рассеянно бродили по улицам. И вечно спешили. Спешили в свои новые, одноликие микрорайоны, которые тоже назывались Городом, но душа этих микрорайонов была уставшая, нахально-молодая и неугомонная.

А Город тосковал.

Люди не понимали его тоски и только удивлялись, отчего свежееотремонтированные фасады старых домов оседали, а стены плакали, отламывая узорную лепку

балконов; усталые атланты и гротескные грифоны – давали трещины, а старые гордые гербы и изящные гирлянды амуров и безносых богинь на зданиях давно были заляпаны, стёрты и сломаны утомлёнными вечно ругающимися малярами?

Равнодушие убивало Город. Он чувствовал себя старым и ненужным.

Только по ночам, когда хитрая сводня-луна приводила её к Городу, он менялся, выставляя, как драгоценности, свои самые удачные дома и парки, пытался вести диалог, отвечая на её вопросы надписями, отчеканенными готическим шрифтом архитекторами на стенах домов. Город чувствовал, что она их понимает и задаёт новые вопросы.

Великие зодчие и мастера создали самые чудесные, иллюзорные в своей реальности дома, соборы, башни и странно гордились. Но они не знали, что это он – Город – подсказал им проекты и забрал их ДУШИ, ставшие его душой. А она знала. Это была их тайна.

Желая понравиться, он распахивал перед ней двери своих картинных галерей, где, как в семейном альбоме, на полотнах был он – Город. Весёлый и грустный в разное время. Каждый художник пытался показать свой Город, и в этом Городе представить себя так, что пейзажи одновременно были портретами.

Но только она, безнадежно влюблённая, знала, какой он – настоящий её Город.

Когда она уставала или грустила, город уводил её к своим башням – их было двадцать. При призрачном свете луны башни оживали и по очереди или, перебивая друг друга, потешно ссорясь, рассказывали о своих смешных и героических названиях, но Город не позволял им долго болтать и ревниво уводил её дальше.

Только старый флюгер, видя всё сверху, укоризненно скрипел им вслед.

А Город уводил её, обнимал своими стенами, зачаровывал узкими улочками. Она принадлежала только ему, растворяясь в нём. В этом загадочном и волшебном Городе, с его неумолкающими фонтанами, раскрытыми книгами площадей и надменными, неприступными соборами.

Ночь заботливо укрывала их, и они исчезали из реального мира. Только ночь. Она и Город.

Она просыпалась с чувством потери чего-то дорогого, но на смену горечи приходила надежда. Надежда, что это наваждение продлится, что однажды Город позовёт её и больше не отпустит никогда. И тогда её душа навсегда останется с ним. И только для неё будет бесконечно продолжаться сказка Ночи и Города.

СКАЗКА

Посвящается Наташе Т.

Сказки. Воспоминания детства. Только в детстве можно по-настоящему удивиться, узнав, что Земля круглая, а мы с неё почему-то не падаем. Только в детстве время тянется нестерпимо долго и за день можно успеть разодрать колени в поисках приключений, разбить любимую мамину вазу, и, стоя в углу, мечтать стать как можно скорее взрослым, надеясь на прекрасное завтра. Где всё закончится благополучно, как в сказке.

Но мы повзрослели и поняли, что в жизни не все так просто. Мы раздражённо восклицаем: «Не рассказывай сказки!» – слыша неправдоподобную, на наш взгляд, историю. И с уверенностью взрослого человека не верим в сказку. Может, потому, что в нашей жизни сказка так причудливо переплетается с явью, а мы с высоты своих лет видим только реальность и отказываемся верить в то, что сказка зовёт нас.

Но это вступление. Итак, сказка о принцессе, а может, ещё о чём-то...

У окна сидела принцесса. Возможно, она не была принцессой – это совсем не важно. Она была той, кто ждёт. Ведь, как известно, во всех сказках именно принцессы ждут своих принцев. И пусть на них не всегда атласные платья, а в нашем мире они могут ходить просто в джинсах, но они остаются принцессами, несмотря ни на что.

Итак, продолжим. У окна сидела принцесса. В комнате было тихо и уютно. Любимые книги стопкой лежали на столе, а альбом для рисования и карандаши спокойно дремали между баночками с акварельной краской. Принцесса пыталась нарисовать Время, но Время ускользало от неё. Являясь и напоминая о себе только тогда, когда ему хотелось. Устав бороться со временем, принцесса долго просиживала у окна, мечтая и вглядываясь в прозрачные стекла.

Её окно было сделано очень причудливо. В нём не было времени года, но в нём было настроение принцессы. Очень старый мастер-волшебник судьбы изготовил стёкла окна из льдинок, которые никогда не таяли, и на них можно было разглядеть тончайшие узоры ослепительно-белых хризантем, розоватые цветы яблонь и голубовато-желтые лилии. Эти льдинки были надёжно сраплены искусным узором рамы из чёрного дерева. Они были настолько прозрачны, что, когда наступал вечер, принцесса отражалась в этих стёклах и казалась особенно красивой.

За окном шумел мир, в который не хотела выходить принцесса. Ведь в этом мире не было сказки. Там была грубая реальность. А в этой реальности даже принцесса превращалась в нищенку. Главным волшебником в этом мире было золото. Оно было в глазах людей, населявших этот мир, в их поступках, потому что только золото могло сотворить там сказку. Оно могло сделать и купить там всё. Всё, кроме любви. И поэтому принцессе было неуютно в мире реальности, ведь она так ждала любви.

Принцесса сидела и смотрела на своё отражение в оконном стекле. Мокрый лист берёзы прилип к окну, а дождь выстукивал свою печальную песенку. И было непо-

нятно – слезинки ли катятся из глаз принцессы или холодные дождевые капли стекают по стеклам. Дождь складывал свой плащ, усыпанный каплями.

Приходила уставшая, раздражённая зима и стучала снежной крупкой по льдинкам, рассыпаясь лёгким, пушистым снегом. Снежинки запутывались в волосах и белая сверкающая диадема украшала голову принцессы. Принцесса ждала. Сколько себя помнила, она всегда ждала.

Время соскальзывало со старых холстов картин и мягко подкрадывалось к ней. Но она всегда слышала его приход, потому что все часы начинали ГРОМКО отстукивать минуты, месяцы, годы. Время подходило к принцессе и тонкой кисточкой рисовало морщинки на её лице, стирая яркие краски. Песок в песочных часах высыпался, превращая снежную диадему в седину. Но принцесса не боялась времени, она ВЕРИЛА, что с приходом принца всё изменится.

Самым неприятным и непрошеным гостем к ней приходило Одиночество. Оно всегда было сдержанно и бесцеремонно. Как хозяин, оно располагалось рядом с принцессой. От этого ей становилось холодно и тоскливо, всё теряло смысл, а сердце замирало. Водрузив на нос круглые сломанные очки и раскрыв свою огромную потрёпанную книгу, одиночество монотонно читало принцессе о неудавшейся жизни, о глупых надеждах и о потерянных шансах. Оно мучило принцессу, но она ничего не могла с ним поделать. Она свыклась с Одиночеством.

Принцессе снились странные, удивительные сны. В одном из таких снов она видела реку, чистую и глубокую, с медленным, степенным течением. Крутой утёс нависал над рекой мрачной глыбой. А она, сидя на краю утеса, пела чудесные песни. Эти песни увлекали многих. Они приходили к ней, говорили что-то о любви, иногда пытались увести с собой. Но принцесса всё равно оставалась на утёсе. В ответ они называли её злой и жестокой, даже придумали ей имя – Лорелей, нежное, как льющаяся вода. Как струящиеся волосы, которые она так любила расчесывать золотым гребнем.

Лорелей почему-то вызывала у людей самые разные эмоции. Одни её проклинали. Другие – жалели. Люди даже придумали, будто бы она ведьма, злая колдунья, которая губит всех своим сатанинским пением. Они никак не могли взять в толк, как можно сидеть на скале и петь какие-то песенки, когда вокруг столько достойных и приличных людей. Им, конечно, её песенки ни к чему, но ничего – займётся хозяйством, и дурь из головы выйдет. Так думали те, кто её жалел. Ну а если сдуру или ещё по какой-то другой причине кто-то прыгал с утеса или тонул в реке, все были единодушны – это она, ведьма проклятая, сгубила.

Но Лорелей не хотела ничьей смерти. Она удивлялась, как они не могут понять, что она просто ждёт. Ждёт своего единственного, ради которого и поёт свои завораживающие песни. А остальные ей просто не нужны.

Во сне принцесса вздыхала. Всё завлакивал радужный туман. Краски смешивались, рисуя такие близкие и знакомые лица Сольвейг и Ассоль. Они манили

её к себе, но принцесса лишь тянула к ним руки. Они постепенно таяли в цветном, фантастическом тумане.

Сольвейг печально смотрела на принцессу своими синими глазами и говорила, что знает о том, что однажды принц придёт и поймёт, что она, принцесса, – его единственное счастье. Может быть он где-то далеко, в плену у Снежной королевы, богатой, красивой, но холодной. Его сердце застыло, но ожидание и вера растопят лёд и он обязательно вернётся к принцессе.

Ассоль счастливо смеялась, желая счастья и уплывала под алыми парусами Надежды. Принцесса знала, что их сказки сбудутся, а в жизни даже у чудесного окна всё не так, как в сказке.

Она знала, что золотой гребень может быть просто деревянным. Что на глазах ни капли дождя, а самые настоящие слезы. Слезы от того, что ждать нет больше сил. После длинных бессонных ночей опухают глаза. Одиночество день за днем усиливает тоску и убивает радость. А принц, если действительно и вырвется из плена Снежной королевы, захочет ли принять её любовь? Ведь любовь – не деньги и не золото, для некоторых стоит слишком дёшево.

Но принцесса ждёт и надеется, что однажды принц всё же придёт. С его приходом трусливо спрячется Одиночество, счастье сотрёт с лица все морщинки, которые нарисовало безжалостное Время. Лопнет заколдованное окно, за которым будет мир, где правит Любовь. И, как страшный сон, забудется время, когда по щекам текли слезы отчаяния и тоски.

Но вот сбудется ли это – принцесса не знает. Она ждёт. А пока она ждёт – сказка остаётся не законченной потому, что жизнь – лучший сочинитель – придумывает самые неожиданные развязки.

НОЧНЫЕ ЗАРИСОВКИ

Ночь – подошла к городу. Затем, словно раздумывая, медленно пошла по улицам, деловито поправляя свой синий бархатный плащ, ставший при свете фонарей – чёрным.

Ночь ходила по улицам и площадям, заглядывала в окна домов. От её взгляда дома послушно гасили свои глаза-окна, и только кое-где бросали ей вызов синиеющие сквозь оконные стекла экраны телевизоров. Они спешили выплеснуть на уставших людей новости о всеобщем сумасшествии и непредвиденных природных катаклизмах.

Но Ночь уже владела городом, который постепенно погружался в дремоту и оцепенение. Она обходила свои владения, снисходительно глядя на ночные бары и кафе, делая их неистовую музыку неуместной, и усмехалась, зная, что для них ночь наступит с приближением утра, а значит, их можно оставить в покое. Ночь проходила по спящим respectable улицам, направляясь к немного мрачноватому, но ещё великолепному дому, который, как она знала, с нетерпением ждал её прихода.

Этот дом был давним приятелем Ночи и имел своеобразный характер, но часто, закончив свой обязательный обход, Ночь входила в ещё красивые, изрядно источенные жуком, массивные двери, проходила в одну из пустынных комнат, садилась в своё любимое кресло и слушала старческое ворчание дома.

Дом был очень старым.

Его построили ещё во времена храбрых и отчаянных рыцарей, томных красавиц-шляхтянок, чьи портреты, загадочно и лукаво улыбаясь, теперь висят в музеях, пленяя потомков красотой моделей и мастерством художников. А этот старый, обветшалый дом помнил этих панн ещё совсем маленькими, непоседливыми девочками и гордыми, неприступными красавицами, ради взгляда которых сходили с ума самые ветреные повесы того времени.

Дом пережил их всех.

Он пережил своих первых хозяев и других, более поздних, шумных, совсем не подходящих ему постояльцев. В нём даже находилась какая-то контора, – не то нотариальная, не то ещё какая-то. Стрекот пишущих машинок и беготня сотрудников по коридорам доводили дом до мигрени. Он стал ворчливым и угрюмым, отпугивая посетителей, приходивших с просящими, озабоченными лицами по своим неотложным делам. В довершение неприятностей какой-то умник выкрасил в ядовито-зелёный казённый цвет коридоры, отчего у дома еще больше испортился характер.

Но шли годы. Менялись власти. Дом оставили в покое, и он тихо старел, ветшал, не в силах противостоять времени и погоде. Прекрасный узорный паркет в его залах давно был снят и заменён дешевым, занозистым, а изразцовые печи – гордость голландских мастеров – разобраны и унесены хозяйственными жителями соседних приспособившихся домов.

Ночь паузу знала историю этого дома и совершенно не обращала внимание на его стариковское побряхтывание и брюзжание. Ночь интересовали люди. Уж кто-кто, а она знала о людях много неприятных вещей, но почему-то обижалась, что все свои оргии, разгулы и тёмные, не всегда приличные дела они обстрепывали в основном ночью. Такие людишки ей давно уже были неинтересны, а дом так заманительно умел рассказывать о других, значительных, на его взгляд, людях, которые когда-то жили или бывали в нём. Дом приветствовал Ночь и, по привычке ворча, что народ стал не тот и нравы не те, начинал один из бесконечных рассказов о людях, чьи талант или красота заставляли вспомнить былое величие.

Сегодня у дома было меланхолическое настроение, и он начал рассказ с того, что принялся критиковать песни, гремевшие с утра до ночи из соседнего, как он выразился, совсем свихнувшегося ещё во времена модерна, дома.

А вот когда-то...

Не спеша лился рассказ, и Ночь видела перед собой женщину изумительной красоты.

Комнаты и залы удивительным образом преображались. Потолки и стены были украшены тонкой алебастровой отделкой, на полу лежали турецкие ковры, напоминавшие клумбы или небрежно разбросанные гирлянды роз и лилий. На панно и гобеленах веселились резвые пастушки, застывшие в жеманных позах рядом с женоподобными, изнеженными пастушками. Похотливые, но очень смахивающие на козлов фавны сладострастно подглядывали из-за зарослей за этой игривой пасторалью, напоминая о великолепии и упадке легкомысленного века рококо.

Посреди парадной залы стоял рояль, из его открытой пасти по дому разносилась музыка Пуччини. Женщина у рояля пела арию из оперы о женщине-мотыльке и сама была похожа на изящную бабочку, влетевшую в дом вместе с музыкой и наполнившую его светом и радостью. Чистый, глубокий голос певицы уводил к берегам далёкой Японии, где дамы ходят в чудных платьях – кимоно, а храбрые загорелые американские моряки влюбляются в хрупких, почти фарфоровых женщин, но жестоко бросают их ради подвигов и долга.

Видение исчезало, а память дома открывала новую страничку воспоминаний. Стиралась грань времени, и перед очарованной рассказом Ночью появлялся композитор – тонкий, белокурый, с подвижным, нервным лицом. Он сменил всех, подражая походке и привычкам какого-нибудь общего знакомого, буквально перевоплощаясь в человека, которого изображал. Когда композитор, став серьёзным, садился за рояль, его музыка была настолько совершенна, что казалась чудом, а импровизации и экспромты раскрывали причудливый мир фантазии, разговаривая со слушателями языком, понятным каждому сердцу, и вызывая слезы восторга. Дом замолкал, но Ночь продолжала слышать ноктюрн, звучащий благодаря воспоминаниям дома.

После несколько затянувшегося молчания дом, вздохнув, продолжал рассказывать, но уже о современнике композитора – о поэте. Его неистовые патристические речи

служили дому отголосками тех бурных событий, о которых дом ничего не знал, но догадывался по шепоту и разговорам домашних и гостей. Поэт читал стихи и поэмы, похожие на народные предания, наполненные болью за свою растерзанную родину, настраивая дом на торжественный лад.

Все эти люди и их окружение создавали ту особенную атмосферу искусства так, что дом чувствовал свою значимость и гордился этим.

Он вскользь рассказывал Ночи о художниках и писателях, об искренне-честных людях и высокопоставленных глупцах, мнивших себя покровителями и знатоками искусства. Сколько трагедий видел дом! Сколько сердец и судеб разбилось в этих стенах! Сколько сплетен и наветов пытались соткать здесь свою паутину, чтобы потом погубить и уничтожить кого-то...

Дом, вспоминая, кому-то сочувствовал, кого-то осуждал, но помнил абсолютно всё.

Его возвышенные воспоминания были бесцеремонно прерваны домовым, появившимся с невообразимым грохотом из запылённого угла комнаты.

Ночь отлично знала это весёлое, неугомонное существо, но после того, как съехали последние жильцы, ему было скучно, и он искал приключений, смешивая своими проделками Ночь и мешая дому серьёзно и многозначительно рассказывать истории о великих, на его взгляд, да, наверно, и на самом деле, людях.

Отряхивая пыль и сетуя, что люди совсем сошли с ума, он беспардонно, но с видом оскорбленного достоинства, стал жаловаться, что стоит только приличному и порядочному домовому отправиться в гости к своему приятелю и немного там отдохнуть, завывая в старых, теперь уже ненужных и поэтому заложенных, трубах, и раскидать в беспорядке сложенные, по его мнению, припасы и вещи на чердаке и в подвале, как эти ненормальные обзывают честного домового крысой и вызывают каких-то людей в странных одеждах – «комбнезонах», как он высказался, с какими-то просто кошмарными насосами. Отчего у него – беззащитного и почтенного домового случается совершенное расстройство желудка и настроения, подозрительно кружится голова и делаются спазмы в области сердца. Чего с ним не случалось уже лет сто. С тех пор, как один из владельцев дома занудно и с завываниями читал своим домашнимopus о жизни и смерти римских императоров.

Ночь с улыбкой наблюдала, как домовый устраивается на сломанном кресле-качалке, бормоча под нос, что люди – совершенно неблагодарные создания и абсолютно ничего не смыслят в ведении хозяйства, и пользуются бытовой химией совсем неправильно...

Но, чувствуя недовольство дома, его брюзжание, становится тише, пока наконец он не засыпает, вздрагивая и постанывая во сне от пережитых тревог и волнений.

Но меланхолическое настроение дома проходит. Он кратко и сдержанно рассказывает, что женщина-мотылёк исчезла где-то в далёкой, почти сказочной Аргентине, правда, потом он слышал, что она якобы вернулась, но в доме почему-то больше не появилась.

А белокурый весёлый композитор уехал в беспокойную, сотрясаемую тогда революциями Францию, говорили, что он страшно болен и, видимо, климат и людская чёрствость его убили. Его сердце навсегда осталось на родине, а вот другого такого мастера импровизации дом больше не слышал. А что касается неистового поэта, то говорят – он, бронзовый, стоит в одном из скверов города. Но, как известно, бронзовые статуи в гости не ходят и совсем не читают стихи.

О других интересных людях дом обещал рассказать в следующий раз, если, конечно, этот несносный домовый опять не отправится в гости или, ради праздного любопытства, не влезет в ещё какую-нибудь неприятность. Время Ночи истекало, и она, не прощаясь, уходила из этого жившего воспоминаниями дома. Шла сонными, но по-утреннему новыми улицами, и покидала город до следующего вечера, чтобы опять войти хозяйкой – исправляя или усугубляя глупости и ошибки, которые успеют натворить за день люди. Кутаясь в свой ставший голубым плащ, Ночь вспоминала рассказы дома и исчезала в первых робких лучах восходящего солнца.

Родилась в 1980 г. Окончила романо-германский и экономический факультеты Прикарпатского университета им. В. Стефаника. Печаталась в периодике.

ЖАЛОСТЬ

Ибо даже мудрейшим не дано провидеть все... в час развязки жалость... может стать залогом спасения многих.

*Джон Рональд Руэл Толкиен.
«Властелин колец»*

Тягучее, покрытое густой сочной слизью, напоминающей вишневый кисель, амeboподобное существо с ледяными конечностями дернулось и скрылось, захватив нечто бесформенное.

Множества распорошенных частиц возбуждённо закружились, подгоняемые неведомой силой, пятна, всюду пятна, полные, сытые, самодостаточные, рыбы глаза, мутно-зеленые, бледно-влажные, безразличные глаза, насмешливо-серьезные. Ни намека на орбиты.

Полностью отдаться пульсирующему потоку ощущений, природы которых и не берешься понять, – это же так естественно, это же так просто, чувствовать, долго, глубоко, их все всасывающие поцелуй, причем совсем нет времени передохнуть, нет времени облизать пересохшие треснувшие губы, слышать их настойчивое клокотание и мельком вспомнить об оглушающем тиканьи стенных часов, в тот же миг навалившемся на тебя всей своей тяжестью, звенящей, дурманящей, никуда не смотреть и видеть на периферии разветвленные щупальца, от одного прикосновения к которым тебя всего бросает не то в пот, не то в дрожь, причем ищешь и не находишь своей руки, чтобы перекреститься, чувствовать, снова и снова, как

шершавый потемневший язык парализованно ворочается во рту, и тщетно пытаться выпустить слово и освободить себя.

Вырвавшись из водоворота пятен как раз в том месте, где поток вагинанизации затягивал менее всего, существо вдруг поскользнулось и стало стремительно обретать плоскость и форму, а полумрак уступал место стареющим бликам, оранжевым, лиловым, бордовым, пока не повеяло забрызганными солнцем качелями, голубями со связанными лапками на песке, густо налитым кровью, как соусом, голубиным глазом, и вот наконец – первым криком, испытывающим кволие голосовые связки, криком к небу, смущенно подернутому двумя ценными бороздами от затянувшегося гула...

А властное течение все несло его дальше и дальше, мимо недосказанных слов, недобитых вещей и недоразвитых органов, похожих на сухие пожки стульев, изнанки тряпок, уголки подушек, мимо оконной рамы с прилипшими усиками бурого винограда, а может, то были усы абортивного членистоногого, абрис которого чернел прямо на подоконнике, но едва стоило зафиксировать на нем взгляд дольше, чем нужно, как из оформившегося виденья ядовитыми клубами повалил едкий пар. Завороженно, вяло существо покинуло кухню, где на кофейной банке почему-то лежал кузнечик без задних лапок, а плита как-то странно накренилась над табуретками; в спальне компате оно как будто вспомнило что-то при виде кровати красного дерева и сбитой простыни на ней, причем складки смятой постели еще не успели остыть от молочной дремоты, а незадвинутые ящики комода, казалось, хранили тайну тщетности бытия. Шевельнулось желание остаться, свернуться клубком у этих стен, чтобы сорбировать заводь теплых потоков энергии до соматической спячки.

Существо протяжно застонало и уперлось мохнатыми лапками, которые уже успели оттаять и наростить по одному коготку, в небрежно застеленный диван, полосатый плед порвался, однако задержаться никак не выходило – что-то неумолимо несло его дальше, толчки, ровные, ритмичные, напоминали удары сердца, слышные в токе крови. Все еще сопротивляясь, оно оглянулось, хлипко, встревоженно, конечности ныли от сквозящей беспомощности, но инстинктивная потребность в укрытии прорывалась вспышка за вспышкой. При виде удаляющегося оранжевого лоскутка энергетические волны подступили до края, существо собрало все себя во единый порыв, все свои складки плотно прижав к сердцевине. Еще четверть минуты, и оно не успело бы отпрянуть. В углу возникшей из лоскутка комнаты, на очень пыльной книжной полке, шестой от пола, застыл величественный черный **профиль паука**.

Существо поняло.

Сопротивление потеряло смысл. А оставалось не так уж много.

Когда удалось пробиться сквозь потные коридорчики, присыпанные для профилактики черным перцем, движение, казалось, замерло в ограниченном пространстве. В большой светлой аудитории отдельные голоса студентов слились в один избыточный шум, расслабляющий, обволакивающий яичным белком. Где-то скрипнула дверь, простуженно и суггестивно, это «где-то» откликнулось эхом

в каждой трещине, в каждой шерстинке, растворяясь осознанием того, что само по себе место не имеет никакого значения.

Сквозь паутину усталости и дремоты, сквозь вечеряющие окна и заплывшие тени, медленно, скользко во внутренности существа вошел сгусток, очень теплый, очень мягкий. Вкус набухшей женской груди наполнил ротовую полость слюной, сладкой, как молоко, жгучей, как ореховый сок. Сок, печаянно прилипший к щеке, еще дышащий, приятно пощипывал кожу, причем почему-то создавалось впечатление, что он впитывается до самой изнанки, шершавой от кровеносных сосудов.

А тупое, ленивое созерцание суетливых студентов все больше захватывало каким-то гипнотическим любопытством. Существо погибало – а они упрямо и запленивели продолжали копошиться, тогда оно водяными мутнеющими зрачками уставилось на заплывающих в аудиторию. Один из них двигался несколько медленней, а может, просто зрение существа уже начинало выпадать из времени, расстроенное медленно действующим ядом, только вдруг оно увидело его глаза и шею, руки с длинными пальцами и снова **ш е ю**. В то же мгновение оно настороженно съежилось, рябое чувство опасности хлестнуло резко, злобно, со скрежетом, но было уже поздно. Стены аудитории, невымытая к паре доска, девчонки со всеми своими сумками, кофточками, джинсами как-то враз болезненно расплылись лоснящимся воском в удивительно яркий жидкий фон, на котором была очень отчетливо нарисована дивная шея. Глаз уже не было видно, поскольку он сел спиной к существу. Это было невыносимо. Оно перестало смотреть в центр запульсировавшего пространства, ведь знания, что там он, ощущения переполненного присутствия было слишком достаточно. Бурные конечности вдруг стали рассыпаться тяжелым отсыревшим цеплом, в то время как сторбленное тельце покрывалось чем-то похожим на бескровные ранки, отчего существо становилось все более уязвимым, нервным, капризным, отчего даже самое незначительное прикосновение к вещам – или невестам – избыточно и гулко отдавало болью до цепенеющей слезы. Боль, спелая, сочная, с жилистой синюшной мякотью, с терпкой старушечьей кожурой, мерно хлюпающая о плоть, порой доводила до полубоморочного изнеможения, ее метастазы проникали проросшим семенем до внутренних стенок.

Лишь на один-единственный миг, последний миг, существо глянуло исподлобья на ослепительную шею, на родные русые завитки волос над нею, глянуло косо и влюбленно, и вдруг крупная волна с рокотом обрушилась на него, порожденная увиденным. Там, возле обнаженной шеи, в материи, небрежно облегающей плечи, была... **дырка**. И, прикованное к своему месту тяжестью порванных, разметанных нитей футболки, будто долгожданным недугом, оно изнемогло от невыносимой жалости... А меж тем все та же волна, явившаяся Бог весть откуда, заботливо и нежно спеленала недвижимое тельце, проникла тонкими солеными пальцами в его главные сосуды и унесла с собою...

И когда существо, изрытое мелкими морщинами и белесыми рубцами, возвратилось из глубин безвременного забвения, кругом расточали листву ливанские

кедры, бронзовую листву неизречения. Взошла луна, и существо томно потянулось, в тот же миг почувствовав твердую чешую, густую, как шерсть бронзовых хранителей, однако гиперестезия поглотила даже умение удивляться себе. Разучившись скользить, оно уверенно засеменяло ластоподобными лапками, пока не погрузилось целиком в извечную воду, чтобы ловить, забавляясь, сплетение колышущихся ветвей в лунном свете, давным-давно опрокинутом на гладь озера.

АФОРИЗМЫ И «МАКСИМЫ»

Подражание Владимиру Микуневичу

Слова – что окаменелости, превращенные в пылающие угли огнем веры. На них поэты приносят в жертву самое дорогое для человека – Это.

Поэты, добывающие из недр духа слова, – шахтеры. И тоже гибнут.

Ты – девушка моих ста снов. В надежде, что сто первый окажется явью.

Говорят, что женщина избирает мужчину спуская: то ли к его любви к ней, то ли к своей любви к нему. Но мужчина избирает женщину по губам. Он, как вечный идеалист, соотносит тайное с явным.

Есть байка: «А Васька слушает, да ест». С точки зрения феминисток все мужчины – «Васьки».

В Италии нормативная грамматика народного языка была следствием национальной революции (Рисорджименто). В Украине национальная революция (Видродження) была следствием нормативной грамматики народного языка.

Средневековая всеевропейская борьба Гвельфов и Гиббеллинов родила чудесную сказку о добрых эльфах и злых гоблинах. Родит ли наше время свою сказку?

Украина – страна у края бытия. Она всегда под угрозой пасть, но всегда её поддерживает Дух Святой.

Царство мира сего («цивитас террапа») началось с вавилонского смещения языков, когда потребовался царь – толкователь (герменевт), Гермес Трисмегист («Триждывеличайший»). Царство небесное («Цивитас Деи») – не от мира сего. Оно – царство Пресвятой Троицы, где в Святом Духе не нужен будет никакой толкователь.

Древние слагали гимны Волшебной Даме. Поэт Александр Блок заклинал стихами Прекрасную Даму. Но только в Евангелии – слава Верной Даме («Се раба Твоя, Господи»).

Говоря своей избраннице «Я люблю тебя», юноша обращает её тем самым в таинство. Отвергая его, она святотатствует.

Имя мужа есть для женщины её первой линией обороны, «на всякий случай». На протяжении десяти минут первого разговора по какому-то делу с иным мужчиной она непременно возводит её.

Говорят, что подлинная любовь, как правило, трагична и преходяща, и превращается в привычку (в лучшем случае). Но когда любви предшествует привычка к ближнему, любовь становится непреходящей и триумфующей. Вот в чём суть завета возлюбить ближнего своего.

Каждое слово – это коан. Только воспроизведя в себе то же самое состояние, в котором этот коан возник, можно овладеть языком. Поэтому изначально речь иррациональна, обращена только к опыту. Платон говорил об опыте в мире идей, где пребывает душа до момента рождения в человеческом теле.

Создав из холодного камня Афродиту Милосскую, ваятель так отомстил не ответившей на его любовь объятиями.

Тот, кто настаивает на том, что название Украины означает «окраина», «крайняя», не подозревает, что апологетирует эсхатологию (греч. «эсхата» – «крайняя»). С крайней для всей Иудеи Галилеи пришел Сын Божий. Discite moniti («Помните, предупрежденные!»).

Чтобы выйти замуж за принца, нужно поцеловать чудовище.

Одноглазость Полифема потому, что таковым его сделала частная собственность (пещера, стада овец и коз, молочные продукты). Вот о чём поведал Гомер. Одноглазого легче объегорить. Но Полифем – это еще одна мощная аллегория. Полифем – в переводе с греческого – «молва», боязнь молвы. Современная Галатея боится Полифема, оценки последствий, а не самих последствий.

Да, смертью очищается любовь. Также пламя любви очищает от всего земного. Вот почему древние славяне сжигали своих любимых. Нелюбов просто закапывали. Только так можно объяснить сосуществование у наших предков-язычников двух обрядов погребений.

«У него была совесть» звучит, как «У него была жена». Совесть (Gewissen, от «знать», «ведать») – жена. Брак – первое таинство, данное ещё в раю. «Невесть откуда (привел)» – так называют избранницу, «невестку». Её приводят только из рая, которого здесь, на земле, не знают. Брак с ней есть знаком того, что рай есть.

«Брак» – еврейское слово, обозначающее искру, мгновенно спаивающую два сердца, как молния – два кольца. Бог брака древних славян – кузнец Сварог. Исконно славянский аналог слова «брак» – «сварка». В украинском языке остался как обозначение состояния между любящими («Милые бранятся – только тешатся»).

Каждый айсберг мечтает о своём «Титанике».

Есть философы от фонаря. А есть – от кровати (Баланш, Пруст, Арсан).

Мир, говорят, ловил философа, но не поймал. Какое дело миру до ваших мнений!

Говорят, что мать Владимира Святого Малуна – ключница. Но ведь это титул фрейлины на Руси!

Если, читая древнерусскую летопись, заменить русские названия на «общепонятные», откроется новое видение нашей истории: «князь» – на конунг или король, «воевода» – на герцог, «удельный князь» – на маркграф, «бояре» – на бароны. Не хуже, чем у других.

«Если Бог – все, то жизнь и человек – ничто» (Бакунин). Поэтому человек и стремится к Богу!

Разве любовь слепа? Ведь она видит, как сквозь наш мир просвечивает мир идеальный.

«Истина» – т. е. восставшая из тины рассуждений, как Солнце.

«Разум» – т. е. «золотое сечение» ума.

Влюбленность – выдумка. Есть только просвет бытия сквозь хаос сущего (по Хайдеггеру). Разве мы называем неполноценной смерть?

«Всякий дух должен стать птицей» (Ницше). «Всякое тело – лопухом» (Базаров). «Всякая душа – вечностью» (св. Августин).

Рыбы, молчащие, – отнюдь не глуны. Они просто хранят золото Рейна.

Заметили ли мифологи тот факт, что прадед верховного германского бога Вотана родился из солевого столпа, который облизала священная корова? Солевой столп – жена Лотова.

Гофман с досадой говорил о солидных бюргерах, не признающих ни черта, ни романтизма, ни поэзии. Современные писатели это же говорят о «новых русских». Говорят с претензией на продолжение собой ряда от этого немецкого гения.

«Земной мир» может быть вечен. Даже на других планетах, в иных галактиках – но он будет все тем же з е м н ы м миром. Вот ад, вот сущее наказание человечеству!

Странно ли совпадение, что душевный недуг сразил Ницше в год (1889) рождения бесноватого фюрера? Не странно ли, что Маркс родился в год (1818) выхода книги Шопенгауэра «Мир как воля и представление»?

Противопоставление кочевника землепашцу (как носителей, якобы, различных «цивилизаций») равно неестественному противопоставлению композитора и поэта. Только вместе, сообща, соборно они создают творение (песню, оперу). Только в этом – истинное евразийство.

В Америке есть «отцы – пилигримы» и «отцы – основатели». В Европе – «святые отцы», «отцы Церкви» и «отцы – реформаторы». В России – хотя бы «отцы – пустынники». Какое отечество у Украины?

По-китайски «барон» – «гун». Только нация баронов могла дойти до Каталунских полей, стен Рима и быть воспета в «Песне о Нибелунгах».

Христианство не ограничивает себя двухмерным пространством. Оно – «по ту сторону добра и зла», его ответ – в «межкатегориальном пространстве» – в Любви.

Молодежь из 90-х гг. XX в. – это всё то же look – поколение из середины 70-х гг., когда осыпались лепестки «поколения цветов». Теперешнее поколение законсервировалось и будет жить очень долго, как черепаха Тортилла, хранящая золотой ключик для грядущего Буратино.

Какой ужас! У всех неформалов – одноформальное мышление...

«Происхождение тарантеллы – укус тарантула» (А. Белый, «Круговое движение», № 40). Теперь ясно, кто укусил наш беснующийся век. О где Ты, Богиня, излечившая

могущественного бога Ра от укуса змеи, узнав подлинное имя божества. Какое наше подлинное имя?

Восток Европы ищет цветок папоротника. Запад Европы ищет чашу Грааль. В неё и следует вставить Иванов цвет? Вот ли подлинное соединение Запада и Востока, т. е. формы и содержания?

У иных женщин жизнь «козлиная»: шуба – из козлика, зарплата – «как у козла молока», ночи – с мужем-«козлом»...

«Реальность будущего – смерть» (для язычника). «Реальность будущего – Суд» (для иудея, католика и мусульманина). «Реальность будущего – апокатастасис» (для православного).

«Цель истории – назидание» (за Геродотом). «Цель истории – воздаяние» (за Мухаммедом). «Цель истории – Любовь» (за Августином Блаженным).

Аналогично тому, как в Медине (Ясрибе) Мухаммед составил «Мединскую конституцию» (Дустур Мадина), согласно которой мухаджире, племена яус и хазрадж, иудеи Ясриба и мусульмане-курейшиты составляют одну общину («Умму»), отдельную от остального человечества, в Киеве в 862 г. конунг Аскольд уложил «Dhîgg», согласно которому поляне, варяги, киевские иудеи и некоторые другие славяне создали одну общину («Русь»), отдельную от Хазарии и Византии.

Латинское RES = немецкое REICH = славянское РУСЬ.

Интеллектуал – это тот, кто в детстве любил читать сноски.

Ницше говорил, что идя к женщине, не следует забывать кнут. Но он подразумевал, что именно его нужно вручить женщине в качестве подарка.

Мадам Елена Блаватская утверждала, что андрогинна символизировало неразделённое созвездие «Дева – Скорпион». Будем же тогда снисходительны к нашим подругам: невыносимые черты их характера (к нашему великому счастью!) лишь ностальгия по действительной своей «скорпионьей» сущности: после спаривания сожрать самца.

Кажется странным, что по-немецки Ruh «покой», а у славян «рух» – «движение» (это если учитывать индоевропейское происхождение обоих языковых групп). Но ведь последние (т.е. славяне) – это очень удачливые имитаторы.

«Не иметь убеждений!» – провозглашает либерализм. Не это ли убеждение является подлинным тоталитаризмом?

«Открытое общество» – это не общество либерализма и демократии, а общество, в котором принимают мир как открытость трансцендентному началу.

Если либеральная демократия Запада симметрична восточному суннизму, тогда не следует ли Украине избрать модель, симметричную шиизму (при том, что Россия – это параллель исмаилитам)? Если религия Запада – «свобода» (существования, например), тогда не является ли религией Украины «свобода» (солидарности –

сожительства)? Т.е. «с кем хочу, с тем и вожусь» (со шведами, немцами, поляками, русскими).

После сорокалетнего Исхода (Пасха) из Египта и жизни в пустыне евреи получили Закон (Симхат Тора) от консорции жрецов «Медный Змей», соперничавшей с консорцией «Золотой Телец». Не следует ли теперь Украине ждать, кто выиграет из двух консорций – «русскоязычная» или «украиномова»?

Оказывается, греческое слово «коме» (= «коммунизм») и латинское «фасция» (= «фашизм») обозначают одно и то же: «пучок», «связка», «община».

Что такое человек? Крокодил, любующийся цветком.

В одно и то же время: на крайнем западе Европы Дон Кихот воплощал независимое существование на «окраине» общества и освобождал каторжников; на крайнем востоке Европы украинский казак осуществлял то же – жил на «окраине», освобождал каторжников с галер... Но если Алонсо Кихано – герой-меланхолик, то Сагайдачный – герой-холерик, овладевший стенами Хотына и Москвы и променявший свою Дульсинею на табак и трубку...

Одних женщин в мужчине волнует орган из трех букв, а других – из двух (ум). Но ведь оба – это «концы» одной «палки» – potencia (т.е. «спорта» в широком понимании этого слова, по Х. Ортега-и-Гассету).

Нация – это «хронотоп», где этнос – «желаемое время» (Wunschzeit), за пределами относительно к миру (Weltferne), а держава (культура, язык) – «желаемое пространство» (Wunschraum) с характерной для него «приближенностью» к миру (Weltnahe).

К. Ясперс предложил концепцию «осевого времени», К. Хаусхофер – «осевого пространства». А. Дугин использовал рассудок (Verstand) для их соединения в представлении (Vorstellungen) об «Абсолютной Родине». Но в действительности следует исходить из разума (Vernunft), и тогда откроется, что континуум реальности – это относительность бытия, раздвоенного на субъект и объект, и поэтому следует искать «момент» бытия, соединяющий их напрямую (coincidentia oppositorum) без опосредования познанием. «Moment of Glory» – так называется альбом рок-группы «Скорпионз».

В философии «духовная группа Тертулиана» провозгласила: «Верую, ибо абсурдно» (Credo qua absurdum est). «Духовная группа Августина»: «Понимание есть наградой веры», и Раймонд Луллий добавил: «Тем, кто может понять, следует пытаться понять». Таким образом: «Верую, потому что абсурдно, и наградой веры есть понимание, а таким образом, верую, чтобы и понимать!»

Человек сотворен по Образу и Подобию. «По Образу», т.е. по Чину, по Достоинству. «По Подобию», т.е. по Свободе, по Воле.

У Шопенгауэра была любимая собака – Аتما. У Ницше «моя собака» – боль (шире – рок, amor fati). У современного человека (по Эрику Берну) «нашей собакой» есть «персона», личина (каждого в отдельности и цивилизации вообще).

«Глубина и высота», т.е. «диалектика археологии и телеологии». Вот «вертикаль», axis mundi, «древо жизни».

Для иных мужчин «счастливчик» – это тот, перед кем женщина говорит: «Счас, лифчик (только сниму)...»

Возникновение письменности – это не проявление прогресса. Человек настолько деградировал (в своей памяти, например), что вынужден обращаться к чуждому – к знакам.

Дух – не создан и бессмертен. Душа – создана, но бессмертна. Плоть – создана и смертна. Отрицание («мэон», «небытие») не существует, хотя через него определяются дух, душа и плоть. Ему противостоит только Становление (Werden).

Древние греки ложно разорвали Единое Бытие на аполлоническое и дионисийское, противопоставив их (вместо «тождества», по Шеллингу). Но чувствуя пустоту, они пытались заполнить её, создавая образы сатиров, кентавров, грифонов, сирен и проч.

Византийская культура пришла на Русь в христианской интерпретации (Святой Дух), поэтому нас приобщали к вере, а не к философии. Так и сейчас: западная культура пришла к нам в протестантской интерпретации («дух капитализма»), потому приобщаемся к потреблению, а не к творчеству.

Чтобы победить Карфаген – оплот базарного Востока на Западе – римские войска Сципиона высадились в Эмпории («Рынке»).

Успокоившись после отключения Чернобыльской АЭС, Европа не подозревает, какой «этнический реактор» ей запущен!

Представитель Запада, «фаустовской культуры», продаёт свою душу нечистой силе, в то время как представитель украинской цивилизации играет с ней, соперничает и оставляет «с носом». Так и Гоголь играл с Петербургом, и только «неистовый Виссарион» подсознательно это почувствовал.

Республиканец антимонархист потому, что он сам в первую очередь потенциальный монарх, корону которого поддерживает авторитет времени.

ОШИБКИ НАЗЫВАНИЯ

Современные эстеты утверждают, что искусство само стоит в истоке причин собственного развития. Оно порождает побочные смыслы слов и символов и уже этим неминуемо и неуёмно противостоит любой властности, в особенности тому абстрактному, планетарному и ресурсному её проявлению, которое требует для себя заглавной буквы – «Власть».

Чем опытнее Власть, тем пристальнее вглядываются её функционеры в изменчивые контуры творческих баррикад, тем плотнее и проникновеннее опекают лучших стрелков богемного фронта. Не зря в оруэлловском *новоязе* тоталитарный режим тщательно уничтожал побочные смыслы понятий и слово «свободный» могло означать там лишь такие явления немудрящей житухи, как «свободный туалет» и «свободные сапоги».

Судя по всему, лет тридцать назад Власть осознала, что искусство, увлечённое поисками оригинальных форм, попало в ловушку.

Позиции современного искусства приблизились к той черте, за которой запасы «нового-интересного» стремятся к нулевой отметке. Начав *высоким штилем* революций, искусство XX века быстро выработало ресурсы героического, жадно (оправдываясь служением народным массам) употребило в дело пласты обыденного, исчерпало резервуары низменного и *сверхнизменного* в китче и синтетических жанрах, объявило себя постмодерным и под этим девизом употребило в дело свои же... отходы (скажем так, дабы не употребить более сильное слово).

Теперь Бременским Музыкантам XXI века остаётся небогатый выбор для возвращения к началу своих причин. Можно, например, окопаться в непримиримом культурном подполье рядом с Егором Летовым или мрачными ребятами из «АВС»-ART'a. Можно приобщиться к последователям профессора Толкиена, создавать виртуальные миры и обсуждать на сетевых форумах каноничность эльфийской причёски Лив Тайлер. Можно уйти в «кочевые практики» трансавангарда и радовать трёх-четырёх друзей креативной неутомимостью. Но на каждой из этих тропок вряд ли удастся убедительно отделить свободу от сапог.

А что же Власть?

Она, вероятно, удовлетворена.

Ведь искусство и Власть – сёстры-конкуренстки. Они родственны неистребимым желанием человеческого существа превзойти человеческие пределы. В незапамятные времена они были покараны за это высшими надзирающими силами. Читавшие библейскую Книгу Бытия вспомнят Вавилонскую башню и Эвмонские высоты, на которые перед потоком нисходили в невиданной славе высшие существа, «сочетались с дочерьми человеческими» и дарили своим потомкам знания, умения и скипетры

земных владений. Вспомнят, что мастерство людей искусства и Власть – суть два отзвука одного древнего могущества. На общем корне качаются их миры: там где ослабеваает искусство – усиливается и свирепеет Власть.

Искусство и Власть предлагают нам разные формы памяти. Возможно, что в будущих потоках коммуникации (непредставимой для нас плотности и открытости) они сами окажутся *всего лишь разными формами памяти*. Последние полстолетия технизация мира упорно стирала границу между ними, плодила гибриды изящной и скрытой властности, а постмодернизм перемешал всё окончательно, выводя художественность за пределы добра и зла, в область методик и технологий. Властные практики дискурсивного господства незаметно для большинства наблюдателей сожрали попавшее в ловушку актуальное искусство, трансформировав его в изысканную и дорогую форму пиара. На творческих нивах *сладковато и грибно* повеяло кладбищем, а *живые* перестали слушать музыку девяностых.

Иной исход вряд ли был возможен. Ведь Власть всегда могла собрать коллекцию из произведений искусства. И наоборот: все потерявшиеся во Власти эстеты оказались в убытке. Кто-то из их числа стал короче на жизнь, кто-то – на дар, кто-то – на бесполезные годы. Третий тип укоротившихся может считать себя фартовым. О репутациях умолчим.

Но остаётся ещё одно поле, на котором Бременские Музыканты XXI века способны нанести поражение борзеющей Власти. Это поле, на котором произрастают названия. Ведь Власть способна видеть и подавлять только то, что *правильно названо*. Называние – необходимый элемент властности во все времена и у всех народов. И, прежде строительства всех реальных и виртуальных концлагерей, Власть репрессирует неугодных называнием, выводя на большую дорогу смыслов странные словосочетания «враг народа», «вейсманист-морганист», «банда четырёх», «лицо кавказской национальности», «мировая ось зла». Все перечисленные названия точны своей *функциональной* правильностью. Их жёсткость напоминает либо отточенность народных поговорок, либо конструктивную твёрдость ударных стихотворных строк, либо лаконичность рекламных слоганов. Они господствуют над соседними высказываниями. Забудутся исторические события, деяния властителей и страдания жертв, а эти метки эпох останутся, как остался на две тысячи лет детской страшилкой сарматский вождь Бабай.

Всё неназванное и названное неправильно – невидимо для Власти. И теперь, в начале XXI века, мы можем представить себе одно из новых и важных искусств надвигающейся эпохи. Это партизанское искусство преднамеренного и *предельно ошибочного* называния. Искусство выведения из-под контроля и видимости целых пластов бытия и выселение их на последние островки свободы, в последние **резервации побочных смыслов**.

Ведь очень может быть, что XXI столетие породит способы подавления человеческого «я», перед которыми нацизм и сталинизм покажутся лишь историческими разминками грядущего ужаса. «Веком-волкодавом» назвал минувшее столетие

Мандельштам. Но волкодав – при всей своей свирепости – всё-таки зверь привычного мира. Подыскивая же соответствующий образ для XXI века – эпохи клонирования, ядерного терроризма, технологий микрочипового контроля и религиозного фанатизма – невольно обращаешься к ужасникам. Воображение рисует то кислотного Чужого, убитого лейтенантом Рипли в звездолёте «Ностромо», то слизистых монстров Лавкрафта и Кроненберга. Может, «век-годзилла» наследует «век-волкодав»? Недаром Большая Ящерица крушила голливудовский Нью-Йорк как раз перед знаковой гибелью реального World Trade Centre.

Как бы там ни было, а опытные партизаны готовят свои базы заранее. Возможно, само искусство пора прятать под иным именем в глубинах Мира Ошибочных Названий, отдав политтехнологам и кичменам её исконные – но прозрачные для щупалец и манипуляторов Власти – территории. Пускай они потешатся на руинах жанров и стилей, собирая из обломков метамодерные конструкты. Этой мертвечины хватит, чтобы *развести* ещё два-три поколения лохов. А дальше...

Дальше, судя по всему, «век-годзилла» покажет свои зубы, и всё сбережённое на тайных базах Неправильных Названий пригодится для новой войны «ради жизни на Земле». Ради возможности побочных смыслов.

2002 г.

КНИГА И БЕСКНИЖИЕ

Этот текст задумывался как исследование национальной Традиции России в виде плоскости обитания изначальных Знаков национального бытия – Знаков, углубление в которые русского самосознания и есть Идея России. В таком аспекте Традиции мыслящая, самопознающая часть нации выступает как сверхиндивидуальный Герменевтик: грандиозность его совокупного «Я» вполне сопоставима с величием Знаков, им постигаемых.

Прежде всего предположим, что перед совокупным Герменевтиком лежит Книга. Книга с большой буквы – главная Книга национального бытия. Возможность, наличие и необходимость в наличии подобной Книги демонстрируется историей. Моисеева Тора заменила галутным евреям государственность, исконную землю и национальную литературу в ее привычном для европейца понимании. Священные тексты Китая «Ши-Цзин» и «Да Сюэ» растворили в своих символах и слили с ментальностью Хань все бесчисленные кочевые этносы, пространственно покорявшие Поднебесную три тысячелетия ее истории. «Вульгата» святого Иеронима сохранила духовное единство Европы на фундаменте древнеримской цивилизации. И примерам этим несть числа...

Однако в случае с Россией мы обнаруживаем отсутствие Книги. Если франки, саксы, готы превращались в нации на пространствах *Rex Romana*, где до их появления уже «были рассеяны знаки и символы древних традиционных доктрин» (Рене Генон), то восточные славяне осваивали территорию, на которой Традиция еще пребывала в состоянии языческой протоплазмы. Этой изменчивой неопределенности еще не дано было породить знаковые сущности.

Последнему утверждению требуется уточнение. Украинская нация формировалась на пространствах, где жил народ с развитым языческим пантеоном. Скифо-ирано-славянская иерархия богов у полян имеет четкую знаковую структуру. Киевские святилища упоминаются даже у христианских авторов. Не вызывает сомнения, что полянские языческие культы обслуживались священными текстами, утерянными после принятия Владимиром Первым учения Христа. На глубинном уровне ментальности украинской нации эта утрата привела к «синдрому Потерянной Книги». Отсюда неоязыческие культы, расцветшие в Украине в 90-е годы XX века, отсюда попытки написания «языческой Библии» (реставрация Книги). Наиболее удачный из реставрационных проектов был предпринят в 1964–1979 годы в Нью-Йорке Львом Силенко. Силенко, объявив себя пророком Дажьбога, написал объемный сакральный текст – «Мага Виру», который претендует на универсальность истинной Книги украинской нации. Существует община последователей Силенко (рун-виристов) численностью в несколько тысяч прозелитов Дажьбога.

В России адекватные по масштабу явления отсутствуют. Даже появление пресловутой «Велесовой книги» было встречено российской интеллигенцией без того энтузиазма, который сопровождает в Украине реставрационные проекты в области дохристианской мифологии В. Рубана, В. Шияна и других.

Вместе с тем, и Библия не стала Книгой России в такой несомненной форме, как на католическом Западе. Так, через два века после Владимирского крещения автор «Слова о полку Игореве» не использовал в тексте библейскую символику, в то же время обильно обращаясь к языческим знакам. Не случайно в 1917 году Церковь не смогла обрести себя в качестве духовного центра сопротивления большевизму. А в XX веке российское христианство приняло в лучших своих проявлениях некнижную форму: старчество, проповедь преп. Серафима Саровского.

Критический момент отторжения Библии российской стихией яснее всего усматривается в реформах патриарха Никона. На большом Московском Соборе 1666 года книжники российские – старообрядцы остались в меньшинстве. Фактически никонианство стало реформой Традиции, и вошедшая в ментальность россиян древлеправославная «библия № 1» была заменена новым формализованным переводом с греческого – «библию № 2». С новым текстом российская духовность не срослась вплоть до катастрофы «великого Октября».

Таким образом, не будет преувеличением такой вывод: Книга Нации как ядро самосознания и самоопределения в России отсутствует. Россию можно определить скорее как ментальное пространство, обусловленное Бескнижием, а развитие России – как поиск своей Истинной Книги совокупным Герменевтиком нации.

Поиск поиску рознь. Украинское национальное самосознание ищет Потерянную Книгу. Книгу, которая была. И комплекс вины за Утрату, возможно, стал одной из глубочайших причин затаенности формирования украинской государственности. «Комплекс вины за Утрату» породил в украинской ментальности странную тенденцию, о которой Юрий Андрухович упоминает в глоссе «Украина»: «Вся трагедия состоит в том, что Украина всегда порождает соблазн разрушать ее. На каждом из этапов украинской истории этот соблазн оказывался сильнее инстинкта самосохранения».

В отличие от Украины, Россия ищет Ненайденную Книгу, национальную систему Знаков, которой еще не было. В этом эсхатологичность российского бытийственного духа. Он обращен в грядущее и, при отсутствии «комплекса вины», имеет надрывный «комплекс ожидания». Нация напряжена и постоянно на пределе адекватности самой себе, на краю духовного срыва. Такой катастрофический срыв произошел в октябре 1917 года, когда большевики предложили России свой вариант Истинной Книги – ленинское толкование марксизма.

Безусловно, коммунистический эрзац Книги был изначально обречен. Не имевшая абсолютного эзотерического источника доктрина, людьми сотворенная, людьми же и разрушилась. Эрзац не выдержал проверки Вечностью и вступил в неразрешимое противоречие с другим изначальным комплексом российских Знаков – Упованием на Справедливость. Справедливого царства земного КПСС не сотворила, иллюзия Обретенной Книги постепенно исчезла, и Бескнижие вновь стало очевидным.

Новые поколения россиян продолжают поиск. Начиная с 1990 года в Москве, Уфе, Челябинске и других городах России стали появляться Толкиеновские клубы.

За неимением лучшего, духовно живая (этическая) часть молодежи обратилась к философской сказке Дж. Р. Р. Толкиена «Властелин Колец». Хотя выбор, на первый взгляд, кажется весьма экзотичным, его основание легко детерминируется Бескнижием: в книге Толкиена есть главный формальный признак Истинной Книги – целостное самодостаточное миростроение, смоделированное во всех уровнях бытийственной иерархии: от космогонии до оригинальной этической систематики. Отсутствие главного сущностного признака Истинной Книги нации – эзотеричности, данности от Бога, толкиенистов, воспитанных в картезианско-марксистской среде, не смущает.

Иногда русскую ментальность сравнивают с американской. Это неправомерное сравнение. Америка (США) – пространство многокнижное, где смешение наций объединено эрзац-Книгой – Конституцией США. Причем американскому народу известно о том, что Конституция – эрзац, неполноценная Книга. Конституция постоянно нуждается в поправках, она неабсолютна. В осознанности того, что Конституция не претендует на Истинную Книгу американской нации, чувствуется проект. США как государственное пространство, как государственная идея, как геополитический фрагмент задуманы отцами-основателями с учетом несовершенности отдельных личностей, их составляющих. Это идея сосуществования эгоцентричных «Я» в рамках совершенного Закона, уважающего эгоизм и пресекающего свободу эгоизма только в крайних случаях его угрозы эгоизму корпоративно-государственному.

За фасадом американской истории чувствуется присутствие кого-то, похожего на азимовского Хэри Сэлдона*. В США нет и не должно быть Истинной Книги нации, по крайней мере, нетайного ее варианта. (Строго говоря, Истинная Книга нации не может быть тайным текстом, известным ограниченному кругу людей. Возможны варианты, когда Книга имеет две части: скрытую и явную, или два толкования: соответственно для избранных и для масс). Американцы с этим подсознательно и сознательно согласны, что делает США образцом государственной стабильности.

Итак, если в Америке отсутствие Книги воспринимается как вынужденность (нет – значит так надо), то в России (в определенной сфере совокупного Герменевтика) отсутствие рассматривается как благо, как особенность, как Завет с Абсолютом, которым Россия выделена среди прочих стран Бескнижием – Обещающим Знаком бытия.

Один из возможных вариантов Обещающего Знака таков: если Абсолют всегда ценнее Книги как своего отражения в бытии национальной цивилизации, то

* В трилогии Айзека Азимова «Фонд» Сэлдон изображен основателем науки психистории, которая, базирясь на математических и семантических методах исследования, способна дать прогноз развития цивилизации на тысячи лет вперед. Психистория оперирует средне-статистическими понятиями «индивид», «интерес» и так далее, не учитывая иррациональных явлений в социуме. Для коррекции развития человечества в рамках своей схемы и борьбы с иррациональными явлениями Хэри Сэлдон создает «Второй Фонд» – тайную организацию психисториков, которые на протяжении столетий совершенствуют только им известную «схему Сэлдона» и подправляют под оную историю, действуя незаметно и опосредованно.

Бескнижие есть более органичное знаковое состояние нации, нежели догматизированность, застывшая определенность Книги. Ведь и Богочеловек Христос обличал книжников-фарисеев за косное восприятие Отца Небесного только через текст Моисеевой Торы.

Таким образом, существует проблема: или российское Бескнижие ущербно, или, наоборот, содержит в себе Знак избранности. Возможно, хэри сэддоны, основанные США, также видели некий смысл в отсутствии Книги американской нации. Традиция, вложенная в Истинную Книгу, может иметь двоякую сущность: и сущность незыблемого краеугольного камня нации, и сущность балласта, ограничивающего её свободу маневра в критические моменты существования. Так, с одной стороны, тысячелетняя Традиция не мешает Японии идти в первых рядах научно-технического прогресса Цивилизации, с другой – лютеранство, догматизировавшее Евангелие, фактически прекратило римскую Традицию на освоенных им территориях и положило начало общности потребителей, где абсолютизированы рассудочность и вещьность.

Бескнижие дает национальному сознанию пластичность, но лишает его твердой исторической основы. Основы Закона. Российская история наполнена беззаконием и поисками Справедливости. Закон закрепляет несовершенство реального человека, признавая его потенциальным преступником и ограничивая эту потенцию наказанием. Так в Законе исчезает смысл Цивилизации: если совершенствование человека, его обожение и путь к Богочеловеку заканчиваются в тупике бюрократизированной юриспруденции, то бессмысленно само развитие человечества. С исчерпанием его биологического потенциала, которое биологи предсказывают через 60–70 тысяч лет, все достижения рассудочной Цивилизации потеряют смысл. Если перехода от человека к Богочеловеку не произойдет, если Знак Христа не означает предвестия обожения, то недолгая цепь логических умозаключений приводит нас к признанию случайности и бессмысленности человечества.

Можно утверждать, что Закон, обеспечивая организованное сосуществование людей, в глубинах своих лишен вселенского смысла. Справедливость же, предвосхищая исполнение времен, не способна к организации реального социума. В современном своем состоянии Традиция России распадается на два знаковых комплекса, один из которых обусловлен Бескнижием как ущербностью, а другой выводит из отсутствия Книги высший смысл, национальное эсхатологическое основание.

Обе тенденции пытаются примирить Россию с Бескнижием как неотторжимым Знаком. В этом автором данного исследования усматривается неценность обеих. Ведь движение российской истории и есть Поиск Книги. И самодовольное любование исключительностью Бескнижия, и осознанная неполноценность одинаково безвыходны. Они создают иллюзию предела, исчерпанности там, где логика жизни требует поиска и развития.

Бескнижие удивительным образом трансформировало все Знаки, сказавшиеся волею Провидения на землях российских. Так имперская идея Византии как идея освоенной Законом территории Второго Рима, перенесенная вместе со знаком

двуглавого орла в Третий Рим, обрела новый смысл: значение универсальной справедливой опеки государственности над пространством. Но особенная метаморфоза ожидала в России диалектический метод гегелевской философии. Он стал любимой игрушкой не книжных и псевдокнижных мыслителей. Диалектика, как оправдание текучести и нефиксированности бытия, и есть, в пределах сути своей, оправдание Поиска Книги. Диалектика – плуг, которым распахивается для грядущего интеллектуального посева ментальная почва Бескнижия. Диалектика предлагает Бескнижие альтернативой книжно-фарисейской Цивилизации. Приготовление библейскому исполнению времен актуализируется Россией в виде диалектического способа осмысления и освоения Евразийского пространства. Российская модель диалектики «государственность – пространство» универсальна, так как не отрицает и не подтверждает ценность Книг, лежащих в фундаментах сопредельных Традиций. Это имперская идея в её «неубиенной» форме. В той форме, которая восходит к древним степным империям Евразии, которая передавалась ими по наследству от каганата к новому каганату и которая идеально вписывается в комплексный Знак Плеромы – символ сферы прензбытка опекающей государственности.

Из вторичных плеромических знаков России остановимся на наиболее характерном – слове «Русь».

Пользуясь терминологией Ллойда Моргана, «Русь» можно определить как знак-эмерджент (эмерджентность – новое, внезапно возникшее качество, обуславливающее новый уровень системности признаков) восточнославянской общности, возникшее в IX–X веках, – норманно-славянскую кочевую протонимперию Рюриковичей. Мы не будем вслед историкам дискутировать по поводу происхождения самого слова «Русь». В герменевтическом разборе это, по большому счету, не имеет смысла. Особенность эмерджентных знаков в том, что они появляются, внезапно рожденные необходимостью определить новое качество, очевидное для современников.

В средневековой энистеме славянского Востока понятие «Русь» относится прежде всего к периметру пространства, которое на низшем, обывательском, уровне национального самосознания осознается как наше, «то место, где живут наши». Эта знаковая фиксация очень устойчива и обладает способностью существовать в духовном пространстве даже без реального наполнения политическим и экономическим смыслом. Так, распавшийся СССР до сих пор обитает в массовом сознании как нечуждое пространство, как периметр «своего» комплекса знаков, понятий, координат «от Риги до Владивостока».

В ситуации Бескнижия знак «Руси» приобрел значение большее, чем название этнической или ментальной территории. «Русь» есть Твердость Бескнижия, его оболочка, посредством которой Бескнижие отчуждается от пространств, ментально освоенных Книгами. Вместе с тем, это Знак Свободы от Закона, от догмы книжного дискретного мышления – и в этом втягивающая специфика знаковой оболочки – «Руси». Бескнижие готово принять и осмыслить в себе всех бегущих от догмы ментальных диалектиков: и Максима Грека, и Айседору Дункан. Этим оно возносит

себя до значения Эдема Свободы. Причем свободы, понятой как примат справедливости над законом. Отсюда и неизбывная тоска современных россиян по особой «органической» российской демократии, которая мыслится как путь Одиссея между либерально-бездуховной Сциллой и эгалитарно-большевистской Харибдой.

В поисках органичности и универсальности, как формальных знаков российского бытия, вновь всплывает харизма Бескнижия. Бескнижие не порождает системы, и в этом ее вековая универсальность – готовность все воспринять и все отвергнуть без рассудочного фундамента деяний. Проблема Знака Органичности выходит, ввиду ее обширности, за рамки данного исследования. Упомянем лишь, что органическое восприятие бытия характерно для восточного интровертного менталитета. Русь мыслится сторонниками государственного универсализма как некое подобие ханьской Поднебесной, с тем только различием, что русские универсалисты не полагают всех иностранцев варварами. Плеромическая оболочка китайской государственности, пребывающая в неотторжимой тысячелетней традиции, отталкивает от себя ипородные знаки, а прижав, перерабатывает до неузнаваемости (например, марксизм – в идеи Мао).

Бескнижие же ориентировано своей стягивающей оболочкой на Запад, где бессмысленность картезианской цивилизации создаёт соблазн органичности. События последних лет проявили среди прочих одну парадоксальную тенденцию: с уменьшением системно-государственного пространства России до этнического эквивалента плеромический Знак России сохранил свое присутствие на евразийских пространствах. Возрождающаяся универсалистская традиция не прошла еще путь от возможного к наличному, и делать выводы рано. Несомненно одно: знаковое равновесие послевоенного мира разрушено; начинается новая эпоха, сущностные поиски и обретения которой еще впереди...

1993 г.

И Г О Р Ь К Л Е Х

ВВЕДЕНИЕ В ГАЛИЦИЙСКИЙ КОНТЕКСТ

Географический центр Европы – место, где сходятся синусы и косинусы сил, где дремлют таблички корней и бдят пограничники пяти государств, где границы отвердевают, а люди размягчаются и отрываются от собственных судеб, где все контуры дwoятся и накладываются один на другой, как пакет слайдов, где сквозят и просвечивают друг через друга, друг друга засвечивают эпохи и этносы – дряблая сердцевина европейского дерева, как всякая сердцевина, годящаяся только на карандаши и спички.

То край, над которым висит отточенным бритвенным полумесяцем – анемичным светом заливая народы (от Мюнхена и до Диканьки), – злоеший знак Захер-Мазоха. То край, чья судьба кажется мельче его собственной тоски.

Отсюда лежит путь в «регионы великой ереси», где размещаются события, не уместившиеся во времени, – в слепые закоулки времени, тупики его и отростки, путь в «Другую осень», проложенный некогда учителем рисования Дрогобычской польской гимназии Бруно Шульцем.

Где-то здесь застрял он в годовых кольцах Европы, в тех отвердевших, продолжающих движение кругах, где, как игла с межвоенной пластинки, съезжал он вместе со всеми – человек с лицом, похожим на тувальку, – странный писатель Бруно Шульц.

Можно было бы сразу сказать, что как писатель он – третье недостающее звено, связующее Кафку с Бабелем, но больше всего в этом было бы неправды для всех троих. Гораздо уместнее было

Родился в 1952 г. Прозаик, эссеист, публицист, переводчик, витражист. Ныне живёт и работает в Москве. Один из наиболее заметных представителей Львовского и Ивано-Франковского андерграунда 70–80-х годов. Автор ряда эссе, статей, рассказов, литературных портретов, повестей «Хутор во Вселенной» (1993), «Зимания. Герма» (1994), напечатанных в журнале «Новый мир», «Крокодилы не видят снов» (1997), «Смерть лесничего» (1999) в журнале «Октябрь», романа «Поминки по Каллимаху» (1994), впервые опубликованного в журнале «Четвер». В московских издательствах вышли его книги «Инцидент с классиком» (1998) и «Книга с множеством окон и дверей» (2002), «Охота на фазана» (2002). Эссеистика Клеха широко известна в России, Украине, Польше и Германии. Лауреат премии им. Ю. Казакова за лучший рассказ 2000 года, стипендий и грантов европейских культурологических фондов. Член российского ПЕН-клуба. В 2001–2002 гг. был редактором серий «Проза» и «Поэзия» в издательстве «МК-периодика». Произведения неоднократно переводились на европейские языки, в США готовится к выходу книга избранных прозы и эссеистики.

Произведения размещены, в частности, на сайтах www.liter.net, www.russ.ru, www.guelman.ru. Переводы, выполненные Клехом с польского и украинского, отличаются высокой языковой культурой и тонкой нюансировкой. Оригинальные произведения по стилю близки интеллектуальной прозе Центральной Европы конца прошлого столетия, эссеистика отмечена образным разнообразием и острой культурологической полемичностью.

бы поставить его в ряд двух других приоритетных писателей его времени, его близких друзей и таких же, как он, неудачников (один повесился, другой – эмигрант) – Виткацы и Гомбровича, – но беда в том, что их имена почти ничего не говорят читателям в СССР (и почти исключительно в СССР).

Специфическим для всех троих было запоздалое сецессионерство, парадоксальным образом давшее неожиданные плоды, насытившее творчество каждого из них – хоть в разной мере – духом метафизической пародии и сделавшее их всех художественными радикалами.

Все они, смутно и беспокойно, чувствовали то, чего не чувствовал никто кругом, – банкротство реальности, тот иррациональный фатум, что увлекал все более недееспособную Европу от мировой войны к чему-то уже просто нечеловеческому, притягивающему настоящее, как магнит, – и они пытались исследовать, каждый по-своему, этот оползень, этот паралич воли, войти в самое сердце мазохизма.

Единственное, что они знали: что уже поздно. Но до какого-то предела человек живет в любых условиях. Пределом этим является, вообще-то, вполне конкретный минимум свободы. Это к слову.

По ряду внешних капитулянтских примет жизненная ситуация Шульца во многом схожа с ситуацией Кафки (вплоть до повторяющейся раз за разом патовой ситуации в matrimониальной области, задокументированной в длительной и мучительной переписке). Шульц, кстати, первый переводчик «Процесса» в Польше (как выяснилось позднее – литературный редактор). После разорения и смерти отца и ряда внутрисемейных драм фактически на содержании Шульца остались мать, двое сестер, племянник, – что намертво привязывало его к работе в школе, все более ненавистной в силу шаткости его положения (из-за недополученного во Львове и Вене профессионального образования) и прогрессирующего заболевания литературой.

Усугублялось все это вынужденностью жизни в провинции, в низкотемпературной среде, в культурной изоляции. Провинциальный город, собственно, – редукция города как такового. Такие города – прекрасный объект для описания, но не для жизни. В них можно только родиться и умирать.

Начинал он как рисовальщик и даже добился некоторой известности (знаменитая впоследствии фототипированная «Ксенга балвохваляча» – «Идолопоклонская книга»), известности, которая через несколько десятилетий все же не стала бы европейской, если бы не его занятия литературой.

Что-то самое важное не помещалось у него в эти графические картинки. Ведя обширную и напряженную переписку, он в начале 30-х годов наконец нащупывает тот особый поворот письма, который позволит ему извлечь свою тему из нищеты окружающей материи, из дешевизны ее переработанных, пышных, но онтологически необеспеченных форм, из неартикулированной каши во рту, разрастающейся стилистическими папилломами, – извлечь и стянуть подобием дамского корсета – не столько что-то построить, сколько пошить, перелицевать из обветшавшего «гардероба» сецессии, круга идей fin de siècle. В середине 30-х две книжечки прозы, выпущенные им, «Лавки пряностей» («Sklepy sypaonowe») и «Санаторий для усонших» («Sanatorium pod klepsidra»), стали художественным скандалом, т.е. успехом, и принесли ему массу действительных друзей (как он замечал в письмах, «несправедливо»).

Вначале никто ничего не понял. Без сомнения, это была магическая литература, осмысленно магическая, принесшая в польскую литературу метафору нового времени – метафору, неслыханно ее раскрепостившую, но и повязавшую новой конвенцией, потому что магия – это плен.

Сам Шульц, как кажется, не вполне понимал значение им сделанного, страшно скрупулезно и... близоруко оценивая новизну своего письма. Без сомнения, культурная изоляция, психология задворок определили некоторую диффузность его художественного самосознания.

Так, он преклонялся перед Т. Манном (как другие, впрочем, перед Горьким и Ролланом), дорожил перепиской с ним, Томасом Манном, при мысли о котором почему-то приходит на ум поздний, очень поздний Гете в «Разговорах...» Эккермана – Гете, мечтавший дожить до завершения строительства Суэцкого и Панамского каналов. Ему почему-то казалось, что мир сильно переменится в результате этих земляных работ.

Шульцу писалось трудно. Он получил литературную премию за первую книгу, взял длительный отпуск, поехал в Париж, попал на мертвый сезон летних каникул. Европе он был не очень нужен. Он, впрочем, был уверен, что так и будет.

Незадолго до войны он приступает к третьей, давно вынашиваемой, не дающей ему покоя и не дающейся ему книге – «Мессия», в пределах тяготеющей стать романом. В войну рукопись пропала, как почти все его рукописи, большая часть рисунков, писем (уцелевшие читать... как-то не по себе – большая часть корреспондентов и упоминаемых в письмах лиц погибла также). Похоже, что вектор – конца времен – он угадал, но не угадал качества грядущего апокалипсиса –

с маленькой буквы, потому что лишнего своего главного действующего лица, на которого давно (переведя его имя на пряжки ремней) перестали уповать люди его времени, – Бога.

В 39-м наступает раздел Польши по пакту Молотова-Риббентропа. В первые дни войны Виткацы надевает рюкзак и начинает двигаться на восток с волной беженцев. 18-го сентября он сойдет с идущего в никуда поезда и вскрыет вены в вольнском лесу. Он не захочет пережить все это, чтобы потом опять жить после войны.

За несколько недель до того Гомбрович садится туристом на трансатлантический лайнер и посреди океана узнает, что возвращаться ему, собственно, некуда.

Шульц честно пытался стать советским писателем.

Но львовские «Нове виднокренги» под редакцией Ванды Василевской возвращают ему рукопись рассказа под предлогом его низкого идейно-художественного уровня. В немецкую редакцию Иноиздата в Москве он посылает свой единственный немецкоязычный рассказ. К счастью, он пропадает без вести где-то в недрах редакции, иначе, не исключено, что бедному Бруно довелось бы еще отведать наших лагерей.

Он рисует новые языческие заставки в местную газету и, по заданию городских властей, самого большого «отца народов» в Дрогобыче – для демонстраций.

В 40-м году он переносит две операции на почках – чистейший психосоматоз. К оккупации Дрогобыча немцами он – совершенная руина, тень самого себя. Его берет под покровительство австрийский офицер, служащий в гестапо, – бывший столяр, выдающий себя за архитектора, – для которого он, за хлеб и объедки, расписывает виллу в сецессионном духе.

Застрелен он был на тротуаре в ходе увлекательнейшей из охот – охоты на людей – другим гестаповцем*, отомстившим его покровителю по принципу: «ты убил моего еврея, я убью твоего еврея». Есть свидетельства, что искал он его специально. На улицу Шульц вышел сам.

Случилось это 19 ноября 1942 года. Шульцу в этом году исполнилось 50 лет. Несколько блицев не дают покоя, несколько воображаемых фотографий из его жизни, которыми хочется закончить...

Вот он стоит в Дрогобыче в своей комнате перед зеркалом платяного шкафа, пошедшим золотистыми кавернами, – в дамской одежде, в шелковых чулках, одной рукой приподняв подол, с женской туфелькой, прижатой к груди, – ранив нечистым каблучком кожу, с восторженно кричащим пахом, готовый властвовать в своем призрачном мире.

* от которого история благоволила сохранить фамилию – Гюнтер, в чем видится некий действовавший до последнего времени закон – убийцы писателей и, шире, людей должны называться; так было принято всегда – чтобы смочь поразить человека, убийце следует предъявить имя: я не оборотень, я одной с тобой крови. Хотя новейшее время научилось и убийство лишать его персональной значимости, сделав его безукоризненно анонимным. Имя убийцы – это последнее, что связывает смерть Шульца с миром культуры, со смертями того давно прошедшего и надежного, как выяснилось, века, в котором он еще успел родиться.

40-й год, вот он на каменном полу гимназии рисует Большого Сталина, такого, чтоб закрыл окна двух этажей жилого дома на площади; переползает муравей человечества, катается по полу – пигмей со связанными за спиной локтями мыслящим планктоном колыхнется на волнах отливов и приливов империй, – углем мажет китовые усы Отца Народов. Уборщица, оставив ведра со щелочью, опершись на швабру, глядит, будто кусок сырого мяса, на вершающийся на ее глазах творческий акт.

Вот с большими чемоданами он садится на пароход, который отвезет его в Париж, – целый месяц в Париже! Скрипит трап. Запах моря, гальюнов, дезинфекции. Низко несутся облака. Начинает накрапывать дождь. Господи, как непредсказуема жизнь! Какие дивные повороты припасены у нее для тебя – Бруно Шульц! Лично в руки. Распишитесь. Мекка и Вавилон: волшебная заоблачная башня возгонки всех провинций, всех искусств! – не найдется в ней места для тебя, неужели за месяц, за целый месяц не разоблачит она перед тобой свои тайны? Не пробьет всего тебя своим нервом, словно электрическую косточку в локте, – крутанет, крикнет: «На! Води!»

38-й год. Ледяной ветер стонет пассажиров с палубы. В каютах качает. Принц Гамлет едет морем в Англию, чтоб ему там отрубили голову.

...В Париж он поехал поездом – чтоб не ехать через Германию – через Италию, задержавшись на два дня в Венеции.

Вот в оккупированном Дрогобыче евреи торгуют белыми повязками с шестиконечным тавром. Обшитые целлулоидом стоят дороже – в них больше амулетной силы, они отводят пули и защищают от газовых камер, – в которые и так никто не верит. Так садовник метит известкой стволы деревьев в обреченном на порубку саду.

Бруно Шульц, привитый на меже культур, в области пограничья, где развиваются трансмутации исходного вещества, нигде более не встречающиеся, – звено между Кафкой и Бабелем, между Бабкой и Кафелем, Шуно Брульц вообще отныне перестает что бы то ни было понимать. Но уже скоро ему все объяснят.

Улицы наполнились агатовыми насекомыми, с навощенными отставленными задами – яйцекладами неиссякающих, острых, как укусы, смертей в кобурах. Вот забегали они по дворам и парадным, выволакивая на тротуары добычу, слабо сопротивляющуюся только в силу собственного веса, жаля и парализуя ее своей слюной, – слепоглухонемая и деятельная сила, собирающая корм для своих куколок и маток, для родильных заводов рейха, – набивая податливыми на ощупь, как гусеницы, и хрупкими, как тли, организмами железнодорожные составы, чтобы отправить их в глубь муравейника свастик.

Сделав дело, они курили, удовлетворенно ощупывая усиками твердые головы друг друга, хитиновые козырьки. Солдаты – в касках.

ПРЕВРАЩЕНИЕ состоялось. Но не совсем так, не совсем в том направлении, как мнилось и предчувствовалось его угадавшим. Грубо говоря, превратился на этот раз не Шульц, а мир.

Но им обоим пришлось заплатить за это сполна.

АКСИНИН* КАК КУЛЬТУРНЫЙ ВРАГ

Несомненный и окончательный способ похоронить художника – это говорить о нем только хорошее.

Нет жанра подлее предисловия. Хуже только каталоги, задуманные как маленькие типовые мавзолеи.

«Если хотите жить – давайте враждовать» – так следует поставить проблему, отдавая себе отчет в исключительной мере ответственности за сказанное.

Когда читаешь Платонова – Набокова нет и не может быть, он не существует, для него просто нет места, иначе Платонов лжет, – и наоборот.

Но, к счастью, вражда в культуре и вражда в жизни – абсолютно разные вещи, субстанционально разные.

Мир культуры состоит как бы из более тонких атомов, в нем нет абсолютных смертей и окончательных потерь, – но, напротив, какое-то мутное приближение к жизни вечной, к замыслу природы, – вечный уход и вечное возвращение, выход на стремнину, уход под воду и опять выныривание в труднопредсказуемом месте в труднопредсказуемый момент. И самое потрясающее, что происходит это не с биомассой по законам среднеарифметическим, а в формах персональных и по законам загадочным, которые не укладываются в наши однокомнатные души и умы. Законы – нет, а люди – да. И я сам знаю нескольких читателей-многоборцев, которые любят Набокова и Платонова одновременно, равносильно и *верно*. Любить всех – есть блуд, подсказка отъявленного рационалиста Сатаны, любить каждого... своими силами для человека непосильно. Действие культуры, живой ее части, разворачивается где-то посередине, но всегда чуть вверху и впереди, в некоторой области парадоксальной во всех отношениях. И хватает об этом.

Провинция в силу бедности привыкла смазывать разнокачественность величин. Люди в ней живут как бы не всерьез, не принципиально.

Поэтому и занимает меня Аксинин как Культурный Враг.

В том, что это достаточно крупный и последовательный художник, не сомневается никто, но речь пойдет о соблазне его творчества, о некоторых его духовно опасных чертах. И, к сожалению, возможность такого подхода санкционировал он сам, поверив в явленность смыслов, возжаждав быть не столько художником, сколько послушником и учителем, аналитиком и прорицателем, возжаждав точно знать и владеть такими вещами, которых точно знать и овладеть которыми нельзя, и не обращение, а общение с которыми требует исключительной искренности, чуткости и такта.

Надо сказать, что это была общая болезнь 70-х, высшая нота, взятая и «официальной», и «неофициальной» культурой тех лет. То были поиски смысла преисподней, онтологической обеспеченности пребывания в историческом обвале. Ключевое слово той эпохи – «вечность».

Или так еще: Человек в поисках смысла.

В Москве стали догадываться, что это не «высокая» болезнь, еще в конце 70-х, но, боже, каким позорным финалом, какой дешевой распродажей Логоса разрешилось это заболевание еще через 10 лет, т. е. уже в следующую эпоху.

Гессе, Булгаков, Тарковские – какой великолепный шифр, пароль, – и какой эзотерический разврат развился на этой почве, какое рукоделие и эклектика, какие гляделки до обморока – как субститут созерцания; какое невиданное словоблудие. Вот один из истоков немоты, поразившей вскоре – на фоне разнообразнейшего треска пустоты – русскую культуру.

Аксинин, в чьей фамилии щиплет язык отдаленный аскорбиновый привкус безотцовщины, поднял имя Александр (а все, кто читал Павла Флоренского, знают, к чему оно обязывает) и, соорудив из двух А песочные часы отмеренного себе времени, поехал в Москву, чтобы видеть Шварцмана, и в тогдашнюю графическую столицу – Таллин, чтобы разговаривать с Тынисом Винтом. Винт прохаживался по своей черно-белой квартире под взошедшим на стене знаком для медитаций – как семиотический повар из чаньской легенды – и ребром ладони намечал: низ-верх, инь-ян, жена-муж, симметрия-асимметрия, – после чего с криком «Х-хак!» наносил один удар, и анализируемый объект распадался на части, готовые к употреблению.

В каждой эпохе есть своя красота.

От Свифта, Кафки, Кэролла к расшифровке книги № 1 той эпохи – «И Цзин» – такова логика анализа Аксинина. Линия аналитична. Тот же проводник: есть ток, нету тока. Аксинин как художник замкнутых фигур все прогрессировал, работы его становились все лаконичнее, точнее, сильнее; штриховка все гуще.

Мир расплодился, он же скреплял его своими офортами.

Так, сидя в закутке, в бабушкиной кофте, штопают чулок на лампочке.

Он много работал.

А если вам снится сон о работе – надо продолжать это дело. Это значит, что пробуждение близко.

Пока не был послан ему будильник такой страшной силы, что проспать он уже не мог.

* Аксинин – львовский художник, погибший в авиакатастрофе.

КОСТЁЛ НА ПРИВОКЗАЛЬНОЙ ГАЛИЦИЙСКИЙ МОТИВ

Он родился в начале века под пронзительные свистки паровозов, под лязг первого поколения трамваев – франтоватых вагончиков, огибающих его детское место, – плац на пересечении улиц Городецкой и Новый Свет. Возвышенное место выбрано было опытными акушерами в сутанах, сообразуясь с рекомендациями корифеев генеалогической науки – как то бывает при заключении династических, а равно скандальных морганатических браков, – с обязательными поездками в Рим и Вену на консультации. Неоготический щеголь должен был вознести свои шпили на одиннадцать метров выше доящих небо куполов святого Юра, уже несколько веков мозолящих униженное, но надменное польское око, – чтоб уколоть позабывшего между окрестных народов Польшу Бога.

В отпаренных накрахмаленных салфетках, среди сгустков плаценты, гашеной извести, вымороженной глины издал новорожденный свой первый крик и стремительно пошел в рост. Стропила и стены поднимались со скоростью бамбука, и вместе с ними возрастал юноша редкой породы и красоты – надежда короны, наследник вертикально восстановленной к небу католической мысли. Пульсирующее сердце алтаря, продувные легкие органа, бронхи и ярусы хоров, окна, распахнутые во всю стену, подготовленные для передачи небесных видений, кафедра, вознесенная, будто бочка на мачте каравеллы, альковы исповедален – подобно внутренним органам отпочковывались они и развивались в его теле и, едва только стрельчатая крыша сомкнулась над его могучими дышащими готическими ребрами, немедля приступили к служению христианскому Богу, к возгонке молитв прихожан, к перекачке алой христианской крови.

Но был какой-то изъян с самого начала, какое-то роковое следствие несчетного числа перекрестных браков, то ли выпадение хромосомы, не открытой еще несуществующей наукой, то ли нечто еще более нелепое и недоказуемое, будто вставание с левой ноги, из века в век посрамляющее расчеты умудренных и знающих. Сама царственная гемофилия не была ли – в этом свете – всего лишь безнадежной попыткой локализации незаживающего кровотечения в человечестве? Костел назвали женским именем в честь императрицы, заколотой швейцарским анархистом на водах. Может, с именем соскользнула и проникла в его кровь капля яда с убийственного стилета?

Он был божественно сложен, благородством осанки и статью во всем напоминая тех первых паладинов, воителей за гроб Господень, он был как архангел во гневе, нематериальным мечом в руках поражающий вечного Врага – если кто это видел. Но год шел за день, и, пока строился костел, незаметно пролетела тысяча почти лет – и уже ползал по полям *танк*, а из окопов бил, как молился, *пулемет*, и выписывал над землей адресованные небу мертвые петли *аэроплан*. Из кадила же на прихожан тянуло почему-то ипритом.

Европа в очередной раз меняла очертания. Мёртвые оказались отпеты и замолены, а затем зарыты и забыты. План, включавший в себя на начальном этапе возведение

костела, неисповедимыми путями исполнился. Силуэт города с появлением нового акцента изменился. Новый Свет звался теперь Сапеги. А Новым Светом назван был переулочек поблизости. Позднее его переименуют еще дважды. При Советах он будет зваться Демократическим.

Костел на Привокзальной возмужал и находился теперь в расцвете своих молодых сил – в помолодевшей стране. Только не было уже мастеров, восхищаемых на небесах, чтоб изложить свои цветные видения в гектарах его витражей. Да на уступах крыши вместо вырезанных из камня химер утвердились пустотелые жестяные пирамидки, облитые «под камень» недавно изобретенным бетоном. Но на это мало уже кто обращал внимание.

Город рос, и костел трудился вместе с ним в поте лица, засучив рукава, – крестил и причащал, исповедовал, венчал и отпевал, и славил имя Бога – постоянно находясь на связи, антеннками крестов ловя шорохи в эфире, в раструбы спиелей, уловляя и усиливая их, ретранслируя шепот молитв, гул литургии, срывающийся одинокий голос человека – весь одно большое внутреннее ухо, одна диафрагма, прогибающаяся от дыхания на выдохе и вдохе, – не разобрать, с той ли, с этой стороны?..

Но не было, однако, кого-то, кто слушал бы землю. И едва выросли крещенные костелом дети, чтоб быть слизанными тут же валом еще одной сокрушительной войны – из которой сам он, не будучи на нее призванным, выйдет инвалидом.

Пришли однажды со свастикой, и, когда на семнадцатый день войны гарнизон под белыми орлами вышел к ним сдать, ушли, чтоб впустить армию красных – брататься. Два года спустя вернулись опять и бомбили уже зачем-то город, оставив его в глубоком тылу еще на три года. По отходящим частям Красной Армии, по железнодорожным путям и теплушкам бил пулемет, кем-то втащенный на один из спиелей костела. Красные отвечали. Новые господа без разговоров переименовали бывший Новый Свет, бывшую Сапеги, бывшую – недолго – Сталина на свой манер: в Фюрстенштрассе. А может, в Фюрерштрассе. Но русские выбили их через три года и переименовали ее назад в Сталина. Костел тогда закрыли, поскольку они говорили, что Бога нет. И пытались это доказать на деле. Будь костел поменьше, его, наверное, развалили бы, как поступали с его сородичами, если была на то охота и доходили руки: танк отворачивал башню, как кепку козырьком назад, и бросался несколько дней кряду грудью на каленый сверхпрочный кирпич, секрет которого оказался в совсем скором времени утрачен. Танк отпрыгивал от стенки, как орех. У танкистов крепко при этом болели головы. Несмотря даже на шлемы. Может, это их останавливало.

Костел пустовал, как умалишенное, покинутое мыслью, тело дауна, контужено улыбаясь голубям, детям, пьяницам, зияя разбитыми окнами, дырявой кровлей, пробоинами в шпилях и башнях, обнажающих его внутреннее устройство – конструкцию балок и перекрытий, фрагментов лестниц с отсутствующими позвонками, никуда теперь не ведущих. Тело его, продутое сквозняками, хрипело и посвистывало, будто циклопическая глиняная свистулька, уцелевшая зачем-то от позапрошлых эпох, назначение которой неясно. Под стенами внутри костела до

поздней весны залеживался прошлогодний снег, солнце не доставало туда, исповедальни оказались разломаны, деревянные ажурные решетки их вырваны с мясом, на каменном узорчатом полу валялись какие-то фрагменты детских тел с отбитыми носами и крыльями. На хорах свалены были в кучу и смяты, будто окурки, свинцовые органные трубы – ангельский окоп, разутюженный вражеским танком.

Коней не держали.

Позднее держали цемент. Костел превратили в склад. Высохшие польки в приспущенных чулках молились, стоя на коленях на широких ступенях главного входа, за закрытыми дверями которого навалены были кучами цемент и мел, стояли в этих штучных дюнах бочки в потеках олифы, гулял ветер. Железная оковка дверей утыкана была сплошь полусохшими копеечными букетиками цветов, среди которых выделялось всегда несколько свежих. Как вставший вертикально луг. В ожидании снега.

Рядом с молящейся старухой стояла обязательно кирзовая сумка с бутылкой молока и буханкой хлеба. Немного хлебных крошек из сумки перепало затем голубям в сквере, обжившим порожнее тело костела, – единственным еще, кто противостоял его распаду, залечивая раны его и трещины корпуса наростами окаменевшего гуано, населяя глухоту костела столь уместным здесь шелестением крыльев, приглушенными птичьими голосами.

За голубями охотились лихие кровельщики, варящие себе на обед дармовой птичий бульон. Крыли они в других местах города. Здесь же, стуча молотками, клепали водостоки, греясь у грубых самодельных козлов, обмотанных электрической спиралью, посылая гонцов за водкой. Водочный магазин был напротив. И на всегдашнюю очередь в него и на людную трамвайную остановку перед ним глядел из-под прикрытых век Распятый, пригвожденный высоко на фасаде над складчатой готической розой, – как бы окаменевший. Напоминали ли они ему, уменьшенные высотой, что-либо – с их вечной поклажей сумок, куколок, колясок, – короткими перебежками снующие от прибывающих трамваев к дверям магазинов и уличным лоткам и обратно? Возможно, как и костел, крепко спаянный с его судьбой, он пребывал в глубоком анабиозе, вонейроидном помрачении, перемежаемом раза два в году краткими минутами светлой деменции.

Время заливало память. Городецкая, самая длинная в городе, давно уже стала – и, похоже, навсегда – 1-го Мая, Сталина же вдруг обернулась Мира. Но не для костела. Именно тогда поруганное его полумертвое тело затеяли еще и оскотить. С трудом припоминалось ему, как ночью, словно тать, по телу его полз крестоломец в такелажной оснастке. Оседлав самый высокий из его шпилей, он поднял на веревке пилу и принялся пилить. Почти в космосе, в непосредственной близости звезд, высоко вознесенный своей профессией над спящим городом, над Привокзальной площадью, над оставшейся далеко внизу наполовину залитой лунным светом крышей костела, прильнув всем телом к холодному металлу креста, слившись с ним в едином этом деле, что думал и чувствовал сей – уместившийся этой почью на кончике иглы?

Работа оказалась не из легких. К рассвету удалось продвинуться едва на половину. Пошли трамваи. С вокзала потянулась несметная, прибывающая в город из сел на дизелях и электричках чернорабочая сила. К восьми утра площадь оказалась запружена толпой людей, матерящихся и посылающих проклятия нечестивцу, просто зевая, молящихся старух, детей. Гипноз толпы неожиданно превзошел критическую массу. Громадный крест надломился и увлек за собой обхватившего его своим последним – лягушачьим, оцепенелым – любовным объятием крестоломца.

Обесчещенный, кастрированный костел решили оставить на время в покое. Покоя, однако, не предвиделось.

При следующем правлении особо ценились стабильность и благонамеренность. Именно в это правление на улицах запретили пить. Костел же прямо на въезде в город, на первом повороте трамвая – торчащий парадонтозный клык римской церкви, «згвалтованный, сплюснутый и сплюснутый»* – это знали все, – по-прежнему хранящий все же в пропорциях благородство и величие своего замысла, некогда польский щеголь, позднее четырежды шпион – он был *подступен, благонадежен* и омерзительно ненаучен, будто замок привидений, вопиющ, как бомж на паркетах обкомовской приемной.

Еще это правление помешалось на расчистке великанских площадей под свою пораженную манией грандиозности и косоглазием наглядную агитацию – чтоб из космоса видны были преимущества строя и чтоб наука сделалась такая, чтоб возможным стало солнечных зайчиков запускать на Луну и другие небесные тела.

Городской властью выношены тогда были два проекта: развалить костел на куски и вывезти за город, либо – отреставрировать и и е р е -профилировать. Первое, как подсчитали, стоило два млн., второе, предположительно, – четыре. По счастью, денег у города не оказалось совсем.

Тогда объявили город родиной АСУ (одно из тогдашних имен папацен) и, спилив кресты на другом костеле, много меньше, устроили в нем Дом Качества. На фасаде прибили магическую пентаграмму качества – костел находился, кстати, на горке, – а внутрь положили макет философского камня. Подвалы же, выкинув гробы, под самые своды забили бутылками с опытными образцами воды жизни двойной перегонки. Музыку подобрали такую, чтоб хотелось жить, и крутили круглосуточно.

Затея понравилась.

То было время качественных иллюзий – время ответработников. Улицы поливались. По поводу даже товарищеских матчей футбольной команды где-то заседало бюро. Писателей читали, как нигде и никогда, но пока не печатали. Лояльность поощрялась, от случая к случаю, батоном вареной колбасы. Даже когда приезжал последний из некогда грозной династии великих властителей – симпатичный розовый пухлячок со звездой на лбу, уже расплывавшейся, терявшей очертания, – силы правопорядка, стянутые со всей области, стояли через каждые двадцать шагов с палкой вареной колбасы под мышкой незанятой руки. Должно быть, тогда пришла кому-то

* Непереводаемая украинская идиома, означающая приблизительно: «изнасилованный, раскатанный асфальтовым катком, подвергшийся крайней степени надругательства».

в голову светлая мысль вооружать их впредь несъедобными палками. Фамилии п е р в ы х на местах менялись по законам школьной драмы XVIII века: Купевоп, Добрик, Погребняк, Секретарюк. Если второй был доподлинным князем – еженедельно доставлялась для его домашнего бассейна цистерна морской воды (врут, наверное, люди: по железной дороге, цистерна? Разве что автомобильная?), – а третий порвал, примеряя его, человеческое лицо, – то последний, следуя динамике процесса, объявил себя на нелегальном положении и растворился без следа, как рафинад. Но это случилось много позже.

Пока же вопрос с костелом по-прежнему настоятельно требовал своего решения. Началась где-то небольшая война, и, чтоб отвлечь от нее внимание, все силы брошены были на подготовку Олимпиады спорта. Из всех столиц вывезли всех блядей в неизвестном направлении и завезли туда новых.

В Кисеве из костела на улице Красноармейской – свояка того, что на Привокзальной – решили устроить для спортсменов органный зал и нарыли кругом огромных ям. Костел же на Привокзальной во Львове обнесли забором, а забор, выйдя на субботник, покрасили – чтоб объяснять отныне проезжающим путешественникам, что реставрация уже идет. Пьянь Привокзальной площади обрадовалась и вся перебралась пить за забор. Из пустых ящиков соорудили мебель. Тогда на ворота навесили замок и всех обязали. Но вскоре начались перебои с алкоголем, и эта часть проблемы решилась сама собой – пили по домам.

Не дождавшемуся вознесения Распятому все обрыдло до невозможности, и у него отвалились каменные ноги – будто третья ступень, – но на этот раз никого не убили. Факт этот остался почти незамеченным, пройдя мимо сознания населения – дешифровальщиков для него не нашлось, – поскольку все уже поехало, поплыло, затряслось.

Бабка с ребенком, переходя в этом месте улицу перед костелом, оступилась в открытый канализационный люк и, на лету меняя годы на метры, маленькой девочкой плюхнулась в канал и оказалась вынесена стремительным потоком – сеялся мелкий дождичек – в коллектор под соседней базарной площадью, где обсушилась и откуда пять часов спустя была извлечена живой, невредимой и вновь состарившейся.

Имена улиц продолжали тем временем обманно мерцать, подобно магическим надписям на саблях, подаренных джинном.

Городецкой вернули, чуть исказив, ее название, улица же Мира – Новый Свет – Сапеги, см. выше, – стала теперь зваться Степана Бандеры. Конверты заиграли новыми красками «Санкт-Петербург – Ст. Бандеры – до востребования». Ржавчина лоскутов уступила место расцветке вареного вкрутую яйца из стационарного буфета. Забор около костела – растащили. Склад спустили вниз по Городецкой. Выселили также из подвалов вдруг обнаружившееся захоронение детских санок – по всему видать, стратегический запас.

Костел очнулся впервые, когда свалившийся на него невесть откуда альпинистский кооператив бойко залатал его крышу.

Окна застеклили уже униаты, которым отдали костел под церковь. Он встрепенулся еще, будто внезапно разбуженный, что-то припоминая, узнавая и не признавая свой символ веры на каком-то искаженном, не вполне понятном наречии. Теплая смута воспоминаний нахлынула на него, омывая его скальпированную голову. Как сладок был этот похожий на пробуждение предсмертный сон – неужели смерть пришла наконец по его кирпичи, рассчитанные не на одну жизнь не одной империи?

И еще какой-то бред: о понимании Бога в метрах, что-то тревожащее об иглоукальвании, от которого отвращается с содроганием естество грека, и о простой луковице, доводящей его до слез, – о лакримоза! будем эти шпиги удалять; и слово «проэкт», выложенное цветным кафелем на дне купальни, где на воде лицом вниз колышется тело немолодой женщины в белых одеждах, с кровоточащей ранкой в боку, – и баден-баден, бу-бу-бу, гонор эт gloria sole Deo, бу-бу-бу: в больном, заизвесткованном, пораженном наследственной болезнью черепе.

Есть во Львове уютно поставленный дом, на полу подъезда которого выбита дата постройки (и который явно строился для себя): «1938». В тихом переулке.

Кто – на каком языке – выговорит тоску зданий? Конечно, дома долговечнее, но вряд ли они счастливее людей.

P.S. Сегодня спросили, как пройти на улицу Линкольна. Я не знаю.

ГДЕ ШПИОН?

В первых классах родители, кто мог и хотел, платили по десятке в месяц за обучение своих детей дополнительно английскому языку. То есть человек десять из класса имело на несколько уроков в неделю больше, а когда через несколько лет школу сделали английской спецшколой, эта группа стала первым ее выпуском. Остальная часть класса английский язык в гробу видела. Но и наш пионерский выпуск вышел натуральный блин комом. Во-первых, учителя английского менялись чуть не каждую четверть, мы уже даже не старались запоминать их по имени-отчеству. Во-вторых, постоянно менялись программы и методички: новые на новейшие, а те на сверхновые, отчего каша в наших головах была страшнейшая. Не доучив времена глаголов, мы принимались за изучение истории советского периода на английском языке, кто-то загонял нас в лингафонные кабинеты, кто-то делал упор на знании британских реалий, географии и быта и крутил без конца в затемненных кабинетах ленд-лизские документальные фильмы с человечками в котелках и опасно накреняющимися двухэтажными автобусами, а оценки ставил за знание топографии Лондона, еще кто-то читал с нами рассказы уже Джека Лондона и заставлял наизусть зубрить стихи Бернса. Кто-то приходил от всего этого в ужас и принимался ставить нам произношение, но исчезал скорее, чем успевали *увянуть цветы на наших шляпах*. Не говоря о том, что сначала нас научили писать по-английски, чтобы после начать учить говорить. Конечно, мы заговорили, но англичанам крайне повезло, что их не пускали в наш город, иначе бы они этого не вынесли.

Вообще, в этом предприятии слишком много было от искусства для искусства. А преподаватели английского, мечтавшие когда-нибудь повстречать живого англичанина, чтоб отточить на нем свой язык до сабельного блеска, являли собой интересный породу людей. Порода эта была неоднородна, но более всего ее украшали энтузиасты – в особенности, вдохновенные англomanки. Боже, как горячо они любили старую добрую Англию, любой британец, то есть простой «носитель языка», казался им небожителем! Подобно фанаткам или фетишисткам они собирали любые вещички, доказывающие существование большого острова севернее Ла-Манша, который они требовали называть Английским Каналом, – ими отлавливалось все, что издавалось или имело хотя бы самое косвенное отношение к предмету их обожания. Они боготворили английскую королеву, мечтали хоть разок окунуться в лондонский туман или даже смог, пройтись по Вестминстерскому аббатству, знакомому им назубок, они, не признаваясь нам, слушали музыку «битлов», а по ночам – о ужас! – радио Би-би-си. Но их не интересовало содержание передач, они млели от произношения английских дикторов, как кто-то от голоса Синатры или Армстронга. Ни одна из них не смогла бы отказать мужчине с таким произношением. Ситуация, конечно, воображаемая, но этому гипотетическому диктору пришлось бы без умолку болтать и в постели, иначе он бы немедленно оказался изгнан из нее. Ведь они были идеалистками. Десять лет всего как перестали сажать, и на тебе – какое развели низкопоклонство!

* Главы из повести «Светопреставление»

Но мы-то, дети, продолжали читать Гайдара и всякие «Кортики», «Бронзовые птицы», «Старые крепости», а в школе нам без конца ставили в пример пионеров-героев и молодогвардейцев и рассказывали, какие пытки врага сумели они вынести и не выдать своих. Я, как увидел посеребренные ногти новенькой молодой «англичанки», заточенные, как нож, и выступавшие из пальцев еще на длину фаланги, – зачем такие?? – так сразу понял, что она английская шпионка. А уж когда увидел, что она прячет под классным журналом географическую карту с иностранными надписями – а уголок-то торчит! – сомнений не осталось совсем. Но какова наглость: вот так вот заявиться в советскую школу! И что она хочет разведать? Ручка тоже у нее иностранная, сама улыбается все время, но первничает – ногу на ногу закинула и острым носком туфельки вверх-вниз, вправо-влево. Я поделился своими наблюдениями еще с двумя одноклассниками, и мы решили проследить за ней после уроков.

Слежка была организована на славу – куда она, туда и мы. Она в магазин – мы под магазином, она обернется – мы в разные стороны. Явно хотела от нас оторваться, «хвост» потерять. Один раз ей это совсем удалось. Она во двор, а он оказался проходной – мы выбежали на другую улицу, а ее нет. Говорил же Генке, который хвастался, что у его отца-штабиста есть подробнейший план нашего города, – принеси, говорю, мы только посмотрим, чтоб все проходные дворы узнать, для преследования или чтоб самим скрыться. Он принес наконец, а на нем целые кварталы сплошным кубиком – какие там дворы?! А еще чердаки, люки на крышу, подвалы с несколькими выходами, э-э!

Стали мы забегать в каждый двор на той улице и так обнаруживали в одном из них свою «англичанку»: стоит посреди двора в обнимку с каким-то типом в плаще и целуется! Тьфу ты, гадость! Они, как увидели нас троих, плащи сразу запахнули, он ее под руку – и ну улететь. Хотя это никакое еще не доказательство, что она не шпионка. Но мы не смогли ее выследить.

Вскоре она ушла от нас преподавать в пединститут и ходила все время по городу с другой пединститутской преподавательницей, мужеподобной, в роговых очках и много старше ее, которая соблазняла ее своей библиотекой, насчитывавшей десять тысяч томов, из которых большая часть на английском языке, – это я уже случайно подслушал.

Иногда мне даже правилось думать, что мой отец шпион (а откуда он так много всего знает и все мои уловки видит насквозь, а проступки предвидит заранее? Может, он вообще не мой отец).

Только много позднее я понял, что шпион – и настоящий, только не английский – в нашем городе действительно был и находился как раз там, где я его искал. Но шпионом этим был я сам.

Литература – один из видов шпионажа в пользу неизвестного и, возможно, несуществующего государства, с очень сложной системой шифров, многие из которых неизвестны и самому пишущему. Поэтому только неискушенному читателю может показаться, что он читает сейчас повесть о школьном детстве. На самом деле здесь рассказывается нечто совсем другое.

ТЕОРЕМА О КЛАССАХ «А» И «Б»

В городе, считая с начальными и восьмилетними, насчитывалось около двадцати школ, но по-настоящему конкурировали между собой две средние – 1-я и 3-я. Самой большой, лидировавшей в хорошем и плохом, была 3-я, бывшая мужская гимназия, меня отдали в 1-ю, бывшую женскую. Поначалу в ней было всего два первых класса – «А» и «Б». В класс «А» учеников набирала заслуженная учительница республики, принадлежавшая к особой породе учителей – карьеристов наробраза, – что-то вроде племенного образца, выведенного для представительства и получения медалей и грамот на всяческих смотрах и выставках. Она и внешне походила на дойную симментальскую корову, научившуюся всю душу вкладывать в партийную демагогию и отзываться всем сердцем, высоким дрожащим голосом, на очередные лозунги текущих дней. Учеников своего класса она намеревалась учить тому же и, чтобы оставаться в *передовиках*, начинала с селекции – вероятно, по договоренности с директрисой (об этой позднее и особо).

Как-то так получилось, что в ее класс попали почти все оказавшиеся в наличии дети городского начальства разных звеньев, что сулило полезные связи и протекцию, а также все евреи из интеллигентных семей, что гарантировало хорошую успеваемость (только двоих – сына армейского старшины и сына приемщика утильсырья – она забраквала, и поэтому они попали в класс «Б»; но если первый перебивался с двойки на тройку, то второй оказался единственным в нашем классе отличником – чуть ее здесь подвело, и она не скрывала своей досады; в класс «А» этот второй, Миня Горский, окажется переведен позднее, уже без нее, но об этом также отдельный рассказ). Класс получился большой – больше сорока учеников.

Таким образом, учительнице класса «Б» достались объедки с барского стола – преимущественно дети производственников и рядовых служащих, рабочих, уборщиц, матерей-одиночек – от силы полдюжины «хорошистов», учившихся без двоек и с редкими тройками. Естественно, все второгодники, двоечники и прирожденные хулиганы стали достоянием класса «Б». Так было вначале.

Заслуженная учительница нещадно дрессировала свой класс и, надо сказать, преуспела в этом. До половины ее учеников училось на «отлично», двоечника не было ни одного (от нескольких нерадивых она все же избавилась, скинув их в класс «Б» или предложив родителям перевести в другую школу). Все на ее уроках тянули руку, позднее принимали участие в школьных олимпиадах, а после школы уж не помню сколько из них поступило с первого раза на инъязы и в технические вузы Москвы и Ленинграда (поступило бы больше, но нескольких завалили на вступительных экзаменах из-за пятой графы – началась массовая эмиграция в Израиль, времена менялись). Преподаватели математики, физики, истории, английского языка просто обожали этот класс, безуспешно ставя его всем нам в пример.

Первая учительница, привившая классу «А» соревновательный дух, заодно впрыснула в жилы отданных ей на воспитание детей немалую толику собственного лицемерия, замаскированного цинизма и органического двоемыслия. Получился прекрасно управляемый, очень разобщенный и в человеческом, душевном отношении

ущербный класс – для тех несчастных существ в нем, что вопреки целенаправленным и систематическим усилиям сохранили все же способность самостоятельно чувствовать и пытаться мыслить. Эти последние, может, не чувствовали бы себя обездоленными, если бы в старших классах не поколебалось соотношение между «А» и «Б». Первые восемь лет «Б» плелся в хвосте за «А», но затем развернулся и пошел куда-то вбок, да так быстро, что с парт класса «А» оставалось только наблюдать за этим и... завидовать в свободное от учебы время. Неожиданно он оказался не то чтобы «дружным классом» (как полагали в «А»), сколько живым. Класс «А» продолжал учиться – класс «Б» начинал жить. Трудно сказать, только ли в половом созревании дело – в стечении обстоятельств и паличии упрямства, в развитии характеров, как-то дополнявших друг друга, – или, может, в относительной одаренности трех-четырех человек и поисках выхода для накопившейся под прессом школы энергии? Уже невозможно сейчас установить. В начальных классах все писали диктанты и изложения, пришла пора сочинений.

Превозмогая скуку, рутину и зевоту, несколько человек в восьмом классе стали нести в сочинениях по литературе откровенную отсебятину. Учительницы изумились и вначале стали осторожно ставить оценки «хорошо» даже за откровенно безграмотные сочинения. Эти несколько, не получив отпора, вошли во вкус и принялись писать вообще не по теме (по причине малого знакомства с изучаемым произведением), стишками и прочее. Дальше – больше. Унылая стенгазета превратилась у них в анархистское дацзыбао, размашисто разрисованное цветными мелками, не уменявшееся на отведенном для этого стандартном стенде и крепившееся кнопками прямо на стену в классе. На каждый свежий выпуск беззаконного чудовища сбегались посмотреть учителя и ученики других классов. Когда в стенгазетах появились шаржи на учителей (оказалось, что двое в классе прилично рисуют, свободной рукой), те заволновались, но по какой-то странной причине продолжали терпеть. Те же несколько учеников обозвали себя *aurea mediocritas*, что по латыни означает «золотая середина» (так как не было среди них никого, учившегося без троек и двоек, – их успеваемость по всем предметам учитель английского языка почти исчерпывающе определил формулой «файв-ту-ту-ван»), затем нашли общий язык с двумя полупотличницами, пользовавшимися доверием учительской, и уговорили остальных написать письмо директрисе с просьбой послать весь класс «Б» поработать в колхоз в конце учебной четверти – и поразительно, но это сработало! Приближалось 50-летие советской власти, и школьная парторганизация искала способ выслужиться перед вышестоящими, проявив *инициативу снизу*. Опять же – трудовое воспитание.

Милиция по просьбе школы выделила в качестве шефской помощи два «воронка» – и оба восьмых класса, «Б» и «А», укатили на несколько дней золотой осени на природу, в колхоз имени писателя Василия Стефанюка (в повелле которого, включенной в школьную программу, голодный крестьянин наелся тараканов, попавших в жидкое хлебова, приняв их на радостях за фасоль, – электричества не было еще на селе, – а узнав правду, лег и отдал богу душу). В зарешеченном окошке воронка класса «Б», набитом учениками под завязку, полоскался на ветру самодельный

плакат «В труде рождается фигура!» – глядя на который и на совсем детские лица веселящихся до упаду пассажиров, крестились галицийские старухи, застывая на обочине дороги.

Классы разместили в колхозном детсаду, в первый же день произошла стычка с кем-то из местных, и к вечеру территорию детсада окружили сельские хлопцы, от мала до велика, и принялись кидаться камнями из-за всех заборов и с деревьев. Двое наших рисовальщиков и заводил еще днем ушли в поисках приключений в село и не вернулись к отбою. Дождавшись, пока погасят свет, и выбравшись через кухню наружу, мы с парой приятелей отправились на поиски, заподозрив, что их могли крепко избить.

Село было странным, расположенным на холмах и расползавшимся во все стороны, – по его крученым, размытым дождями улочкам между высокими плетнями молча бегали одни собаки. Это было родное село писателя Стефаника, и оно все еще жило, как в дурмане, воспоминаниями о съемках здесь в прошлом году фильма «Каменный крест» – по другой его новелле. Снявшегося в нем в эпизоде хлопчика Мисью, лихо подбиравшего носом мутные сопля, нам представили сразу по приезде как местную знаменитость.

В сгустившихся сумерках послышался шум и быстро приближающиеся неразборчивые голоса, мы все напряглись, тщетно высматривая в темноте палку или камень на всякий случай, по, к счастью, из-за поворота показались те, кого мы искали. Менее пьяный Сережка гнал более пьяного Ваську хворостиной, как телка, хотя тот походил скорее на подвинка. Пытаясь увернуться от хворостины, он разгонялся, его заносило, и он с хрюканьем врезался головой в очередной плетень.

– Гоняю его, чтобы протрезвел, – заплетаящимся языком объяснил похожий на завитого «битла» Серега. – Самое трудное – поднимать, помогите!

После нескольких таких подъемов, пробежек и падений мне пришла в голову другая мысль. Мы затащили Ваську в какой-то неогороженный двор и припились насильно поить водой из колодца, чтобы он, опившись, проблевался, подбадривая его к тому несильными ударами под дых. Куда там! Он выдул не менее половины ведра, после чего сжал побелевшие губы колечком («куриной попкой», говорили наши девчонки, – была у него такая важная манера), равно отказываясь больше пить и блевать. Более того, невзирая на тумачи, он принялся засыпать мертвецким сном. Что делать? На дворе ночь, сырость пробирает, нести его на руках – такого вымахавшего, широкого в кости дылду, – да и куда?! Пред очи учителей, завуча, школьного парторга? Это значило заложить друга, нас всех и весь класс. Ночевать с ним на улице? Я постучался в хату. Открыла босая старуха в драной вязаной кофте. К счастью, она жила одна, единственный ее сын жил с семьей на другом конце села. Она согласилась положить нашего Ваську переночевать на пристенной лавке. Мы успокоили ее, что ранним утром заберем товарища, после чего смогли наконец сами вернуться в детский сад, чтобы поспать пару часов.

Дверь кухни все еще оставалась открытой, кому-то из класса «А» и из наших не спалось. Но свет всюду был погашен – сделав несколько шагов вслепую и налетев

на что-то, едва не обрушившееся с грохотом, мы молча опустили на четвереньки и продолжили ползком свой путь во мраке. На фоне окон проявился вскоре створ двери, ведущей в зал с сотней укороченных коек. Где моя, я знал и, немного покружив, достиг ее, примостившись наконец на ней калачиком поспать до рассвета. Не так было с Серегой, которого в помещении развезло. Он зацепился хлястиком фуфайки за пружинный крючок под чьей-то кроватью, попытавшись определить, занята ли она, преобильно получил по руке от бдительной девчонки и, безуспешно подергавшись, так и заснул под детской кроватью в полуподвешенном состоянии.

Свое обещание мы сдержали и разыскали в предрассветном селе, стуча зубами от сырости и недосыпа, хату, в которой оставили Ваську. Этот гад отдал таки все выпитое, но не тогда, когда мы от него этого добивались. Молодецки раскинувшись на полу хаты посреди брызг и лужиц многократной рвоты, он спал теперь сном ребенка. Старуха сидела с ногами на лавке, как неприкаянная курица на насесте. Увидев наше огорчение, она принялась нас утешать: «Совсем молоденький еще хлопчик, да я сама приберу, и с сыном моим такое не раз бывало». Старухина отзывчивость настолько поразила меня, что я от нас всех сгоряча пообещал купить ей ...новую кофту: что бы мы делали, не согласись она помочь нам?! До сих пор мне стыдно и досадно за пустое обещание – в те годы у нас совершенно не было денег. Всем классом мы заработали на току с кукурузой, уборке свеклы и помидоров столько, что еще остались должны колхозу за наше пропитание. Конечно же, история с напившимися городскими школьниками живо обсуждалась всем селом (новость на селе – особый товар, а обещания молчать старуха не давала) и, естественно, немедленно сделалась известна и нашим педагогам. Они были возмущены, стыдили, грозили карами, однако сразу по возвращении начинались каникулы, и на историю решили закрыть глаза – никому не хотелось выносить сор из избы. Тем более в канун такого торжественного события, которому, собственно, и посвящена была наша поездка в колхоз. Можно сказать, что дело об аморальном поведении было прекращено по амнистии.

Наши учителя не были широко мыслящими людьми. Но тогда почему и следующие два года они шли у нас на поводу? «Клевали» на наши идеи, откликались на наши предложения, договаривались об автобусах для дальних поездок, сами подали идею выпускать школьный самиздатский литературный журнал – чистую крамолу в те годы?! Свой журнал мы назвали без затей – просто «Арт». Для первого номера я написал вполне анархистский манифест, два рассказа – добрый и злой – и полемическую заметку «Американцы в космосе». Естественно, этот номер, как и следующий, впрочем, сразу попал на стол соответствующего кабинета в КГБ, и к нам в школу прислали нового завуча по английскому обучению – переведенного из Тбилиси офицера госбезопасности весьма спортивного вида. Наш Васька изображал его очень похоже: открывается дверь, с порога летит над нашими головами портфель нового учителя и приземляется точно на стол, сам он не спеша подходит к доске и отчетливо произносит, выдержав паузу и смакуя каждое слово:

– Здравствуйте. Я ваш новый учитель, зовут меня Икс Игрекович Зет. Родился в Тбилиси, где и провел большую часть жизни, занимался конным спортом и боксом. У кого есть вопросы?

Девочки класса «А» сразу влюбились в него – все до единой, – они ходили за ним табуном, доводя этим и телефонными звонками до каления его жену, а когда через полгода его забрали от нас и рассекретили, то так же табуном простаивали на углу безлюдной улицы Чекистов, надеясь встретить его или хотя увидеть мельком. Любопытно, что на девиц нашего класса его чары не подействовали совсем (и только сейчас я понял причину столь загадочного иммунитета: XYZ, назовем его так, тоже в прошлом учился в параллельном классе «А» и был одним из особо удачливых его выпускников). Преподаватель, как и завуч, был из него никакой. Нам, нескольким, он пытался понравиться, вступая в разговоры и угощая сигаретами. Это слегка льстило, но и внушало снисходительное ироническое отношение, как заискивание барина перед мужичками. Тогда же работавшая у нас учительницей «мовы» и литературы потасканная райкомовская инструкторша, о которой говорилось за плечами, что «у нее было четыре аборта», с глазами питона и приторными фальшивыми интонациями, какие бывают только у самых бездарных актрис облдрамтеатров, – эта учительница остановила меня как-то на школьной лестнице, зажала до конца перемены в угол так, что я не мог, как ни старался, увернуться от ее нечистого дыхания, и на следующий день зачем-то принесла почитать изъятый из библиотек древний номер «Нового мира» с романом Дудинцева «Не хлебом единым» (до того с жестким соблюдением смехотворных правил конспирации мне уже давал почитать другой номер того же журнала с «Одним днем Ивана Денисовича» наш «англичанин» по кличке Патиссон – может, целью были не мы, а он?).

Допустим, стоящие за этими двумя и начавшие с нами игру в кошки-мышки *товарищи* из здания на безлюдной улице рассчитывали использовать наш школьный журнал как наживку. Но другие наши учителя – им-то это все было зачем? Почему они позволяли нам держать в классе старый патефон, подаренный нами девочкам на 8 марта? Почему открывали для нас подсобки своих кабинетов, пускались с нами в споры, обижались и выспрашивали, что мы думаем о чем бы то ни было на свете?! Ослепил ли их наш солнечный идиотизм? Или они хотели тоже немного пожить около нас, чтоб дожить свое и было что вспомнить? Не знаю.

Помню похожую на притчу задачку о бассейне с двумя трубами, слышал про группы «А» и «Б» в промышленности и про то, как они сидели на трубе, про одноименные пункты могу сказать, что между ними, вопреки тому, что утверждается на этот счет учебниками, никогда не существовало сообщения. Знаю еще, что писатели с фамилиями на А, Б, В, Г, Д, с которых начинаются списки учеников в классных журналах, гораздо успешнее, а часто и пишут лучше тех, чьи фамилии начинаются с букв, расположенных в других, более отдаленных и глухих участках алфавита. Думаю также, что Лермонтов, не попади в юнкерское училище, непременно учился бы в классе «Б».

Однако какие математически корректные доводы могу я привести для доказательства своей теоремы (уж аксиомой-то она точно не является)? Кажется, я поторопился – ресурсов левого полушария моего головного мозга явно не хватает на то, чтобы, сведя все концы, добиться непротиворечивого и «красивого», как выражались наши учителя, доказательства. Я учился в классе «Б», поэтому прощу снисхождения за подмену в очередной раз аргументации иллюстрацией.

Было так заведено, что со второго года обучения все классы переводились в малое здание в глубине школьного двора, отведенное под начальную школу. Питомник своего рода или отстойник, чтоб не путалась мелюзга под ногами и нагуливала вес. Для заслуженной учительницы это правило было несколько унижительным, но и она ничего не могла с ним поделать. Свою вынужденную «опалу» она использовала для передачи педагогического опыта другим учителям младших классов, в том числе и нашей первой учительнице. Они простаивали на переменах в коридоре, грея спины у кафельной печки (здесь мы под их взглядами или окриками замедляли шаг, после чего кубарем катились по лестнице, съезжали по перилам – никаких тебе дежурных с красными нарукавными повязками на этажах!), – и заслуженная, с уложенными на голове толстыми косами и кольшушимся бюстом, все поучала, давала советы, что-то рассказывала, а наша-то, помоложе, худенькая, серенькая (никогда ничего яркого в одежде), все слушала, ловила каждое слово, кивала согласно, понимая, что до заслуженной ей, как до неба, ну и ладно, как-нибудь и на своем месте.

Кажется, я теперь понимаю, что разница между ними по существу была в одном только: наша Мефодьевна, в отличие от их Ксении, относилась к каждому из нас по-разному, то есть как к людям, и не скрывала этого. И поэтому каждый мог стать, кем хотел и мог: двоечник Двоечником, зубрила Зубрилой, посредственность Посредственностью, девочка Матерью или Блядью, – каждая дорожка раздваивалась или растривалась, и каждый мог принять свою участь и следовать по тому пути, по которому его влекло, но мог и попытаться *счастия оружия*, – и с большого расстояния любой выбор не кажется мне сегодня столь уж существенным, куда важнее, что выбор наличествовал, шанс имелся у каждого.

Наша учительница была неприметным капитаном Тушиным наробраза. Где-то дома она растила собственного сына, а в школе старалась успеть чему-то научить разношерстное племя из двадцати с лишком стремительно идущих в рост маленьких дикарей – балбесов и дур.

ЗАДВОРКИ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Так почему-то заведено было, что в Здании Просвещения ничего не могло делаться, в отличие от задворок, по душевной склонности, а все должно было происходить по плану. Расписание уроков, звонки, обязательства, рапорты, принесение клятв, дневники для оценок и «дневники природы».

Вот в одно прекрасное утро вся школа несет сдавать на анализы какашки в спичечных коробках и мочу в пузырьках. Легко представить себе этих сидящих где-то лаборантов, в одночасье заваленных фекалиями всех городских школ в мелкой расфасовке, на которой написано не что в ней, а наши имена и фамилии, школа, класс. Некоторым скупердям или упрямам приходилось пересдавать их повторно.

Самыми несчастными учителями в школе – шудрами – были учителя пения, которым из-за несерьезности предмета и его дионисийского характера никогда не удавалось поддерживать на своих уроках хотя бы видимость дисциплины. Никто и не собирався их слушаться, баян, скрипка или фортепьяно – нам было по барабану, мы горланили в полный голос, ржали, бегали по классу, стреляли из растянутой на пальцах рогатки бумажными скобками (проволочными стреляли по неживой цели и по надувным шарикам на праздничных «демонстрациях трудящихся») и, вообще, отыгрывались на учителях пения по полной программе за свое подчиненное и униженное положение на всех остальных уроках. Как нарочно, все эти учителя оказывались слабонервными и уже через пару-тройку лет такого преподавания начинали остро нуждаться в помощи психотерапевта или невропатолога.

Не желая капитулировать, руководство школы создало музыкальный дисбат – школьный хор мальчиков, посещение репетиций которого сделало принудительным. Спасти от него могли только ангина или возрастная ломка голоса. А чтобы утвердить и подчеркнуть аполлонический характер мелоса, репертуар хора включал исключительно великодержавные хоралы и несколько умильных песенок вроде «Пусть всегда будет солнце!» или «На дороге чибис, чибис» (которого в глаза никто не видел). Хор полезен был дирекции участием во всяких смотрах и торжественных концертах. Ответственные дяди и тети желали видеть надлежащее выражение на лицах учеников и педагогов советских школ.

Мы же были маленькими дикарями, индейцами и пиратами, сквернословыми, пердунами, мастурбантами, сачками, отчаянными лунами и лицемерами, – а как еще мы могли отстоять и утвердить хотя бы крошечную территорию свободы, размером со школьный туалет, превращенный в курилку, или задворки школьного двора, где можно было играть, начертив круг на земле, в «ножички», писать на стене или вырезать тем же ножичком непристойности, а также предаваться другим важнейшим занятиям, которых у школьника всегда столько, что одной жизни не хватит всё переделать. Футбол – раз, рогатка – два, пересказать фильм при помощи одних междометий, мимики и жестов – три, мена всего на свете на всё, будто до изобретения человечеством эквивалента в виде денег, – четыре, ну и так далее: филателистические страсти и девичьи пухлые альбомы с фотками киноартистов, переписка с пионерами и школьниками всех стран (учителями это занятие всячески

поощрялось и пропагандировалось, поскольку все свободное время в таком случае поглощалось писанием натужных и вздорных реляций и служило делу прославления Страны Советов). А на уроках – в «балду» и «морской бой», переговариваться с сидящими в другом ряду на выдуманном «языке глухонемых» (а дома в своем подъезде – морзянкой по батарее отопления), где-то найденная бутылка с неотбитым горлышком – целое состояние, здесь уже походом в кино пахнет на утренний сеанс! В начальных классах – на «кинушко про войнушко», «Великолепную семерку» и «Три плюс два» (Васька хвастался, что посмотрел его за год 17 раз), позднее – на «Трех мушкетёров», «Скарамуша», «Привидения в замке Шпессарт» и «Фантомаса», а девочки – все больше на «Анжелику», «Королеву Шантеклера», «Шербурские зонтики», и наконец, уже вместе, держа ее замерзшие пальцы своими взмокшими, – на «Мужчину и женщину» и другие, с надписью на кустарной киноафише «Кроме детей до 16 лет». (Как-то в восьмом классе мне «ИД спор» продали даже презервативы в аптеке, в тот же день надутые проигравшим Санкой на своем балконе – на глазах у заинтригованной симпатичной соседки из дома напротив, судя по преувеличенному бюсту, уже делавшей «это»).

В кинотеатры до знакомства с девочками я почти не ходил почему-то. Не чаще, во всяком случае, чем родители в гости. Но я обязательно хочу здесь вспомнить не кино, ослепившее нас с приходом французского цветного середины 60-х годов сочными красками, обилием солнца, заморозившее мелодиями и обаянием героев – красивых, веселых, сентиментальных и кокетливых ровно настолько, насколько в этом нуждается подростковый возраст, – я хочу вспомнить момент выхода из кинотеатра. Особенно летним вечером: отработанный воздух грез в кинозале, всегдашняя толча в дверях, и, еще ничего не соображая, ты оказываешься вытолкнут в головукружительную прохладу сумерек с шевелящимися кронами деревьев над головой. Весь цвет, все визуальное богатство, пряные ароматы и звуки чужой, бесконечно привлекательной жизни улетучились, впитались простыней экрана с несколькими наложенными латками. Но грудь зрителя еще вздымается – его внезапно пробудили от сна контролерши в красных нарукавных повязках, распахнувшие двустворчатые двери, и он должен освободить зал, уже осаждаемый нетерпеливой толпой других счастливых обладателей билетов, которые по лицам выходящих пытаются угадать, что их ждет, а некоторые, самые несдержанные, задают нескромные вопросы: «Ну как кино?». Выходящие не любят, как правило, отвечать. Ты что, сам не видишь красный фонарь над входной дверью?! Сейчас твое воображение отымеет так, что, вернувшись по хоженным-перехоженным улочкам города в свою квартирку, с женой под руку или один, ты должен поскорее поужинать чем-то разогретым и лечь спать, если не хочешь. А ты не хочешь – вот и не спрашивай тогда. Много будешь знать – скоро состаришься.

Была такая наивная игра в те годы, основанная на доверии: закрой глаза – открой рот! Могли и фантик положить, но предполагалось, что на язык тебе положено будет что-то столь нежного вкуса, что для полноты наслаждения лучше отключить все другие органы чувств, – сюрприз. Глупый вид, но так, примерно, выглядели мы все – кинозрители тех лет.

Синтетические дождевики «болонья», такие же рубашки и зимние полушальто – признак достатка и предмет зависти. Дубленок было несколько на весь город, хотя кто-то одевался, конечно, из посылок от заокеанских родственников. Самый известный в городе «штатник», служивший кассиром в сберкассе педераст Алик, курил только американские сигареты и носил замшевые желтые ботинки с бахромой и такого же цвета широкие клёши. Работавшая в гостиницах с приезжими и стильно одевавшаяся проститутка Ляля, с точеной фигуркой и матерком на устах, как-то поразила воображение наших одноклассниц, прогуливаясь весь день по городу с полосатой детской юлой в руках. Все следили за модой и отчаянно страдали от гримас ширпотреба: только кто-то раздобудет, достанет или привезёт откуда-то что-то самое-самое, как в считанные дни, недели, месяцы слоняются по улицам отряды девиц и молодых людей в этом самом-самом. Как можно было прожить без сапог-чулок – едва жизнь свою не проворонили! А без парика? Это же всегда готовая причёска под рукой! Или без обуви на платформе и блядских сетчатых колготок?? А хрусталь! «Мы с самого утра здесь в очереди – уже и настоялись, и наплакались!..» – Счастливица в съехавшей набок меховой шапке, прижимая к груди драгоценное приобретение, растерянно улыбается всем, будто после контузии. Зато почти у каждого был свой портной и другие «свои»: мясник, продавец, билетер, завмаг, врач, милиционер или, на худой конец, хотя бы грузчик книжного или овощного магазина. Все это так мелко и жалко, что мне опять хочется закопать этот то ли воскрешаемый, то ли экзугмируемый мной мир. Закопать бесповоротно.

Безобидная страсть к мореплаванию замещала и подавляла стойкую мечту о победе из дому. Я никого не смог на это подбить, а сам не решился – и отсрочил побег. Я и сегодня не знаю причин, но следствия помню. Класе, кажется, в четвертом я проболел как-то пол учебной четверти. Это была непонятная болезнь, странно протекавшая и странно начавшаяся. Ничем, кроме отвращения к жизни, объяснить я ее не могу («сачкануть» из нее собирался, что ли?). Из-за необычности ощущений запомнился день начала болезни. С самого утра я находился во власти какого-то чудного безволия. Не отдавая отчета в странности своего состояния, высидел уроки. Восприимчивость реценторов была обострена сильнее обычного, все ощущения доходили до меня, я все слышал, отвечал, но все происходило будто не со мной. Мне было зябко и неуютно в собственном теле. С последним звонком пришлось заставить его подняться, медленно спуститься в школьную раздевалку в подвале, протянуть руки за шубой на вешалке – но на этом силы его и способность повиноваться иссякли. Стою, как истукан, держась за воротник шубы, и не могу приподнять ее хотя бы самую малость, чтобы снять с крючка, хуже того – попросить кого-то помочь не могу, язык во рту больше не повинуется мне. Хочется подогнуть колени, съехать на цементный пол, свернуться калачиком – но и этого не могу, сил нет, будто аккумулятор разрядился. Только теплые слезы еще слушаются меня. Кто-то их заметил наконец, о чем-то спросил, сбегали за учительницей, вызвали «скорую». Чьи-то руки все делали тем временем за меня: снимали с вешалки тяжелую шубу, вставляли в рукава мои руки, усаживали, поднимали, вели к машине – которая и

отвезла меня домой с температурой под сорок. Давай лечить, а я и не собираюсь выздоравливать.

Какая это к чёрту простуда или грипп, когда налицо явное нежелание продолжать существование в реальной действительности – что-то вроде нервного срыва после отбывания первых нескольких лет невообразимо долгого срока тюремного заключения? Предупреждать бы надо, как делают тибетцы, у которых отец, наклонясь к вздутому животу матери, обстоятельно рассказывает еще не родившемуся шестимесячному ребенку, что ожидает его в земной жизни. Говорят, случается, что плод рассасывается.

Бывали потом и другие болезни, но с тех пор я заключил со своим телом что-то вроде конфедеративного союза: внутри – порознь, наружу – вместе. Накормлю тебя и не буду мешать делать физзарядку, но и ты не лезь в мои дела и веди себя смирно, чешись и скучай, когда я чем-то занят. А к девчонкам будем вместе ходить: ты к своей, я к своей – их ведь тоже всегда две. Пока не срослись мы с ним настолько, что неразлейвода, – больно будет расставаться. А все потому, что когда-то некие разозлившиеся кочегары передали наверх по трубе: «Ну, вы там, разберитесь со своими командами, а не то мы вас в гробу видели!» – и показали наглядно, что бывает, когда давление пара сбрасывается до нуля и оставляют силы. Живи и помни.

В середине шестидесятых в том небольшом городе, где мы тогда жили и я ходил в школу, городские власти несколько раз устраивали на советские праздники следующий аттракцион. Самой прямолинейной улицей в городе была улица Шевченко, бывшая Сталина (любимая покойным «генеральная линия»), которая вела от центра к городскому парку с прудами, лебедями с подрезанными крыльями, стадионом и танцплощадкой, качелями, ракушками, буфетами и скамейками под плакучими ивами и репродукторами. Кто-то распорядился установить на входе в парк циклопического размера прожектор с военного аэродрома, он был развернут горизонтально и с наступлением сумерек зажигался. Его могучий луч добивал до центральной площади, откуда устремлялся в парк облитый пылью света поток ослепленных горожан обоого пола, различавших только подсвеченные контуры спин перед собой да нависающие, подобно сводам тоннеля, шевелящиеся кроны старых деревьев над собой. Я тоже двигался прогулочным неспешным шагом в этом потоке – оглушенный шарканьем тысяч подошв, полуослепший и одуревший совершенно от волнующих запахов весны или осени, уже не скажу...

Родилась в 1981 г. Окончила романо-германский факультет Прикарпатского университета им. В. Стефаника. Печаталась в периодике. В настоящее время проживает в России.

ЕЛЕНА ПРОДАНЮК

ДОМ ЗЕРКАЛ

Белый свет лампы отражался зеркалом и растекался полом. На эту лужу молока накладывалась ещё одна и ещё, и ещё. Отблески сотен зеркал, находившихся в этой комнате, пересекались на полу под разными углами, перетасовывались с тенями и создавали чёрно-белый, траурно-строгий, гнетуще-сучный узор. Высоко, под самым потолком, висела одинокая белая лампа без плафона. Она и была источником холодного молочного света в этой комнате.

Свет слепил, причинял глазам боль и наворачивал на них слёзы, делал невозможным какое-либо передвижение в помещении. Хаотичное расположение зеркал образовывало лабиринт, в котором и выходом, и входом была одна и та же дверь. Но этого невозможно было узнать, не пройдя весь лабиринт. Да и выйдя из него, вряд ли можно было определить место для справки.

Комната с зеркалами занимала весь дом. Или это весь дом состоял всего из одной комнаты.

Обозначилась длинная чёрная тень, со взъерошенными волосами, и по комнате эхом прошёл звук захлопнувшейся двери. Тень сделала несколько шагов и уперлась в зеркало. Она отступила, натолкнулась на другую. Теперь Тень была окружена такими же, как она, тенями – длинными, тонкими, чёрными со взъерошенными волосами. Их были тысячи. Тень двигалась вдоль зеркал подобно слепому, находя себе дорогу наощупь. Ощущение молочно-белого холодного света усиливалось прикосновениями к зеркалам. Высокие,

блестящие и холодные, они были, как пласты льда, уходящего в потолок. Тени становилось холодно.

Она то скользила по полу, то двигалась по зеркалам, ища выход наружу. Как долго она ещё будет блуждать между зеркалами, она не знала. Время шло...

Уставшая тень двигалась между стеклянными льдинами, находя наощупь дорогу. Её плечи опустились, руки уже не так живо двигались по ледяному молоку зеркал, шаг замедлился. Если бы у Тени было лицо (если бы у теней вообще были лица), то отчаяние отразилось бы тысячу раз в этих зеркалах. Оно бы наполнило этот дом до самого верха и, если бы в доме были окна, полилось бы из окон. Тень хотела кричать, но страх услышать свой голос, отраженный, как и она сама, множество раз, сдерживал её. Она сделала несколько глубоких бесшумных вдохов, медленно подняла руку и прикоснулась к зеркальной поверхности. Ощущение было как при ожоге. Зеркальный холод обжёг, хотя скорее это было её воображение (если бы тени вообще могли воображать). Тень медленно сделала шаг, затем ещё один. Шаги давались трудно, она словно вытаскивала ноги из чего-то липкого и тягучего, дыхание сбилось, она чувствовала, что задыхается. Сделать остановку, отдохнуть. Нет. Стоять на месте в этой комнате, для неё это было кошмаром – чувствовать себя окруженной со всех сторон. Время шло...

Тень скользила по полу. Секундные передышки в зеркальном лабиринте не давали ощутимого отдыха. В глазах рябило от тысяч однообразных отражений, которые сопровождали её какой-то – определённо большой – отрезок времени. Свет слепил глаза, они слезились. Это продолжалось слишком долго. Ощущение времени исчезло, сколько она находилась внутри, Тень определить не могла. Единственное, что осознавала Тень, это её состояние – близкое к истерике. Руки дрожали, ноги подкашивались. Взгляд в зеркало приносил боль и в сознании Тени вызывал образы пыток. Она упала на четвереньки, но не остановилась, она продолжала двигаться вперед, пусть ползти, но вперед. Время шло...

Тень изнемогала. Зеркала обвивали её ледяным молоком, заливали ей глаза, слепили сквозь плотно сжатые веки. Дикий ужас стал побеждать. Она упала на пол, истерические рыдания разнеслись по всей комнате. Зеркала равнодушно отражали извивающееся, быющееся в конвульсиях, катающееся по полу чёрное бестелесное создание.

Единственным действительно чёрным пятном в этом доме была сама Тень. Её чернота была абсолютной, самая чёрная материя Вселенной, сгусток вечной тьмы в убийственно-белом свете. Она увидела на полу бледно-серую полосу, отбрасываемую обратной стороной одного из зеркал. Повинуясь одним лишь инстинктам (если у теней возможны хотя бы какие-то инстинкты), она поползла в полутьму, в этот пусть наполовину, но родной полумрак. Конвульсии прекратились, истерика прошла. Обессиленная, она лежала на полу, чётко выделяясь в сероватой полутьме, с закрытыми глазами, дыхание было ровным, спокойным и глубоким. Оно было дыханием потерявшего надежду разумного создания, оно было безразличным.

Пришли воспоминания. Летняя ночь. Тепло и зелень. И главное – темнота ночи поглощала лунный молочно-белый свет. Ночью он рассеивался и создавал на земле, в камнях, стенах, деревьях её подобные тени. Ночью лунный свет сотворял жизнь... Время шло...

Спать... Спать... Нет! Её сознание отвечало: «Нет!». Только не спать. Вместе с сознанием желаемого пришёл ужас. Мысль о сне в этом месте привела Тень в оцепенение. Она открыла глаза. Молоко холодными струйками начало вливаться в неё. Тень стала подниматься на ноги. Сделала первый шаг, ноги подкосились, она упала на четвереньки. Постояв так некоторое время, она поползла. Голова болела, глаза резало, они слезились, зеркала двигались вокруг неё, сознание заволакивало белой холодной дымкой. Ладони колело, колени ныли, плечи крутило. Время шло...

Маленькая сморщенная тень упала на порог двери. Она с трудом поднялась на колени и нажала на ручку. Дверь открылась...

Эта дверь была одновременно и началом, и концом лабиринта. Для тени это был спасительный выход наружу.

...Дверь открылась. Затравленно оглядываясь, тень поползла на порог. Переползти стоило огромных усилий. Почти слепая, полусумасшедшая, слушаясь лишь своих рефлексов (если у тени есть хоть какие-то рефлексы), зовущих на волю, она сползла с порога вовне... и упала в ледяную слепящую белизну зимнего снежного дня.

А Н Д Р Е Й П У С Т О Г А Р О В

ЦАРИЦА ЗМЕЙ

ОТЕЦ

Отец Хасана был философ. Каждый день тридцать учеников тесно прижимались друг к другу в маленькой комнате и слушали, как Даниель переводил и объяснял написанное в книге. Не хватало Даниелю только сына.

Прошли годы молитв и обетов, пока однажды Даниель не увидел, что ужин ему подаёт кухарка. Жена его не могла притронуться к пище. Её тошнило.

Сам Даниель умер на тридцатой неделе этой беременности с чувством горечи и исполнения желаний.

Мальчик родился доношенный. Он вырос.

ДВЕРЬ И КЛЮЧ

В девятнадцать судьба поместила Хасана в общество разорившихся купцов и дала знать о кладе. Хасан оказался на дне высохшего колодца. Купцы ушли, не отвечая на его крики. Хасан сел на землю и смотрел перед собой.

Спустя время раздался звук, усиленный долгой тишиной. Хасан быстро ногой раздавил скорпиона, но сердце его забилося. Он стал искать выход.

Глина под его руками обвалилась, он пролез в отверстие. В слабом свете Хасан различил дверь и ключ. Хасан повернул ключ.

ЦАРИЦА ЗМЕЙ

Хасана понемногу перестали тревожить любовь к Царице Змей и страх, что его прогонят. Теперь любила Царица Змей. Причиной тому была память о Булукне.

СЫН ЦАРЯ

Булукня родился сыном царя. После смерти отца он стал править своими кишлаками, но через два года незаметно ушел с проходящим караваном, оставив на престоле двоюродного брата.

Мир вызвездило красками, жаждой, голодом. Радость жгла изнутри, взвив, как сухой лист.

Змей нашли Булукню среди желтой травы и камней в русле без воды. Прорезь под соском успокоила его, разгладив различия в мозгу. Змей не возвращали к жизни тех, кто не просил. Но Царица Змей угадала, взглянув на озаренное пыльным закатом лицо, то, что должно было случиться с каждым из них.

Она нагнулась и вдунула жизнь в твердые губы Булукни.

БУЛУКИЯ

Они расплели объятия. Семя выплеснулось из тела Булукии, и природа забыла его. Мышцы расслабились, и мыслей не стало. Свобода, которой учили Змеи, была рядом.

Змеи теперь не проповедовали в народе, и старосты в деревнях перестали подновлять столбы для распятий. Змеи ускользали из жизни людей, чтобы только ужасом напоминать о том, что не сбылось.

Булукию тянуло схватиться с Богом, сказать – мир устроен неправильно. Дети не должны умирать от голода. У него стало ныть под соском. Булукия ушел.

ХАСАН

Царица Змей вывела Хасана под звезды. Воздух земли ударил ему в поздри. Хасан пошел к людям. Кошелек с желтыми монетами бил его по ноге.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

В мире бесчисленных миров на земле наступил час перед сумерками. Булукия поднялся на последний холм и издали увидел вход в пещеру и подъехавших всадников.

Визир кивнул головой. Хасан спешился и ласковым голосом позвал Царицу Змей. Ведь Хасана могли убить. Царица Змей вышла. Ведь Хасана могли убить. Стрела пробила ей горло. Булукия упал на красную землю.

КОНЕЦ

Когда боль немного утихла, Булукия почувствовал – главное в жизни произошло. Вслед охватило чувство – все свершилось и в мире. Булукия услышал тишину.

С людьми он виделся мало. Упражнялся борьбой и фехтованием. Шутки его поражали непредсказуемостью.

Но все-таки он ждал, надеялся и не спешил умирать.

ГЛУПЫЙ ЧАН

□□□

К тому времени слух о Чане уже распространился по Поднебесной. Поставив кувшин с родниковой водой на плечо, он возвращался домой. Тропка вилась среди зеленых зарослей, полных мышиной возни, порхания и щебета птиц. За одним из поворотов дорогу Чану преградили пять лучших поединщиков императорской гвардии. «Здесь великие войны, осознающие непобедимость. Я глупый Чан с пустой головой. Мне надо пройти домой», – означало легкое движение воздуха между его губ. Через несколько мгновений он продолжил путь. Поединщики остались среди острой травой. Двое выжили – ведь Чану нужно было только пройти домой.

□□□

Восставшие были окружены в узкой долине среди отвесных глиняных осыпей. Предводитель созвал командующих отрядами: косноязычных крестьян, утонченных поэтов, улыбающихся монахов и людей, у которых никто никогда не спрашивал, чем они занимались прежде. Иероглифы их речей сложились в непроходимый решетчатый узор. Оставалась надежда на непроизнесенное вслух. Убить императора в далекой столице. Выбор сразу пал на Чана.

□□□

Спрятавшись на террасе, Чан наблюдал за балетом придворной церемонии. Отряды вооруженных воинов, вельможи и слуги в одиночку и группами, наложницы и евнухи плыли по залу россыпью разноцветных лепестков в запутанном, как движение планет, танце. «Люди заняты важным делом. Главное – не помешать им. Я глупый Чан с пустой головой. Я могу лишь почувствовать миг, когда можно начать прямой путь». Он почувствовал этот миг. Пронес к трону, воткнул нож в горло императору, вернулся на террасу и исчез.

Находившихся в то время в зале подвергли пыткам, и один из них, объясняя случившееся, сказал: – Он шел по прямой, и было件нятно, что его нельзя остановить.

□□□

Дети из деревни Чана были схвачены. Глашатаи объявили, что их казнят, если Чан не сдастся властям. Чан прислал письмо с обещанием прийти. Детей отпустили.

Через день, ступая босыми ступнями по теплым лужам, оставшимся после недавнего дождя, Чан прошел через ворота крепости. Площадь перед ним была пуста. Сзади невидимые руки закрыли створки ворот.

«Я могу лишь умереть», – подумал Чан. Радуга спустилась к его ногам. Чан встал на неё и пошел к зениту, чтобы никогда уже в прежнем виде не возвратиться в этот загадочный мир.

□□□

Ступая по радуге, Чан поднялся на небо и оказался в Чертоге Богов. Нефритовый трон был пуст. Полупрозрачные, мерцающие небожители предлагали друг другу власть над миром. Каждый говорил положенные слова и отказывался. Дошел черед и до Чана.

– Кто смел, тот и съел, – сказал Чан и, сев на трон, стал править миром. Усилий от него это не требовало.

ЧАТТУРАНГА

Байда еще раз стегнул плетью коня, и тот, выворачивая копытами комки сухой земли с пожелтевшей чубатой травой, поднял его на самый верх. Впереди блестела речушками пойма и далеко под синими горами темнел Днепр. Ветер налетел сзади на Байду, и он обернулся. Склон горы ровно спускался вниз, и дальше во все стороны до горизонта лежала желтая степь. Курганы поднимались над степью, и ветер, как волосы на отрубленных головах, шевелил на них косматые травы. Три кургана стояли и на самой горе, но не на вершине, а чуть пониже, открываясь в Поле.

Детство Байды прошло на Волыни в доме деда. Днем дед садился за простой деревянный стол в саду между двумя старыми грушами. Приходил старый конюх, кланялся пану. Клали на стол доску с красными и синими квадратами и расставляли фигуры. Начиналась игра и старый разговор:

– А ведь неправильно то, пан. Надо, чтоб было четыре игрока, потому и называется чаттуранга. А у нас что? Так...

– Пустое, Трохим. Чаттуранга – потому, что у каждого четыре рода войск. А вчетвером играть – то слишком долго, терпения не хватит.

– Так давайте хоть раз попробуем. Вот и малого Дмитра возьмем.

– Вот этого? Так то ж байда, – усмехался дед, поглядев искоса на внука. – Пусть еще подрастет.

– Четыре игрока, – думал Байда, глядя то на степь, то на далекий Днепр. – Казимир в Варшаве, Иван в Москве, Гирей в Крыму и Сулейман в Царьграде. А меня Бог угораздил родиться на краю света, в пустоте, где нет фигур, одни пустые клетки. Но чаттуранга – странная игра: не надо побеждать всех, надо ударить по главной фигуре. И я знаю, где эта главная фигура у Сулеймана. Это вовсе не он сам.

Байда поехал в Москву, потом к Казимиру, потом опять в Москву. Потом вернулся в Черкассы, набрал казаков, спустился по Днепру и построил на Хортице крепость.

С четырех сторон примолкли, на доске появилась новая фигура, игроки раздумывали – чья же она. Летом Байда подступил к Азову. Крепость за спиной сделала возможным этот рейд по иссохшим стенам. Из Ниоткуда, как некогда Татарове, карой Аллаха появились они и осадили Азов. Костлявая рука голода протянулась к Цареграду – подвоз зерна с приморских полей прекратился. Никогда еще кучке голодранцев не удавалось так напугать Османскую империю. Хотя не кучка ли голодранцев, отбившихся от крестового похода, обучила военному искусству турков, наладила выплавку железа и производство оружия, сумела взять Цареград и основала тысячелетнее царство. Сулейман понимал, что история может повториться. Верил в это и Байда.

На пристанях Цареграда трещали костры и в смерчи свивалась черная пыль. Порывистый ветер, дувший от султанского дворца, толкал людей в спины. Морская пехота по доскам вкатывала на борт пушки и грузилась сама. Эскадра поплыла к Азову.

Байда знал способ. Сто лет тому Влад Цепеш, которого теперь уже путали с отцом и называли Дракулой, остановил турок, выстроив заслон из посаженных на кол людей. Страх против страха. Влад оказался страшнее.

«Я игрок, а не мясник», – сказал себе Байда, и не стал насаживать на колья пленных. Страх за спиной у турок сделался больше страха впереди. Байда снял осаду и ушел в Поле.

В 1562 году от Рождества Христова Байда вместе с Альбрехтом Ласким приехал на сейм в Пйоркове, чтобы оправдаться перед королем за дружбу с Москвой. «Ласково был принят он королем и вина была ему прощена». Король был настолько милостив, что, когда Байда вдруг слег с признаками отравления сильным ядом, велел лечить его своему собственному лекарю. Король налаживал союз с Портой, и стычки на южной границе мешали этому союзу. Время авантюристов проходило.

Вернуться домой и играть со слугой в чаттурангу – нет, это хуже смерти. Захватить Валахию, нависнуть над коммуникациями Сулеймана, угрожать Цареграду голодом, вести игру с Казимиром и Гиреем, собирать гольятьбу со всего Дикого Поля – горячая от болезни кровь рывками бежала по жилам Байды.

Байда и Альбрехт вкрасились в Валахию, где усобица между Деспотом и Томшей открывала им дорогу к трону. Но молдавские партизаны поддержали слабо, и Томша легко разгромил их войско.

Пусть, в чаттуранге фигуры вырезаны из крепкого дерева, сейчас ход Байды – он ускользает из-под удара, возвращается в родные стены, чтобы слышать, как складывают песни о его счастливом побеге, как со всего Поля стекаются к нему люди, казацкие лодки выходят в море, ветер брызжет в лицо соленую воду, припадает к волне и вновь взлетает вверх чайка, и виден вдалеке коричневый берег, где никто не ждет набега, а оттуда уже дорога к Царьграду...

Сейчас ход Байды, а у него закрываются глаза, и он сползает вниз по шершавому боку коня, пытаясь зацепиться пальцами за гриву. Он не может сделать свой ход, он только фигура в чьих-то пальцах, часть чьего-то безжалостного замысла. Что ж, это понятно Байде, его замыслы тоже были пропитаны чужими смертями, теперь за дело взялся игрок посильнее.

Облегчение посещает Байду, его прошибает пот. Байда свертывается клубочком, и впервые со времени детства счастье пронизывает каждый его мускул.

Турки зацепили Байду крюком за ребро и столкнули со стены, окружавшей дворец султана. Байда повис над вожделенным городом. Народ стекался посмотреть на его муки, и у Сулеймана с утра было хорошее настроение. Но кто-то сказал, что знание – сила. А Байда знал турецкий язык, и глубже других врезались в его память самые первые из выученных турецких слов. Такой брани Царград еще не слышал, боль заглушалась только вдохновением, и вдохновение не покидало Байду, а только усиливалось.

Проклятый город, Аллах и султан сочетались друг с другом и с самыми отвратительными для всех правоверных вещами в потоке ненависти, которую обрушивает влюбленный на изменившую ему подругу. Ругательства проникали в душу и застревают в ней прочней, чем крюк.

Султан приказал расстрелять Байду из луков и пребывал в плохом настроении. Ночью ему приснилась книга о Байде, где упоминалось и его имя. В комментарии разъяснялось, кто такой Сулейман Великолепный и какое отношение имеет он к истории Байды Вишневецкого.

В 12 году огромная французская армия вторглась в Россию и двинулась на Москву. У деревни Бородино путь ей преградили русские полки. Оба войска выстроились для битвы. По обычаю для поединка из рядов французов выехал Наполеон Бонапарт. Потряса копытом, развезжал он вдоль строя, понося струсивших русских. И действительно, в русской армии оказалось мало желающих сойтись один на один со знаменитым французским богатырем. Пока, наконец, из рядов русских не показался на сером жеребце одноглазый Кутузов. Поединники съехались и проткнули друг друга копытами. Воодушевленные победой своего богатыря, русские бросились в бой и гнали французов до самого Парижа. Жил тогда в земле Германской император План Барбаросса. Родила его дочка от проходившего русского воина двух сыновей. Разгневался Барбаросса, приказал положить детей в корзину и в воду бросить. Приплыла та корзина в землю Русскую. Вышла на берег Мария Бланк и корзину подобрала. Нарекла она одного мальчика Александром, а другого – Ленистом-Ясным Соколом. Выросли мальчики и задумали русского царя убить. Пошел первым Александр. Изловил его царь и повесил. Ленист же Ясный Сокол убежал в Германию. Дал Барбаросса ему железный посох, железные башмаки, посадил в железный вагон и послал по железной дороге обратно в Россию. Вышел Ленист из вагона, убил посохом царя и стал в России править. Выгнал он из дворца всех прежних слуг, оставил из жалости одного только рябого сухорукого грузина-саножника. Стал грузин его главным советником, пошел на кухню и велел испечь торт. Насыпал в торт яду и накормил Лениста. Умер Ленист, а грузин сел в России править. Положил он Лениста в мавзолей, и стала русская армия непобедимой. Узнал про то План Барбаросса и послал на Россию войной своего сына Удаля Гитлого привезти в Германию Лениста-Ясного Сокола. Пришел Гитлый в Москву, а грузин Москву поджег, взвалил Лениста на плечи и в Сибирь убежал. Ударили тут морозы лютые и заморозили все немецкое войско.

Вот пришла пора грузину помирать. Велел он слугам своим верным положить себя к Ленисту в мавзолей. Поклялись они, что так и сделают. А как умер грузин – закопали его ночью под стеной и началась в земле русской смута великая.

Послали тогда к Варягам послов и сказали: «Земля наша велика и обильна, а порядку в ней нету. Придите и владейте нами». И пришли варяги Рюрик, Трощий и Синеус. В Санкть-Петербурге правили в то время старец Киров и молодой князь Керенский. Переоделись Рюрик, Трощий и Синеус кунцами, сели на ладью «Аврора» и приплыли по Неве к Петербургу. Вышли на берег и товар разложили. Пришли к ним Киров и Керенский. Схватили их варяги и в воду бросили. А сами сели в Петербурге править. В царствование же Бориса Грозного был рядом с Кремлем в Москве-реке омут. Жила там змея проклятая. Выходила она наружу, и наступали в земле русской голод да смута. Решил Грозный известить змею и бросил ключ по всему белому свету. Пришел к нему посол из стран мусульманских и говорит: «Как перестанет народ твой водку пить, так и не станет у вас голода и смут».

Не послушал его царь Борис и взащей вытолкал, приговаривая: «Веселие на Руси есть шти, без того не можем быти».

А вторым пришел к нему посол из Европы-города. Велел он царю выкинуть с Красной площади Лениста-Ясного Сокола и сделать там подземную стоянку для автомобилей. Рассерчал на него царь Борис, велел голову отрубить и пошел на Европу-город войною. Однако, выйдя из Кремля, сильно в дороге поиздержался и вынужден был назад воротиться. Последним пришел к царю из Грузии-города мужик сиротелый. Знал он слово заветное. Пригнал самосвал с цементом, вывалил в омут да сверху посолил. Разгневалась змея, поднялась, да тут и застыла. Взял мужик сиротелый молоток, раздолбил змею на куски и стал из тех кусков строить что ни попросят. А в земле русской все напасти кончились. Во всяком случае, письменность там прекратилась.

П Е Р Е В О Д Ы

ПЕРЕВОДЫ С УКРАИНСКОГО

НИКОЛАЙ ЗЕРОВ

(1890–1941)

ГИЛЬГАМЕШ

Ут-Нанингим, далекий предок мой,
Затерянный в обширном океане.
Я – Гильгамеш, и славен я на брани,
Я – царь Урука, правда где – изгой.

Мне друг дарил и счастье, и покой,
когда я был в порыве ража пьяным,
и умер вот мой бедный Эбани,
и мыслей жалит жуткий меня рои.

Дай мне совет, мой предок, пьющий с богом,
Как человеческий род продлить убогий?
Как приступить к загадкам бытия?

А ветхий дед, как будто милость – ласку,
Скрипит ему, толкует древних сказку:
Рай, и потоп, и древо жития.

СВЕТЛАНА БРЕСЛАВСКАЯ

(Род. в 1969 г.)

ЛЕТО 1985

Как она горько рыдала
над цинковым воплем
Афганистана!

Как разрывали внедрённую веру
в отчаянии сведённые руки
в немом обращении к судьбе!..

Как плавилось всё
там, где падали слёзы матери!..

И нас лишило сил
бессмыслие металла
на фоне
защитного цвета...

□□□

Смотрю на тебя
губами
смотрю на тебя пальцами
пугливыми касаниями
рисую
смуглый остров
твоего тела
потому что вечер
и уже пригашены
свечи
наших размолвок
рисую себя
Робинзоном
вечным...

□□□

Мама твоя,
тихая, ласковая,
как тот весенний день,
когда ты родился у неё,
самый маленький и сладчайший,
долго будет меня помнить.
Её благословение
неизменно витает над нашими головами
и жаждет
собрать нас, маленьких, к себе.

МАРИЯ МИКИЦЕЙ

(Род. в 1965 г.)

□□□

Мелеют души людские,
как измелели реки моего
детства
и воды в них осталось
как раз настолько,
чтобы увидеть
свои испуганные глаза.

□□□

Сумерки.
И деревья исподволь бредут
в небо
и остаются на нём –
ибо там теплей.
И я уже почти не вижу
своих слов,
но знаю, что это птицы,
которые истомились в далёком
пути
и сели отдохнуть
на белый лист.
Они отдохнут и
полетят дальше.

□□□

Лес
Обставлен флажками.
Красное
На черном и белом.
Следов
Непрочитанные письма.
И тишь
сломана
о тоненькую
былинку
зверобоя.

□□□

Ты проснешься
когда-то среди ночи
от того,
что весь мир
маленьким комочком
станет тебе
поперек горла
и не даст дышать.

□□□

Игры с любовью
в молодости
очень напоминают
игры с огнём
в детстве –
и в первом
и во втором случае
никому не приходит
в голову
думать о
направлении ветра

□□□

Завтра утром
отлетаю рейсом
1962
Станислав – Ивано-Франковск*
отлетаю
совсем не уверена
в своём
возвращении

□□□

Сейчас
эта девочка
пьёт томатный сок
Через год она
будет пить кофе
Через два – вино и ликёры
Через три – ...
Конец света – завтра

□□□

Мы
очень увлечены
друг другом
чтобы прятаться
и стоять на страже
если
им это не впервые –
они догонят нас
ещё на полдороге
и если
отнесутся
к своему делу
профессионально
то
полностью может оказаться
что
отбить желание любить
так же легко
как
отбить лёгкие
и тогда
наши полумёртвые тела
уже
не будут
являть никакой угрозы
их морали
так же
как и наши
недолюбленные души
какие
красными солнцами
закатятся за горизонт

* 1962 – год переименования города Станислав в Ивано-Франковск (прим. перев.)

ОКСАНА КЛОДНИЦКАЯ

(Род. в 1983 г.)

□□□

Должна жить так,
Будто тебя нет.
Должна жить сейчас,
Будто тебя не знаю.
Дышать должна так,
Будто рядом отравляющий воздух.
Улыбаться должна так,
Как море при отливе,
Как звезды затихающие,
Как цветы искусственно-вянущие,
Как птицы обескрылены,
Как клетка без ядра,
Как... как...
Как без тебя жить?..

□□□

Ты там, за горами
Не думаешь обо мне
Я здесь, смотрю
И вспоминаю тебя.
Да, так бывает:
Кто-то смотрит и любит,
А кто-то не понимает
Или лишь притворяется.

ДОРОГА СЛЕЗЫ

Дорога слезы печальная
Начало ее в сердце
Временами блуждает она
Задерживается где-то при дверце.
Дверцы ведут к глазам
Держат!.. Сжимаются пальцы...
А потом бездны ночей
Шамана нечистого в танце.
Дорога слезы медленная
Лениво течет. Смешная,
Думает, что кто-то торопливо
Губами сотрет до дна.

□□□

Я хочу зелёного неба,
Чтобы синие стояли деревья,
А цветы – все чёрные, все чёрные.
Радуги, кстати, не надо.

Звезды мы оставим те же
(Они и так холодно далёки),
А что нам делать с птицами,
Сегодня прилетят аисты?..

Ох, не летите к зеленому небу,
Не садитесь на синие деревья.
Мы и так не возвратим цветов,
Что цвели так красно и розово...

□□□

Я
росту
окрылённая
стану
ласточкой
а
вы...

□□□

Вы спросите, как я?
Спросите у березы,
которая замерла на белом снеге.

Я сегодня ходила в парк,
Там нашла я утешение своё.
Тихо там, немота сокровенная.
Будто на исповеди сам в себе.
Вы спросите, как я?
Будто умершая,
Нет –
Скорее всего он
Во мне.

□□□

Тихо тихо
И немножко больно
И снова
Тихо
Кип-кап
Киип-каап...
Тихий дождь
(Нет различия: весенний ли, осенний ли)
Так легко ранить сердце
Так грустно оно выглядит
Склеенное жёлтой изолентой времени

□□□

Вылезти из слёз,
Дай руку – помогу.
Осторожно с мыслями
Здесь можно упасть,
Сорваться.
Улыбнись –
Это универсальное лекарство.
Его Бог и Для себя использует,
Если его болеет
Сердце
от нас.

□□□

Девушка
На фоне яблони.
Яблонька
На фоне церкви.
Церковь
На фоне неба.
Небо
На фоне Бога.
Бог
На фоне девушки –
яблоньки,
церкви
и неба...

□□□

Дышать.
Ровно дышать,
Не смотреть никуда,
Сосредоточиться на дыхании.
Вдох, выдох,
Вдох, выдох,
У него глубокое и спокойное дыхание
Зеленые глаза и
Детская встреча с миром.
Нет-нет, дышать!
Раз, два
Раз, два
Недоразумений нет,
Есть лишь нежелание.
Нет! Не думать.
Лишь дышать.
Медленно и спокойно.

Сбываются ли мечты?
И что они теперь?
А зачем они?
Раненное сердце сейчас ничего не может.
Лишь дышать:
Вдох, выдох,
Раз, два
Вдох, выдох,
Раз, два

□□□

Баюкает ветер деревья зимние,
Голые деревья, как волосы у деда.
«Старость – не радость,
Смерть – не свадьба».
Белое и черное –
Не радуга на небе.
Зима...

Но выходит солнце.
Нагло является солнце,
Ласкается снегом,
Обнимается с деревьями,
Кокетничает со мной,
Ложась на пол.
Вот это так солнце!
Оно даже цепляется за
Руки и ручку,
Которой я пишу лекцию.
Наверное, солнце не только
Среднего рода.

ЮРИЙ ИЗМАЙЛОВСКИЙ

ПЕРЕВОДЫ С УКРАИНСКОГО

ЯРОСЛАВ ЯСИНСКИЙ

Род. в 1940 г.

□□□

В Праге
Пшеница
Зреет,
Сердце
Разбитое
Греет.
Пшеница –
Живица,
У пражанок
Весёлые
Лица.
В Праге
Зелёной,
В Праге
Червлёной.

Родился в 1922 г. в с. Локти Омской обл. Закончил Омское художественное училище им. Врубеля, учился в Ленинградской академии художеств. Участник Великой Отечественной войны, освобождал Украину. Как поэт-песенник был лауреатом Всемирного фестиваля молодёжи в Берлине (1951) и Всероссийского фестиваля (1961). Стихи печатал во многих коллективных сборниках. Песни на его стихи появлялись в грамзаписи Всесоюзной фирмы «Мелодия», звучали в фильмах «Дом», «Материнской тропой», «Счастливое детство». Автор поэтических сборников «Играй, баян» (1961), «Домашний альбом» (1991), «Женщины и цветы» (1996). Как переводчик особенно много и плодотворно переводил украинских поэтов, проявлял большой интерес к творчеству поэтов Прикарпатья, русскоязычные переводы которых вошли вместе с переводами других украинских поэтов в подготовленную им к выпуску в середине – второй половине 1990-х гг. антологию поэтов Украины «Ковчег». Скончался в 2000 году в Одессе.

ВЕНЕРА В ОКНЕ

Трёх слезинок
На весах
Не весит гном...
Пахнут губы
У Марийки
Молоком.
Три слезы
На эшафоте,
Три посты
Доведут её до рая,
До «прости».
Прага – жажда.
Трону –
Губы опеку.
У Марийки
Сутенёры
Начеку.
Как Марийка
К свадьбе
Китицы
Сплетёт,
Так на голову
Ей ночка
Упадёт.
Милый где-то
Сына пянчит
Там, вдали.
Над калиною
Нависли
Журавли.
Три слезинки
На весах
И белый гном
Приковал
Звезду
Венеры
Над окном.

О Л Ь Г А Ц И В К А Ч

ПЕРЕВОДЫ С ПОЛЬСКОГО

ЯН ТВАРДОВСКИЙ

(Род. в 1915 г.)

НЕ ТАК НЕ ТАК

Моя душа не верит мне
моё сердце сомневается во мне
мой ум не слышит меня
моё здоровье убегает
моя молодость умерла
мои семейные фотографии мертвы
моя страна стала другой
даже ад ошибся остыв

я накрылся с головой, чтобы меня не было видно
но выбежала слеза
и разделась донага

КАК НАЗВАТЬ

Как назвать то не названное
как назвать то ошеломляющее
ту грусть что не соединяет а разделяет
дружбу или иначе невозможную любовь
то что бежало навстречу а было разлукой
всё самое важное что проходит мимо
неприятность любую как холодный спазм в груди
ту страшную пустоту что граничит с Богом
то что если не знаешь куда идти
сама тебя дорога поведет

ВИСЛАВА ШИМБОРСКАЯ

(Род. в 1923 г.)

БОЛЬШОЕ ЭТО СЧАСТЬЕ

Большое это счастье
не знать точно
в каком мире мы живём.

Нужно было бы
существовать очень долго,
решительно дольше
чем существует он.

Хотя бы для сравнения
познать другие миры.

воспарить над телом,
которое ничего так хорошо не умеет
как ограничивать
и создавать трудности.

Для успеха опытов
ясности образа
и окончательных выводов
взлететь над временем
в котором всё это бежит и вертится
из этой перспективы
прощайте навсегда детали и эпизоды.

ВИКТОР ВОРОШИЛЬСКИЙ

(Род. в 1927 г.)

ЭКСПОНАТ ЛИТЕРАТУРНОГО МУЗЕЯ

Они знали всё
Об Осипе
раздетом донага

В выцветшем скоросшивателе
волосатая грудь
и естество

Словно шпилькой приколоты
его холод и стыд
трепетанье мотылька

Теперь
уходят в тяжёлых ботинках и пальто
в чёрную челюсть века

А он стоит
голыми худыми плечами подпирая
разваливающийся мир

Ленинград, сентябрь 1990

КАЗИМИР ВЕЖИНСКИЙ

(1894–1969)

УРОК ОБЩЕНИЯ

Не упоминай о поляках и евреях,
Это минное поле.
Не упоминай о поляках и украинцах,
Это минное поле.
Не упоминай о поляках и чехах,
Это минное поле.
Не упоминай о поляках и литовцах,
Это минное поле.

Не заходи на минное поле,
Взорвёшься.

Существуют иные, на которые ступили раньше
И тоже не о чем говорить.

Так было прежде,
Так и теперь
И так будет всегда,
Пока мы будем пастись
На лугу затетеревелых ослов.

ЯРОСЛАВ ИВАШКЕВИЧ

(1884–1980)

□□□

Как это легко топтать
упавших великанов
разве это задача поэтов
разбивать разбитые гробницы?

Как легко выдумывать
чужому
спрятавшись за стену
защитников справедливости

Но быть справедливым
в час презрения
поднять голос
когда все лисы спрятались по норам
громко закричать
когда все шепчут

О как же мало существует таких
которые сумеют это сделать

Ф И Л О Л О Г И Я П Л Ю С

СЕМАНТИКА ИНВАРИАНТНЫХ ОБРАЗОВ В РУССКОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Структура эталонов, или стереотипов обыденного сознания чрезвычайно сложная, многоплановая и нечёткая. В современной психологии существует мнение, что «некоторые объекты воспринимаются человеком как более типичные представители понятия, чем другие. Воробей – более типичная птица, чем утка, молоток – более типичный инструмент, чем рубанок, а роза – более типичный пример понятия “цветок”, чем нарцисс»¹. Н. Сукаленко считает, что главную роль в формировании стереотипов играет частота встречаемости определённых объектов, явлений в жизни людей, нередко выражающихся в более продолжительных человеческих контактах именно с данными объектами по сравнению с другими, что и приводит к стереотипизации, или формированию общепринятых, устойчивых представлений. Среднестатистический индивидуум встречает воробья чаще, чем утку, молотком пользуется чаще, чем рубанком, а розами любитесь из-за продолжительности их цветения чаще, чем нарциссами².

На наш взгляд, стереотипизация объекта происходит ещё посредством его обобщённого восприятия или абстрагирования, то есть инвариантности формы. Большой гриб и маленький, и средний выглядит одним и тем же обобщённым образом (стереотипным представлением) гриба. В процессе жизненного опыта человек учится правильно

Родился в 1972 г. на Прикарпатье. Кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Прикарпатского университета им. В. Стефаника. В 1996 г. защитил кандидатскую диссертацию по проблемам системного описания лексической семантики. Автор научных работ по общему и сравнительному языкознанию, в которых лингвистическую проблематику исследует и на материале художественной литературы.

¹ Хофман И. Активная память. – М., 1986 – С. 65.

² Сукаленко Н. И. Отражение обыденного сознания в образной языковой картине мира. – К., 1992. – С. 12–13.

выбирать и оценивать варианты и узнавать, когда гриб выглядит маленьким, когда – большим, когда близко, когда далеко и т. д. Это так называемые зрительные стереотипные представления разного уровня абстракции в сознании человека. Таким образом, данная проблема касается соотношения общего и единичного, инварианта и варианта и, следовательно, имеет лингвистическое выражение.

С точки зрения фоносемантики при идентификации слова посетителем языка возникает образ отображаемой действительности. Бесспорно, что слово и его значение связаны с той или иной фонетической формой. На вопрос о соотношении звучания и значения, каким образом они соединяются в слове, по-разному пытались ответить разные учёные³. В своих диалогах Платон первым заметил, что звуки речи обладают некоторой содержательностью, например, есть звуки быстрые, тонкие, громдые, округлые. Самый быстрый звук среди них звук [р], и в переводе на русский язык слова, содержащие этот звук, отражают разного рода качества: река, стремнина, трепет, дробить, кружить, рвать, вертеть и т. д. М. Ломоносов в «Кратком руководстве к красноречию» заметил, что в русском языке частое повторение звука [а] способствует изображению великоления, великого пространства, глубины и вышины.

Фонетическая образность слова непосредственно связана с теорией именования. Фонетическая значимость «старше» значения слов, она «отприродна», изначальна. Речь идёт не о «звуковом образе», а о дыхании сказанного слова, чего-то такого, что хотя и не поддаётся описанию, но все-таки выразительного, что имеет иные ассоциации⁴. Согласно теории инвариантности физические свойства звуков, которые порождают фонетическую значимость, имеют универсальный характер. Графическое же изображение и соединение звуков в словах более индивидуальны для каждого народа, они национальные, личные. Например, древнерусские звуки [а], [б], [в], [г], [д] соотносятся со своими названиями и концентами (значениями), как общее и частное (аз – «первый», буки – «буквы», «знаки», веди – «ведать», «знать», «обладать», глагол – «говорить», добро – «словом делать добро»).

На уровне языковой картины мира, лексико-семантической подсистемы языка закрепление подобных эталонов, концентров происходит прежде всего за счёт устойчивых сравнений и метафор. При сравнении смыслов знакомых слов посетители языка оперируют некоторым гештальт-образованием («пустком смыслов»). Кроме того, стереотипы, или эталоны, являются тем связующим звеном, которое объединяет восприятие, мышление и язык. Они представляют собой «своего рода константы языковой картины мира, поскольку через эти имена в концептуальную картину вылетается то обиходно-бытовое представление о мире, которое зафиксировано данным языком»⁵.

³ См.: Белоус Л. Язык как выражение космического сознания нации // Язык и культура. Шестая Международная научная конференция. – К., 1998. – Т. 1. Философия языка и культуры.

⁴ Содомора А. Наодниці зі словом. – Львів, 1999. – С. 19.

⁵ Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М., 1986. – С. 46.

Одними из составляющих образной языковой картины мира являются цветообозначения. Представитель когнитивной семантики Э. Рош утверждает, что фокусные базовые цвета (прототипы) распознаются человеком скорее, с меньшим количеством ошибок, чем нефокусные, то есть формируются эталонные стереотипные цветообозначения⁶.

Так, белизну других предметов скорее сравнивают со снегом, молоком, сахаром или мелом. Но нередко при выборе цветообозначения для описания того или иного предмета или явления создаётся ситуативная вариативность эталонов. Причиной этого может быть не столько стремление непосредственно определить цвет, сколько передача ощущения-впечатления. При этом проявляется элемент условности (ср. фразеологически связанные общеупотребительные стереотипы) и субъективные, индивидуальные ощущения: «И тоненький бисквит ломая, тончайших пальцев **белизна**» (О. Манделштам), «Укрывшись ночью навесной, здесь **белизна** сурьмится углем» (Б. Пастернак).

Национально-культурные символы временами настолько сильно «врастают» в практическую деятельность человека, хранят так много следов в образном спектре от соприкосновения с реальной действительностью, что между ними начинает исчезать демаркационная линия⁷. Таким образом, слова *снег, молоко, сахар, мел* входят в толкования слов как отдельные компоненты значения, обозначают в разных языках обобщённый инвариантный смысл (семантему) '**белый**'. В русском языке этот смысл образует значения, или отдельные лексико-семантические варианты: *белый, молочный, меловой, муцистый, белоснежный, снежный, белесый, кремовый, телесный, мраморный* и т. д.

Принадлежность приведенных выше значений к установленному семантическому инварианту (обобщённому смыслу) подтверждается их функционированием в поэтическом языке. Смыслы основных цветообозначений, представленные в отдельных стихотворениях русских поэтов, создают вокруг себя определённое семантическое поле, определённые идеи и образные переживания. Например, полисемия белого цвета достаточно обширна, не только ассоциируется с белизной, но также вбирает в себя такие свойства как непорочность, чистоту, безжизненность, которые, в свою очередь, могут концентрироваться в разных образах.

Инвариантные смыслы русских цветообозначений можно продемонстрировать с помощью парадигмы образов в поэтическом тексте, предложенной в статье Н. Павловича⁸. Каждый словесный (звуковой, фонетически содержательный) поэтический

⁶ Язык и интеллект: Сб. / Пер. с англ. и нем. – М., 1995. – С. 156.

⁷ Сукаленко Н. И. Отражение обыденного сознания в образной языковой картине мира. – С. 89.

⁸ См.: Павлович Н. В. Парадигмы образов в русском поэтическом языке // Вопросы языкознания. – 1991. – № 3.

образ является членом некоторой парадигмы, то есть передает определенный семантический инвариант. Представим некоторые типы парадигм:

экзистенциальное пространство – время: Исчезнуть навсегда, но суждено идти мне / По **снежной улице**, в вечерний этот час... (О.Мандельштам);

время – вещество: И день сгорел, как **белая страница** / Немного дыма и немного пепла! (О. Мандельштам);

время – существо: Крадутся минуты, как **серые кошки** (В. Луговской);

брови – птица: Брови – **черные стрижи** (Н. Клюев);

свет – призрак: Мигает **красный призрак** – заря (А. Блок).

Таким образом, на основе свойства каждого образа принадлежать одной или нескольким парадигмам и принимая во внимание соответствующие формальные структуры, можно проводить исследования по проблемам развития авторского образного языка; характеризовать авторский стиль художника, проследить соотношение общего и единичного, инварианта и варианта в семантике текста, установить семантические отношения между словами в пределах одного высказывания, отдельного текста.

К БЫТИЮ В СООТВЕТСТВИИ С ПРИРОДОЙ

(Пути поиска «новой гармонии»)

В условиях глобального экологического кризиса возникло движение поиска новой формы рациональности, где субъективные переживания человека рассматриваются не только психологически, как на этом настаивал Э. Гуссерль, но и бытийно, онтологически. Т.е. через «бытие в соответствии с природой». Возобновить единство человека с природой, как считал Э. Фромм, можно двумя путями: 1) регрессивным (смерть или психическая дезорганизация) и 2) прогрессивным – «быть вновь рожденным». Второй путь охватывает развитие способности к «самосознанию», «любви» в такой мере, когда в состоянии «новой гармонии», «нового единства с миром» преодолевается эгоцентризм. Именно овладение идеями дзэн-буддизма, по мысли Э. Фромма, приведет к желаемому результату¹. Э. Фромм повторяет автора книги «Европа и Азия» (Мюнхен, 1939) Т. Лессинга, говорившего о возрождении природного, «языческого» состояния человека и мира с помощью «тайных знаний» Древнего и Дальнего Востока, моральных принципов буддизма, не предвидящих «обязательств человека относительно к божеству». Также английский историкософ А. Дж. Тойнби в переписке с японским культурологом Д. Икедой (1976) указывал, что человечество должно вернуться к пантеизму, ибо только он может привести индивидуальное человеческое бытие к непосредственному контакту с первобытной духовной реальностью вместо того, чтобы предлагать ему только опосредованный контекст с ней или через посредничество внечеловеческих природных сил, или через институты коллективной человеческой власти².

Аналогичную мысль выдвигал иранский философ С. Х. Наср, автор книги «Экологические проблемы в свете суфизма»: следует возродить древние религиозно-мистические учения о единстве человека и природы, пантеизм, согласно которому мир пребывает в боге, а бог проявляет себя в мире. Для этой концепции все космические явления владеют таинственным значением, выступают символами реальности более высокого порядка. Именно синтез мистического пантеизма суфиев с научным познанием мира и даст возможность решить экологические (и не только) проблемы современности³. Как писал украинский культуролог Ю. Султанов, «...суфизм, как трансцендентальная философия, только развился в границах ислама,

¹ См. об этом: *Полицук Н. П.* Проблема социальной активности (Э. Фромм, И. Проджер, А. Зайдервельд) // Буржуазные концепции культуры: Кризис методологии / Отв. ред. В. Г. Табачковский. – К., 1980. – С. 234.

² См. об этом: *Соболь О. И.* Неогуманистические концепции // Буржуазные концепции культуры: Кризис методологии / Отв. ред. В. Г. Табачковский. – К., 1980. – С. 339.

³ См.: *Поликарпов В. С.* Наука и мистицизм в XX веке. – М., 1990. – С. 124–125; *Хромова К. А.* Философские воззрения Сеида Хосейна Насра // Малюшков В. Г., Хромова К. А. Поиск путей реформации в исламе: Опыт Ирана. – М., 1991. – С. 158.

но зачат и существовал задолго до его (т.е. ислама, – О. Г.) возникновения»⁴. Если для суфиев-мусульман «арханческий аспект» суфизма достаточно раскрывается через аллегорию «вино»: семена суфизма были посеяны во времена Адама, дали ростки во времена Ноя, расцвели во времена Авраама, начали развиваться во времена Моисея, созрели во времена Иисуса и дали чистое вино во времена Мухаммеда⁵, то для идеологов «вестернизации» Турции Пеями Сафа и Балтаджиоглу суфизм восстал из той составной духа народов Турана (скифо-иранских и тюркских этносов), которой является индоевропейский (праарийский) синтез мышления с первобытной мистической способностью чувствования и ощущения⁶, или же синтез интеллекта с интуицией, что приводит к познанию и развитию человеческого духа и что основывается только на любви⁷. В Иран, в революционную землю суфиев, в начале 20-х гг. XX века пошел русский поэт-язычник В. Хлебников, создатель славянского варианта неопантеизма, мечтающий о «русском исламе», о «Ладомире» – единстве человека и человечества с природой, когда человек становится всеохватывающим, как природа, а природа – единой, вселенской личностью. Иран, Туран, вся Азия становятся для поэта символом Единства человека, истории и природы.

Да, путь на Восток прокладывает М. Фуко в своей «Истории безумства в классический век» (1972); к ветхозаветному Востоку обращается Ж. Деррида в своём антилогоцентрическом «антиэллинизме». Апеллирует к китайской философии Ю. Кристева в своей критике «индоевропейского логоцентризма» (где под понятием «индоевропейскость» понимается современная цивилизация рационалистического Запада), не способного постичь и выразить алогическую сущность мира, а отсюда – и накладывающего «запрет» на свободную ассоциативность поэтического мышления⁸. Благодаря тому, что поэт, согласно И.-В. Геге, владеет до-опытным знанием, т.е. опыт, понимание даны ему от природы, именно поэты на Востоке постигают символизм гармонии между природой и человеком, между человеком и Богом. Не удивительно, что пути многих поэтов вели к реальному пребыванию на Востоке: на Ближний Восток – Н. Гоголя, Ю. Словацкого, А. Крымского, В. Епиклева; в Египет – В. Соловьёва, Н. Гумилёва, Марка Твена, Я. Потоцкого, Лесю Украинку; в Азербайджан (древняя арийская Атропатена) – С. Есенина, Вяч. Иванова, М. Пришвина,

Ю. Михайленко; на Кавказ – М. Лермонтова, О. Одоевского, Т. Лада-Заблоцкого, В. Стшельницкого, М. Гулака; в татарский Крым – А. Пушкина, А. Мицкевича, М. Волошина; в Казахстан – Т. Шевченко, Г. Зелинского, Ф. Достоевского и многих других.

В русской неидеалистической традиции В. Соловьёв становится не только основателем традиции «внимания к Востоку»⁹, но и создателем «метафизики всеединства» с её тяготениями к панэнтеизму, в котором считается, что все процессы мира сами по себе не божественны, но только владеют пребывающей в Боге сущностью¹⁰. В. Соловьёв призвал вернуть в сферу познания природы и религиозные представления. Т.е. необходима её «сакрализация», возвращение природе «священного», символического характера¹¹.

В книге «Человек и природа» уже упоминаемый нами С. Х. Наср провозгласил, что следует вернуться к неоплатонизму и средневековому символизму, следует за всем, что окружает нас, – за формой, фигурами, числами, цветом – видеть символы Бога¹². Бывший идеолог Конструктивной культуры Т. Роззак соглашается с С.Х. Насром, что наука может научиться видеть природу как зеркало, отображающее высшую реальность, обширную панораму многозначных символов¹³. Эта «символология» происходит от «криптографической теории» шведского мистика Сведенборга, считавшего, как и позднее Г. В. Ф. Гегель, природу божественной криптограммой, подлежащей дешифровке: мир – это храм, в котором стены укрыты письменами, изображениями и заповедями божества.

Аналогично ирландский епископ Дж. Беркли считал, что в чувствах человек должен видеть знаки, символы, отображающие слово Божие и что их следует расшифровать, постигая этим самым Божественный смысл. Также алхимики базировались на принципе, что все явления природы – это не просто факты, существующие сами по себе, но символы реальности высшего порядка. Например, процесс превращения металлов в золото – это аналогия преображения души, что исходит от Бога. Не удивительно, что сюрреалисты (француз А. Бретон, украинец М. Баскин), основываясь на вере в «высшую реальность» определённых ассоциативных форм, увлекались алхимией. Исходя из этой позиции, алхимию следует рассматривать не только

⁴ Султанов Ю. І. «Заповітна мова» класичної суфійської поезії епохи мусульманського Ренесансу//Галицько-буковинський хронограф: Гуманітарний альманах – Івано-Франківськ-Чернівці, 1997. – С. 87.

⁵ Там же. – С. 80.

⁶ См.: Нариманов Б. С. Взгляд на турецкую философию: Диалог Евразии и арийское наследие//Арийский Восток и Арийский Запад//Под. ред. Б. Х. Ангурова. – М., 1998. – С. 104.

⁷ См.: Султанов Ю. І. «Заповітна мова» класичної суфійської поезії епохи мусульманського Ренесансу. – С. 83.

⁸ Ильин И. П. Восточный эстетический интуитивизм и западный праационализм: «Поэтическое мышление» как доминантная модель «постмодернистского сознания»//Восток – Запад: Литературные взаимосвязи в зарубежных исследованиях: Сб. обзоров/Отв. ред. Е. М. Дьяконова. – М., 1989. – С. 183.

⁹ См.: Молодяков В. Э. Концепция двух Востоков и русская литература серебряного века//Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – М., 1990. – Т. 49, № 6. – С. 504–514.

¹⁰ Возняк В., Лимонченко В. Всеединство: Метафизический контекст//Творчість Володимира Соловйова в контексті культури Срібного віку: Матеріали Міжнародної наукової конференції, присвяченої 145-річчю від дня народження В. Соловйова/Відп. ред. В. Г. Скотний. – Дрогобич, 1998. – С. 4.

¹¹ Ср.: Борейко В. Е. Божественное в дикой природе: Попытка анализа и религия охраны природы//Гуманитарный экологический журнал. – К., 1999. – Т. 1. – Вып. 2. – С. 38–39.

¹² См.: Шахнович М. И. Тайна бога: Глобальные проблемы современности и модернизация идеи бога. – К., 1990. – С. 146.

¹³ См.: Хиггинс Р. Седьмой Враг: Человеческий фактор в глобальном кризисе (главы из книги) / Пер. с англ. / Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности / Сост. Л. И. Василенко, В. Е. Ермолаевой. – М., 1990. – С. 48.

предшественницей современной науки (т. е. якобы не имеющей значения для современной науки), её роль важна и теперь, что блестяще доказали К.-Г. Юнг и С. Х. Наср.

Как известно, вследствие такой позиции «символологии природы» весь мир, наука, искусство, культура являются пространственной («символической») репрезентацией определенной духовной сущности космического порядка. А поскольку эта «высшая духовная сущность» («космический человек») проявляется как будто в каждом человеке, то каждый человек вмещает в себе потенциально весь мир¹⁴. По мнению о. С. Франка, интуиция возможна именно потому, что каждый субстанциональный элемент укоренён в Абсолюте и до всякого нашего познания его он уже находится с нами в непосредственном контакте – соединённый с нами не сознанием, а через само наше существование¹⁵.

В своей статье «Миф, история и тайна» А. Вагнер де Рейна утверждает, что существует знамение, знак «космической истины», в котором зашифровано более значимое содержание, нежели то, что мыслится или выражается словами. Этим знаком, шифром есть «миф», изложенный метафорами и символами. Он раскрывает бытие, сущность трансцендентного, сущность космоса. Позиция синтеза научного знания с мистическим, таким образом, объясняет рациональное знание как знак, иероглиф, символ утаённой, живой, одухотворённой природы. Именно этот подход чётко определил в «теории соответствий» основатель американской философии трансцендентализма Р. У. Эмерсон. Согласно этой теории все явления природы являются символами, или «эмблемами» явлений высшего (трансцендентного) порядка: существует аналогия между небом и землей, материей и духом, частью и целым, и это должно служить нам поводом к входу в область знаний. Якобы видимый мир и взаимоотношения составных его частей представляют циферблат, за которым прячется механизм невидимого. Еще раньше об этом говорил И. Кант: как часы относятся к мастеру, корабль – к строителю, так чувственно воспринимаемый мир относится к невидимому, которое я хотя и не познаю таким, каким оно есть само по себе, но познаю таким, каким оно есть для меня, а именно – по отношению к миру, частью которого я состою. Отсюда выстраивается область «вещей самих по себе», принципиально недоступных для нашего познания (трансцендентных; в т.н. «новом конфуцианстве» существует понятие непознаваемых идеальных сущностей «ли»), о которой можно говорить только по аналогии с нашей собственной культурно-производительной деятельностью. Эту область Платон в седьмой книге «Государства» называет «светом», «солнцем», «божественными вещами» (позже названы «идеями»). Сам философ определил задание «вытащить» «божественные вещи» в сей мир, завладеть ими (т.е. стать магом, имеющим власть над трансценденцией, ирреальными стихиями). Как указывает украинский философ Т. Возняк, именно учитель Платона Сократ был первым, кто попытался ввести эту практику («майевтику») с помощью человеческого разума и номинации (называния) «божественных вещей», за что и

¹⁴ См.: Поликарпов В. С. Наука и мистицизм в XX веке. – С. 46.

¹⁵ См. об этом: Воицкии И. В. Солдаризм и философия // Посев. – М., 2002. – № 3. – С. 20.

был осуждён¹⁶. В отличие от Сократа древнекитайский философ Цю Кун-цзы (Конфуций) на уровне государства получил признание своей практики «исправления имени». «По существу, это искушение гордыни, грех гордыни – покушение на недостижимость Божественного Ничто, приведшее к разрыву первичного отношения к Ничто... – по существу, это был бунт против первичной недискурсивной связи... между человеком и Богом!»¹⁷. Как писал о. Сергей Булгаков, устремляясь к свету Божества, изливаемому в миростроении, язычник-эллинист жаждет прорваться за границы природы, осуществить трансцендирование¹⁸. Украинский философ Н. Хамитов констатирует, что эту, языческого происхождения, «платоновско-византийскую традицию» до сих пор пытаются реализовать носители неоиdealизма¹⁹.

В Библии это покушение на область «Божественных вещей» символически изображено в строительстве «Вавилонской башни». Аналогично социализм, по мнению Ф. Достоевского (роман «Братья Карамазовы»), есть «вопрос Вавилонской башни», что строится не для достижения небес с земли, но для низведения небес на землю. Также антропософия Р. Штейнера, согласно Н. Бердяеву, есть желанием «всё добыть снизу», неуступчивым желанием прорваться к духовному миру. Единственное спасение современного западного человека от цивилизации Модерна (Рационализма) – это, как утверждает французский философ из «новых правых» М. Клавель, пробуждение от сна относительно чудниц, которых порождает разум²⁰. Если человек цивилизации гордыни (Люцифера, Прометея) дал существование небытию так, как стол дает существование небытию дерева, следует возвратиться от небытия к бытию, к непосредственности вечно полноценного бытия²¹.

Антитезисом гностическому «о-существлению божественного» является, согласно Т. Возняку, «в-божествление человека»²², вхождение в общесимволический мир высшей Божественной мудрости, о чём писал Г. Сковорода, которую его последователи (П. Юркевич, В. Соловьёв, С. Булгаков, П. Флоренский, Б. Вышеславцев, Л. Карсавин и др.) назвали «Софией».

Но если в иудеохристианской традиции Тот, Кто ответил Моисею «Я Есть Сущий», открылся перед человеком только по собственной воле, то в учении о Бытии М. Хайдеггера (призывающего отказаться от сократовско-платоновской гордыни и вернуться к досократовской традиции философствования и продолжить её как «неоязычество») осуществление воли Бытия зависит не только от него самого, но и от людей. Поэтому все отношения между Бытием и человеком осуществляются в

¹⁶ Возняк Т. С. Тексти та переклади. – Харків, 1998. – С. 147.

¹⁷ Там само. – С. 143.

¹⁸ См.: Булгаков С. Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения / Подгот. текста и коммент. В. В. Сапова; Послесл. И. М. Долгова. – М., 1994. – С. 278.

¹⁹ Хамитов Н. В. Україна: Національна міфологія та національна ідея // Розбудова держави. – К, 1994. – № 1. – С. 31.

²⁰ См. об этом: Кутасова И. М. Антифилософия «Новой философии». – М., 1984. – С. 47.

²¹ См.: Павленко А. Н. Бытие у своего порога // Человек. – М., 1993. – № 3. – С. 38–39.

²² См.: Возняк Т. С. Тексти та переклади. – С. 149.

«модальности надлежащего»: человек должен, не проявляя поспешности, наблюдать и слушать Бытие и потом запечатлевать увиденное и услышанное в поэмах и других произведениях искусства. Этим человек «собирает и сохраняет» Бытие в различных его проявлениях, что является назначением и призванием человека. Иными словами, человек-поэт осуществляет коммуникацию эмпирического и трансцендентного миров: описывая плоть мира, поэт одновременно одухотворяет её и, наоборот, дает духу пластическую форму. Не удивительно, что философ и поэт В. Соловьёв синтезом материализма и идеализма, рационализма и мистицизма (шире – науки, философии и религии) жаждал постичь божественное начало в каких-либо феноменах действительности (перу его принадлежит труд о красоте в природе). Т.е., как писал Н. Бердяев, задача человека – рискнуть раскрыть в себе творческим актом все силы Бога и мира настоящего в свободе от мира призрачного, каким его видит позитивизм, сициентизм и грубый рационализм. Тем самым осуществится мечта Гегеля о спасении в том, что человек сам в себе осуществит решение своих собственных противоречий, – мечта, которую неверно взялись реализовать левые гегельянцы и Фр. Энгельс.

Следствием такого «самораскрытия», по мнению Н. Бердяева, должно стать «новое синтетическое мировоззрение», которое объединит язычество с его греческой красотой и христианство с его средневековой романтикой, в котором бы осуществилось не только воскресение христианского Бога после господства атеизма, но и языческие боги, т.е. «сиритуализированная» Природа. То же провозглашал о. Сергей Булгаков: следует «оязычить» христианство, ведь именно язычество может быть национальной религией, не противоречащей идее национальной зова, язычество «благочестиво», «верно земле и природе»²³.

Это же понимали и создатели психоанализа. Так, К.-Г. Юнг в письме к З. Фрейдю от 11 февраля 1910 года писал о том, что следует с помощью психоанализа оживить среди интеллектуалов чувство символа и мифа, незаметно преобразовать Христа вновь во пророчествующего Бога вина, которым он и был, сделать культ и священный миф тем, чем они действительно есть – оняняющим праздником радости, где человек приобретает дух и святость животного²⁴. Цель «примирить» Христа и Диониса избрал для себя поэт и философ Вяч. Иванов, перетолковывая, как утверждал П. Флоренский, христианство в духе вакхизма и оргазма, строя «новый миф» (но не «строю свободу!»), его увлекает бог природной стихии Пац и богиня пластической красоты и земной любви Афродита. Все адепты «неоязычества» мечтали возвратить человечество в «дохристианские культы», в поклонение стихиям, к религии порождающих сил (кстати, в Библии слово «лицит» есть символ принципа «порождения»). Но массового обращения в неоязычество не состоялось, ибо нереломным моментом должна была стать смена позиций в вопросе о возможности и желанности этого возрождения язычества именно у сельской интеллигенции. Правда, у поэтов-

²³ *Акулинин В. И.* Философия всеединства: От В. С. Соловьёва к П. А. Флоренскому. – Новосибирск, 1991. – С. 21.

²⁴ Из переписки З. Фрейда и К. Юнга / Перев. с нем., введ. и коммент. А. М. Эткнда // Психологический журнал. – М., 1989. – Т. 10. № 5. – С. 146.

«новокрестьян» этот сдвиг произошёл. В поэзии Н. Клюева дышит первичная, непосредственная сила, мистерия, даже оргия стихийных творческих сил, «космическое чувство ритма», чувство острого противостояния Природы и Цивилизации.

Теперь же именно обогащение восточной традицией сможет снять это противоречие, воскресить подлинную духовность, спасти человечество от экологического кризиса. И не последнее место отводится уноминаемому выше суфизму. Для него только Бог есть реальным в абсолютном понимании, а мир – лишь только зависим от Бога, «относительная реальность». Иранский суфий С. Х. Наср пришел к выводу, что невозможно существование какой-либо реальности как самодостаточной и рядоположенной Богу. Поэтому «брешний мир» в той мере, в какой он реален, не может быть ничем другим кроме как Богом. Он один именно и Бытие, и Надбытие, а весь мир в целом и какая-либо вещь этого мира (духовная или материальная) несут на себе «отпечаток божественной реальности»²⁵. Турецкий суфий Ю. Эмре (ум. 1321 г.) провозгласил, что искать Бога следует в своём сердце, а не в Иерусалиме, Мекке или хадже. Суфий Шабистари писал, что всё, что есть в космосе, может быть найдено в душе, а всё, что есть в душе, существует в космосе. Тот, кто руководит душой, руководит и космосом.

Суфии («тасавуф») провозглашают формулу «вахдат аль-вуджуд» – «единства всего сущего», что во внешнем мире кажется множественностью, но есть Единсущим по существу²⁶. Т.е. Бог – та же сущность, что и мир, только в форме единства, а мир, вселенная – такая же сущность, как и Бог, но только в форме множественности. По природе своей они похожи, по форме – различны. Поэтому суфизм называют «мистическим (трансцендентным) пантеизмом»: природа растворена в Боге до полного уничтожения (что и есть истина, постигаемая путём непосредственного созерцания и интуиции) и Бог проявляет себя в природе²⁷, существует во всех процессах и явлениях как их сверхприродное начало. Аналогичную позицию провозглашали доктрины амальрикан, И. Эриугены, И. Экхарта, М. Мальбранша, «научный теизм» А. Реттердоля, «научный мистицизм» А. Эйнштейна и др.

Суфизм утверждает, что люди – это эманация божественной сущности в их индивидуальном существовании. Вместе с тем их истинное бытие – это Бог. В словарях суфиев есть объяснения «Я – это Ты», «Ты – это Я». Именно эта позиция считается древним наследием от общендоарийской традиции Великого Турана, и сохранилась она также в «Упанишадах» индуизма, где «этот мир», все вещи вышли из Атмана – Брахмана и туда же возвращаются.

Суфии, таким образом, – пантеисты, провозглашающие единство Бога, человека и природы. Разницу между своей доктриной («вахдат аль-вуджуд») и европейским

²⁵ *Хромова К. А.* Философские воззрения Сеида Хосейна Насра. – С. 159–160.

²⁶ *Салганик М.* Гармония пелама: Заметки на полях одной книги (о С. Х. Насре) // Иностранная литература. – М., 1992. – № 5–6. – С. 307.

²⁷ См.: *Хромова К. А.* Философские воззрения Сеида Хосейна Насра. – С. 160–161; *Шахнович М. И.* Тайна бога: Глобальные проблемы современности и модернизация идеи бога. – С. 94.

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ – МИСТЕРИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Награждения и прочие раздачи слонов почти всегда провоцируют культуролога на сквозные размышления и таблоидное присутствие. Вот и теперь, после информации о награждениях авторов годовыми премиями уважаемого мною журнала «Сучасність», некий давно вызревавший в черновиках текст приобрёл вдруг зримые очертания и «попросился быть». Повод: среди премированных текстов обнаружилась статья Оксаны Пахлёвской «Украинские шестидесятники: философия бунта» из апрельской, прошлого года, книжки ежемесячника.

Среди весьма доктринальных и «по-научному» обставленных постулатов статьи доктора Пахлёвской выделяется непримиримый приговор литературному поколению «восьмидесятников»: «Nouvelle vague “молодой” литературы начиналась поиском underground’a, а отсюда «тусовочной» формой литературы. Поэтому в литературе внешне доминировало личное начало, а на самом деле формировалась психология групп, «тусовок», чьим цементирующим раствором были не солидарность или общность идей, а импульсы более прагматических интересов. Пришли в несоответствие желание герметической «элитарности» и желание славы (но в этом случае, так сказать, «неопасной» славы, сравнительно с «опасной славой» шестидесятников, за которую платили жизнями). Собственно, поколение 80-х годов уже познало вкус «неопасной славы». Вспомним помпезные литимпрезы агонизирующего режима. «Несогласные» и цековские цензоры в одной шлюпке разбитого корабля системы».

Выше цитированное напомнило нечто радикальное из публицистики бывшего диссидента, а теперь одного из вождей РХП Михайла Горыня: «Нет, не стали восьмидесятники наследниками или оппонентами шестидесятых годов. В лучшем случае они мелкие пигмеи мизерной расчётливости».

Обычно такие инвективы характерны для адвокатов «обиженных» поколений, ведь всем известна уязвимость нападающего прошлого: споры между отцами и детьми обязательно решаются в пользу будущего. Украинских шестидесятников к «обиженным» не причислишь. Согласно законам отечественного «производства героев» (так и хочется написать «некрогерои»), почти все из тех, кто сорок лет назад вышел бунтовать против тоталитарной серости «ушибленной ширью Руси», введены ныне в официальные пантеоны – от учебников и словарей до министерских номенклатур. Неизвестна (пока?) украинскому культурному полю и московская ситуация скандальных люстраций (вроде разоблачений «сексотовского» прошлого Булата Окуджавы). Впрочем, тут аналогии грешат натянутостью. Как некогда заметил Тцара: история-то возникает из шляпы...

Первое, что приходит на ум для объяснения: неприязнь к «восьмидесятникам» произрастает из особого, «мифо-академического» видения прошлого. Для поколения

* Статья написана для газеты «Столичные новости» в феврале 2001 г.

пантеизмом («вахдат аль-мевджут») суфии видят в том, что в европейском (сократо-платоновском) случае метод познания идёт «снизу вверх» (наука представляет собой результаты исследования и изучения всего сущего, всех вещей, где, собственно, существует создатель), в то же время в суфизме познание идёт «сверху вниз» (путём Откровения).

Но для этого пути нужна свободная воля раскрыть в себе это Откровение. Этой позицией суфии тождественны американским трансценденталистам (Р. У. Эмерсон, Г. Торо, Т. Паркер, Б. Олкотт, Дж. Рипли, В. Готорн и др.), согласно которым цель человека – обнаружить в глубинах собственной души трансцендентное начало и подчинить свою жизнь его имманентным императивам, что открылись человеку. Личное самоосуществление индивида есть способом осуществления онтологического, провиденциального замысла – возвращения природы к высшей, совершенной сущности, которую Р. У. Эмерсон называл «сверхдушой». Трансцендентализм осознавал себя как наследника традиции «освобождения Бога» из трансцендентного в имманентное, как древние греки в ежегодных дионисиях символически освобождали Диониса-Загрея от безумия («не от мира сего») с помощью богини природы Великой Матери Кибелы в день зимнего солнцестояния (когда солнце «возвращается к миру»). Именно в этом контексте следует понимать слова Фр. Ницше, «последнего дионисийца», о «смерти Бога»: вместо мистерии «освобождения Бога» – «Мы его убили – вы и я!». Т.е. человек «разрушил естественные связи с природой и заключил себя на «продолжительное одиночное существование»...»²⁸.

Но время осознания «смерти Бога» для человека-материалиста есть и временем как обновления истинной духовности (для русских – это православие, для восточных народов – их исконные традиции, для цивилизаций Западного полушария – возвращение к патривизму), так и расцвета мистицизма (например, движения New Age, gothic culture), временем осознания того, что только духовное обновление спасёт человека и природу от опустошения, что нужно заново постичь многое из забытого и невостребованного нами. Мы должны отказаться от привычного для нас материалистического общества и вспомнить о ценностях той эпохи, когда всё ж было гораздо проще отношение к природе, ко времени и к своему предназначению.

²⁸ Гиренок Ф. Н. Русские космисты. – М., 1990. – С. 13.

60-ых годы, лежащие между вводом войск в Афганистан и падением Берлинской стены, стали динамической паузой, диахроническим «местом неуверенности», топосом смещённости и смущённости. Да и перестроечные годы, когда признанные (в том числе и компартийным официозом) и, будем полагать, увлечённые делом искусства прозаики, поэты, кинорежиссёры целым поколением подались в *мир соседствующих заголовков* – в политику, с рубежа тысячелетий отнюдь не выглядят ни верным выбором, ни триумфом.

Не исключено также, что самим бунтовщикам 60-х «состязание» двух означенных поколений на протяжении последнего десятилетия ныне видится проигранным.

Ведь попытка положить в фундамент новой государственности шестидесятилетний «этос-пафос» не удалась ни в Украине, ни в России. И вряд ли провал этого проекта напрямую связан с постмодернистской доминантой эпохи. Скорее тут сыграл свою роль фактор, о котором проговаривается в своей статье Оксана Пахлёвская, когда пишет, что «60-ые годы явились жгучей магматической основой украинской современности». Рискнём напомнить, что государственность (тем более в эру глобализации) стремится иметь фундаментом не жидкую магму перемешанных с эмоциями и благими порывами идей, но твёрдый гранит вразумительного прагматизма. Даже присутствие в нынешнем Кабинете министров поэта-шестидесятника скорее подчёркивает эклектику высшего истеблишмента, его структурное тяготение к экзотическим вкраплениям, а значит – слабость, которую пытаются (сознательно либо интуитивно) компенсировать мифом. Например, мифом о победивших бунтарях. И всё это не случайно, а имеет, как говаривают на УТ-1, «глубокую историческую традицию».

Первым дошедшим до нас интеллектуальным документом Киевской Руси стало поучение митрополита Иллариона «Слово о законе и благодати», в котором прагматическому началу (закону) была противопоставлена благодать – надмировая *справедливость*. Адресовано поучение было Ярославу Мудрому с семейством, то есть – государству. Прикрытая христианской терминологией языческая духовная стихия уже тогда, на заре державного становления, требовала «особенного пути», сопряжённого с законом через этос. Так что вряд ли верно то, что «генетический код новой Украины был создан шестидесятниками». Они нам представляются не более, чем выразителями тысячелетней «линии Иллариона», бунтарями во имя Справедливости, а возможно, и заведомыми заложниками того социального театра, который во все времена и при всех режиссёрах нуждается в громогласных героях, закоспелых злодеях, безмолвствующей массовке и кровавых жертвах.

Что же беспокоит ныне апологетов и популяризаторов шестидесятилетия? Статья о «философии бунта» отвечает: *синдром десакрализации*. «Высокоэрудированная, но сознательно провокационная «десакрализация» Шевченко открыла ворота собственно люмпенизированным настроениям, «окунула» аналитический уровень в неаппетитное месиво частных комплексов. Патологическая эйфория «десакрализации» породила микроорду новых газетчиков-литературоведов (явный намёк на скандального Олеса Бузину, а может, и на иных, заставляющих печень Данко гореть

синим пламенем – В. Е.), таких себе «вечных хунвейбинов», напрямую «подключенных» именно к люмпенизированному потребителю».

Думается, что «территория тревоги» обозначена здесь Тарасом Григорьевичем больше для проформы. Он то, пожалуй, несмотря на изрядную надгрызенность пряничной иконы «пророка», менее всех уязвим для кавалерийских атак деконструкторов. Гораздо большую опасность представляют злонакостные развенчители для более свежих ореолов шестидесятников.

Ведь что ни говори, а ваятели мифа 60-ых годов мыслят иногда, несмотря на приобщённость к современной западной культуре и диаспорное местопребывание, очень совково: если была революция (бунт), то должен быть Музей Революции и сторож при входе в оный. Похоже, они даже не подозревают, что предлагают наследникам немеркнувшей славы наиболее профанный ритуал Мистерии Справедливости, просмотрев который, сегодняшняя молодёжь лишь ухмыльнётся: ты, мол, с какого, парень, года и с какого парохода... А, между тем, десакрализация – это самый обычный (и мирный, прошу заметить) способ, которым новое расчищает себе место для «бытийствования на стыке сил земли и мира» (Хайдеггер) и прощается с прошлым.

Новое неизбежно сурово к идеалистам, видящим изначальную неизменность «земли», но упорно, до фанатичного блеска глаз, не желающим признать изменчивость, игривость и парадоксальность «мира». Так и видишь прустовского барона де Шарлю, неистово колотящего тростью по багажнику автомобиля...

Шестидесятники всегда экономили на стиле. И если московские фронтёры в конце концов сумели выработать собственный салонный шарм, то в Украине все унаковочные претензии крестьянские дети традиционно полагали относящимися к компетенции лукавого ведомства. А ведь уже в те времена было известно, что стиль является несущим стержнем гуманитарной стратегии, если эта стратегия не местечковая и претендует на нечто большее, чем переназначение политических лозунгов и смысловых топосов типа «враг народа».

Пастбища для «вечных хунвейбинов» открываются там, где этический бунт не сопровождался бунтом эстетическим. Тонкий исследователь судеб украинского модернизма и первостатейный поэт Юрий Тарнавский вообще отказывает шестидесятникам в «бунте и философии»: «Вынырнувшие во враждебной модернизму, да и вообще автономному искусству, среде, оторванные от западных литератур, шестидесятники... были литераторами, выросшими в среде соцреализма и никогда не освободившимися от его влияния, разве что заменившими лозунги марксизма-ленинизма лозунгами национальности (не вполне национализма). Можно очертить их платформу как нацреализм. Обновление шестидесятников произошло практически только в тематической плоскости; использовали они методы соцреализма, который лучше всего рассматривать как искривлённый романтизм».

Таким образом эстетический бунт (революция языка) пришёлся на долю следующего поколения украинских литераторов – Валерия Шевчука, Игоря Кальшца, Грицька Чубая, «Киевской школы поэзии». И можно теперь только догадываться,

что бы было, если бы отечественные «мастера красного слова» смогли достичь в своей текстовой магии полноты признаков «української художньої істоти» на два десятилетия раньше. Может быть тогда тексты, созвучные прозе Медвидя и Пашковского, появились бы до Чернобыля и кочевое письмо обрело бы духовное укрупнение и свой смыслообразующий Град...

После эпохи модернизма народнические практики в искусстве (с революциями и бунтами включительно) отошли в область профанной и неубедительной пропаганды. Оказавшись последними настоящими (а не игровыми-альянсными) народниками в живой традиции украинской культуры, шестидесятники были обречены на поражение. Их задвинула за пределы актуальности вовсе не «микроорда», а нечто более фундаментальное, а именно: *новый способ высказывания в культуре* (основанный на игровых аспектах номадической сингулярности), с которым народническое трактование человека, смысла его бытия и традиции несовместимо. Куда сегодня пристыковать художественность и философию Драча–Костенко–Сверстюка? К безоблачной кичёвой буржуазности «коронованных слов»? К трансавангардному протесту против глобализма? К постмодерной иронии элитарных снобов? К имперскому традиционализму «новых правых»? К феминизму? Скажут: куда не надо пристыковывать. Они вполне самодостаточны, как, скажем, самодостаточна исповедующая ценности шестидесятничества газета «Литературная Украина». А то, что всдуший поэт next-поколения Сергей Жадан измывается над этой газетой, называя её существование следствием нездоровой психики и неправильного питания, то разве в этой сквозной неприкаянности мёртвых символов виноваты ровесники Рымарука–Андруховича–Забужко?

Риску посоветовать тем, кто искренне страдает по поводу отсутствующего в данной Мистерии happy end'a: не ищите злокозненных врагов там где их нет, подождите очередной смены эпох, когда на кон истории играющие Силы выбросят новую комбинацию культурных символов. Лет через 30–35 будущие стратеги украинского street style вспомнят прикольных бунтарей из далёкого прошлого и сконструируют матричную эстетику «моды на шестидесятые», перензададут книги и напишут новые... Ведь прав был А. Ф. Лосев: «Жизнь наша есть всё та же мучительная и сладостная игра бытия с самим собою».

«Исповеди взвешиваются богами и кладутся ими в основания новых эпох». Уже и не вспомнить, кто был автором этой сентенции. То ли Павсаний, петвёрдо выходявший из храма Вакха, то ли сам Вакх, петвёрдо покидавший шатёр Арпады. Как бы там ни было, но теперь-то нам, продвинутым, ясно: пророчество было о постмодерне. И петвёрдость была не случайной: *hard ground* остаётся в прошлом. Или, если хотите, глобальнее: *hard остаётся в прошлом!*

Это словосочетание (а также пафос, претензия, пожелание, что-то другое мягкое, начинающееся глухим «п»), вертелось в моей голове все десять вечеров, проведённых над страницами шестнадцатого номера альманаха «Четверг» («eM энд Жо»). Впечатляющий (четыреста убористых страниц) проект неутомимого Издрыка был задуман как антология «мужской и женской» прозы новейшего поколения городских литераторов Западной Украины, которому наши классификаторы ещё не придумали названия (нельзя же считать *твёрдым* лейблом опунизмы типа «постдевяностники»).

Набор авторов преимущественно львовский, маркированный одним известным именем – Любка Дереш. Остальные пока неизвестны: неформалы, экспериментаторы, стихийные контркультурчики, дети травы и литподворотен, четверговые големы и голимые прозелиты Издрыка: Сергей Скляренко, Пётр Яценко, Алексей Пузырь, Андрей Пруднус, Лилия Скворон, Ирена Карпа, Яна Дубинянская, О.Крынгальца, Елена Каннская, Ганна Розчар и совсем уже псевдонимные Weba and John B.P.Nav. Тринадцать литературных исповедей плюс пьеса из жизни клонов – совместное творение редактора и таинственной девушки Web'ы. Всё настоящее и свежее. До запаха детсадовской спальни.

Флагманский текст Дереша занимает четверть объёма «eM энд Жо». Роман. Называется «Поклонение ящерице». Весьма трогательное повествование о подростковой любви и о не менее подростковой ненависти, развёрнутое на тёмно-зелёном фоне Карпатских предгорий. Искреннее, *мягче* и теплее первого романа Любка «Культ». *Очень городская проза*. С таким градусом ненависти к рустикальному, которого никогда не достигали отечественные модернисты. И всё очень естественно и прозрачно, несмотря на «ныряющую» описательность в стиле ползузабытых «приключений Кроша». В финале трое детишек долго мочат нехорошего и поразительно живучего гошника Федю. Так долго, что удержаться от *мягких* аллюзий на распутическое убийство стоит усилий.

В других «рассказах из пережитого» присутствуют ущелья и лабиринты неожиданных смыслов. Иногда эти смыслы перехлёстывают собственный описательный ресурс, ступают, превращаются в символы. Так, у Елены Каннской в повести «Письмо. Книга первая» есть непроверяемые сповидческие строки, довольно точно обозначающие текстовый ландшафт Шестнадцатого номера:

«Уся поверхня молока була густо-густо вкрита недопалками. Їх було так багато, що саме молоко було ледь видне (...) Потекла, розводячи собою молоко і розитовхуючи недопалки. Розсіювалась у молоці – так схоже на дим. Червоший дим у білому повітрі. Її шкіра робилася на смак, мов яблука».

Молоко, покрытое окурками...

Окурками дорогих, благородных на вкус сигарет и простых косячков...

Мягкими, размоченными окурками...

К этим окуркам другая девушка – Веба может добавить ещё и древних богов, возникающих из «хлодной манной каши» прямо в пищеводе лирической героини. Не зря, не зря Издрык отстраняется от этой прозы «туалетным» названием проекта. Рядом с такими пищеводами обитать песнокойпо. Даже на терпеливой бумаге.

Женская проза антологии вообще изобилует локальными шедеврами. Чего только стоит героиня повести Ирены Карны «50 минут травы (когда умрёт краса твоя)» Евка. Эта странная девушка «блюёт завислыми взглядами» и в сентябрьские ночи собирает куклы вуду под прицельным наблюдением белых котов. Грибы и трава, разумеется, в ассортименте.

Вот так. Love me, love my umbrella. Ничего не поделаешь – это добротная (местами даже очень добротная) проза srank или же непотопляемых «придурков» из американского студенческого блокбастера (текст П. Яценко так и назван – «Возвращение придурков»). Глупо обижаться на их приколы, не стоит заводить их в клетку моральных координат. Они умны и демобилизованы со всех фронтов. И с улично-разборочного, и с этического. Никто не вправе оспорить их выбор. Так им комфортнее.

Соответственно, тяжелее критикам и комментаторам. Не зря Шестнадцатый номер был встречен недоброжелательным молчанием зоилов. О его причинах полезно поразмышлять. Ведь в отечественных культурных весах каждое упорное молчание – крик навыворот.

Версия первая: испуг. Тексты «eM энд Жо», действительно, своеобразны и с трудом втискиваются в затасканные схемы украинского литературоведения. Тут не помогают даже рекомендованные Барт и Деррида, над которыми потеют теперешние аспиранты-филологи. Ювенильная энергия литературных детей ломает устоявшиеся формы (и нормы форматности, кстати, тоже), и молодая украинская проза кочует к новым берегам, не обращая внимания на крики академических пастухов. Она становится парадоксальной, эстетически разновекторной и даже паракультурной, а для колхозного официоза и прочей НСПУшной братии это – как известно даже в Институте литературы – «гроб с музыкой».

Версия вторая: «eM энд Жо» не прочитан. Отчасти в этом виноват сам Издрык, не снабдивший мягкий объём антологии жёстким стыковочным узлом добротного предисловия. Ему, конечно, извинительно: ну не хочет олдовый боец андеграунда гадить на идеалы юности и одевать пастушечий брыль. Сам ведь когда-то обходил всех и всяких литпастухов десятой дорогой. А без предисловия – нет сплетни (творцы качественных литературных сплетен, как проверено практикой, дальше предисловия никогда не читают). А без сплетни в нашем литературоведении рецензируют только *за что-то*. Такой вот осадочный hard.

Версия третья: все утомлены необычно густыми и обильными потоками нового в литературе. Соответственно, растерялись и не различают перспективных явлений в мягких обложках. Ведь привыкли при совке, что новое направление в искусстве возникает не чаще чем раз в столетия. И то после тщательной проверки анкет всех к нему причастных реалистами в питатском. А тут вдруг несанкционированное майором столпотворение: нicoлы, дискурсы, феномены всякие. Вот диалоги украинских культурологов и начинают смахивать на известный анекдот про Василия Ивановича и Петьку, летящих в самолёте:

– Василий Иванович, что приборы?

– Шестнадцать.

– Что «шестнадцать»?

– А что «приборы»?

Версия четвёртая: известно, что каждый украинский «луч света в тёмном царстве» должен светить из какого-нибудь гранта и обладать зелёным оттенком, иначе он попадает под подозрение в неактуальности. Ведь в продвинутых кругах правильным считается только то, что просмотрено экспертами иноземного фонда и одобрено: «Гут, малышик, гут!», а ещё лучше, когда «Гут, девушка». На Шестнадцатом номере (да и на издательском проекте «Четверг») грантовая виза отсутствует. Хотя «девочек» в «энд Жо» предостаточно и при большом желании доказать полезность проекта для стратегии Очень Открытого Общества (и для феминизма вообще) труда не составит. Господам рекомендуем приобщаться. Заходить в «eM» то есть...

Возможно, «факторы умолчания» из всех четырёх версий имеют место быть в различных жизненных сочетаниях. Как бы там ни было, а факт остаётся фактом: критикой *не замечена* провокативная антология, обладающая несомненным ресурсом будущности.

Говорят, что кавалерийские атаки на «литературу высокой полки», составившие событийный хвост культурным сражениям девяностых «за наш постмодернизм», уходят в прошлое. Будем надеяться, что новое поколение предложит свою химию для литературных синтезов и очищений. Прежние формулы, как известно, не сработали. А на страницах «eM энд Жо» уже строятся мягкие-зыбкие контуры новой действительности, как в видениях героини Ирены Карны: «...*панір, як і розчинені на сьомому поверсі вікна, прекрасно виконував роль провідника всіх панівреалій*».

Эти контуры нетвёрды, обидчивы и предлагают нам к себе присмотреться. Ведь иногда в маленьких и кочевых кусочках бытия прячется большая правда. Ведь заметил же в своё время гигиенист Набоков: «Мухи не ползают, а ходят и потирают руки».

СПОРЫ ОБ ИСКУССТВЕ СЕГОДНЯ

(субъективные заметки)

Название данного сборника предполагает, естественно, наличие в нём прежде всего художественных произведений. Однако понятие «литература» всё же шире, чем собственно художественные тексты различных родов и жанров, даже если оно ограничено предикатом «русскоязычная» и прикреплено к определённому географическому пространству, именуемому «Прикарпатье». В понятие «литература» неизменно входит и то, в чём эта человеческая деятельность осуществляет свою рефлексию (саморефлексию) и что реализует себя в жанрах литературной критики и публицистики. А эта рефлексия всегда ориентирована на некую общую «сущность дела», которую нельзя ограничить ни географически (или регионально), ни даже по языковому признаку, но которая так или иначе входит в то, что называется эстетическое сознание времени. Поэтому представляется вполне уместным и закономерным представление в книге под названием «Русскоязычная литература Прикарпатья» материала, посвящённого проблеме современного восприятия искусства вообще и словесного искусства в частности.

Жизнь народа никогда не проявляется в книгах, для него писанных, разве, может быть, у германского народа; жизнь народа проявляется в его инстинктах и его верованиях, а книги (нельзя в том не сознаться) скорее способны ослаблять и разрушать их, чем возбуждать и поддерживать.

Ф. И. Тютчев

Искусство... – гарант восприятия мира в его целостности, хранитель целостности личности, целостности культуры и жизненного опыта человечества.

Ю. Б. Борев

Два эпитафия, предисланные статье, достаточно отчётливо, на мой взгляд, передают самую суть той спорной проблемы, которая существовала с незапамятных времён и которая сегодня приобретает особую остроту: приносит искусство пользу или вред?

Традиционно на роль и назначение искусства смотрят, так сказать, с высокой точки зрения. Какие бы функции ему ни приписывали, одну или много, в общем направлении искусство в любом случае должно было влиять возвышающе, очищающе, созидающе, улучшающе, но никак не наоборот. И оказывалось, что всё, что наоборот, это не-искусство. По крайней мере, так учили и учат в школе, вузе, в толстых и тонких художественных, литературно-критических и общественно-литературных, как было принято выражаться в не столь уж далёком прошлом, изданиях. Мы так привыкли. Нам так удобно и уютно. Наконец, спокойнее.

Но при этом как-то совсем без внимания осталась другая сторона проблемы – кому и когда *вредит* искусство? – вопрос, совершенно не проходной в сегодняшней ситуации, когда после долгого «А можно ли?» с обязательным ответом «Никогда!» наконец наступило долгожданное «Всё можно!», и, кажется, нет ничего, что пельзя.

Между тем ответы на этот вопрос вполне конкретны.

Искусство вредит тем, что способно порождать устойчивые иллюзии и «мифы», которые имеют свойство восприниматься как большая реальность, нежели сама реальная жизнь. Совпадая с определёнными нашими привязанностями, мыслями, ощущениями, искусство посредством своей экспрессивности может убедить своих потребителей в абсолютной истинности их мировоззренческих взглядов, моральных позиций и т. п. В результате очень часто имеем только одно – отвращение к окружающей жизни и людям за то, что они не совпадают с тем нашим желаемым, которое, благодаря такому общению с искусством, казалось совершенно осуществимым. Причём сила такого отвращения, как правило, прямо пропорциональна силе «вдохновения», порождённого в процессе восприятия реципиентом художественного произведения.

Искусство вредит тогда, когда порождает желание подражать изображённому в нём образцу – желание, которое у многих и многих никуда не ушло вместе с эпохой соцреализма и которое никак к одной не сводимо. Как бы хотелось быть похожим на того или иного – особенно любимого – литературного героя! Так в нём всё органично, закономерно, упорядочено, эстетически и – главное – этически убедительно и приемлемо! И как обо всём этом рассказано! Даже трагедии – и те часто оптимистические и прекрасные. И, вдохновившись таким желанием, закрывают книгу и идут уже не к вымышленным ситуациям и персонажам, а к реальным людям и непредсказуемым реальным событиям, от которых и зависит, собственно говоря, невымышленная жизнь. Итог очевиден – разочарование, страдания от утраченных иллюзий, которые в брызги беспощадно разбивает жизнь, совсем не желая (и совершенно справедливо) с ними считаться. Вывод такого реципиента: или жизнь плоха, или автор – зол и коварен.

Искусство вредит тем, что при определённых условиях организации общества и государства может активно использоваться в качестве эффективного средства идеологической, психологической обработки людей, может ослеплять им глаза и предлагать нарисованные воображением картины как заменитель жизни действительной. Тогда человек начинает раздваиваться, начинает жить по принципу «не верь глазам своим» и, в конце концов, превращается в объект, легко поддающийся социально-психологическим манипуляциям господствующей политической власти. Правда, одновременно искусство вредит и любой тоталитарной системе, вредит своей неоднозначностью, идеологической невыдержанностью, ибо всегда говорит о чём-то большем, чем стремится сказать замысел автора и требует от него деспотический социально-государственный заказчик, а то и совсем противоречит этому навязанному извне заказу. Ведь никто, скажем, не мог запретить читателю «Поднятой целины» М. Шолохова задуматься: почему крестьян должен учить их исконковечному крестьянскому делу Семён Давыдов, который (хоть и вполне привлекательно

написан) к земле никогда никакого отношения не имел? Точно так же никто не мог запретить читателю романов «Что делать?» или «Как закалялась сталь» поразмыслить: кто же будет сеять хлеб, рожать и воспитывать детей, если все станут профессиональными революционерами-жертвенниками, и почему, собственно, эти жертвенники имеют право принуждать других жить по их меркам? Тем более, что революции, судя по всегдашнему изначальному предположению, совершаются не для того, чтобы все вмиг превратились в революционеров или «особенных людей», а всё же для того, чтобы люди могли по-человечески жить. А нормальные люди – это именно та самая масса, к которой за поддержкой постоянно апеллируют революционеры.

Искусство вредит тем, что часто, если не в преобладающем большинстве случаев, вдохновенно зовёт к новым идеалам, которые будто бы можно воплотить в реальность. И при этом оно хорошо знает, что идеалы потому и называются идеалами, что они в полном объёме фактически невоплотимы. Как следствие – в реальной практике совершается исторически традиционная подмена идеалов (действительно высоких) временными интересами конкретных властных сил, а художник из слуги Истины рискует превратиться в придворного стихотворца, от которого в любой момент можно избавиться, оставив ему (желательно, конечно же, посмертно) «лавры» глашатая нации (или партии – «не всё ли нам равно?», как справедливо писал А. С. Пушкин), или отходит в сторону с гнетущим ощущением собственной ненужности. Пример В. В. Маяковского в этом отношении совершенно закономерен и логичен.

Искусство вредит тем, что оно не может гарантировать (обеспечить) адекватное своей природе восприятие произведений потребителями (реципиентами). Когда Аристотель писал о катарсическом воздействии трагедии на зрителей (катарсис как духовно-психологическое очищение, погашение в процессе переживания произведения от начала до конца существующей в человеке агрессивной энергии), то определил скорее идеальную, желаемую схему восприятия искусства, нежели ту, которая реализуется в действительности, тем более в условиях массового потребления столь же массового и хаотического потока литературно-художественной информации. То, что искусство всегда связано с возбуждением у реципиента аффективного состояния, ни у кого не вызывает сомнения. Проблема же состоит в том, что далеко не каждый реципиент беспокоится о катарсисе, о предполагаемом художественным текстом погашении аффекта. Да и цели (как осознаваемые, так и неосознаваемые), с которыми реципиенты обращаются к художественной продукции, слишком уж различные, а то и противоположные: от созерцательно-познавательных до сугубо аффективных (чтобы вызвать желаемое эмоциональное состояние). Мазохисты будут наслаждаться только теми страницами, где эффектно воспроизводятся мазохистские намерения, садисты – теми, которые посвящены издевательствам над другими, сентиментальные барышни и дамы охотно будут обливаться слезами, проникаясь выдуманными страданиями выдуманных же героев и в то же самое время абсолютно спокойно будут презирать ближних за то, что те так непохожи почему-то на любимых персонажей, будут обделять сочувствием тех реальных людей, которые действительно в нём нуждаются. В результате такого «восприятия» общение с искусством предстаёт

формой садомазохизма или эмоционально-моралистического возбуждения, от которого никому лучше не станет.

Искусство вредит тем, что может совершенно реально побуждать людей (через тот же непогашённый аффект) к общественно негативным поступкам. Уже не раз писали о том, что много произведений детективного жанра даже помимо воли их авторов (но не исключается и обратный вариант) можно воспринимать как «учебное пособие», как форму-способ передачи «передового опыта» преступников. И в то же время, когда к искусству относиться только как к развлечению и когда реципиент перенасыщен «опытом», приобретённым в таких «развлекательных» произведениях, не без участия продукции искусства в человеке неизбежно формируется равнодушие как жизненная позиция. Тогда начинает действовать принцип душевной комфортности, а всё, что её нарушает, – «с глаз долой, из сердца вон».

Наконец, не говорю уже о тех общеизвестных случаях, когда слишком доверчивые и восхищённые читатели гётевского «Вертера» или карамзинской «Бедной Лизы» действительно заканчивали жизнь самоубийством. (Воистину, как предрекал Тютчев, «Нам не дано предугадать, Как слово наше отзовется...»).

При этом стоит отметить, что отрицательным влияниям искусства (разновидности которых не исчерпываются указанными проявлениями) подвластны не только обычные (их ещё называют некомпетентными, нетребовательными, наивно-реалистическими) потребители, но и элитарная, компетентная, требовательная публика, а то и сами художники. Достаточно вспомнить опыт тех русских символистов начала XX века, которые искренне верили в истинность своего философски-эстетического мировосприятия и в полном соответствии с ним стремились творить собственную повседневную жизнь, формировать отношения между людьми как некое произведение, в котором люди играют определённые роли, а жизнь превращается в церемониальное театрализованное действие. Ни к чему, кроме личного краха, символистов это не привело.

Безусловно, роль искусства в человеческом обществе не сводится ко всему вышесказанному. Но абсолютно неуправляемое, абсолютно свободное, разнонаправленное в своей случайности и независимости от какой-либо прогнозируемой совокупности факторов действие искусства обуславливало то, что на протяжении всего времени его исторического существования, в поисках его сущности и значения, искусство то возносили, то низвергали, связывали то с Божественным, то с сатанинскими началами Бытия, то старались диктовать ему перспективы будущего развития, то пророчили ему быструю и неминуемую гибель или вырождение. Всё это оказалось одинаково бессмысленным и было (и будет) совершенно равнодушным самому искусству, которое жило, живёт и будет жить независимо от того, что о нём думают, и совершенно не требуя оправданий собственного существования. Искусство, как гласит старая истина, подобно жизни, существует потому, что не может не существовать, и существует не по сознательной воле людей, хотя, как говорится, человеческими руками и творится. Более того, когда вспоминаешь свидетельства предвосхищающей («кассандровской») функции искусства (от, скажем, гоголевского прокурора из «Мёртвых душ», у которого только и было, что густые брови, до Единого Государства из замятинского

«Мы», а ещё дальше к грустному предупреждению Чехова о возможной будущей судьбе человечества, когда оно может забыть то, «как называлось это белое дерево (берёза)»), то не можешь освободиться от мысли, что искусство существует как пасмешка Судьбы над самоуверенным человеческим обществом и как бы постоянно обращается к людям со словами: «Вы ищите какого-то необыкновенного будущего, каких-то особенных, невиданных ценностей, а я уже вам обо всём этом давно рассказало, но вы же не слушаете; дело ваше, но тогда не пеняйте потом ни на кого за то, что вас обманули или чего-то вам вовремя не сообщили – уже всё давно сказано, нужно было лишь не только слушать, но и слышать, не только смотреть, но и видеть».

А в таком случае получается, что искусство существует не столько как совершенно ненужная вещь, сколько как вещь невостребованная из-за неумения к ней подступиться, из-за отсутствия ясного представления о её подлинной, только ей свойственной природе и назначении. Отсюда не будет преувеличением считать, что вопрос о том или ином воздействии искусства, о смысле его существования, о его роли и значении в человеческой и общественной жизни – это не проблема самого искусства, а исключительно (по крайней мере, преимущественно) проблема самих его потребителей, от которых только и зависит, чем искусство станет в их жизни. Оно может быть уникальной сферой универсального диалога между опытом людей и народов всех исторических эпох; или – уникальной возможностью высказаться для того, чтобы осознать безграничность духовного мира и ощутить ограниченность собственного дискурса. Оно может помочь преодолеть собственный эгоизм и сознание своей исключительности, понять настоящую свободу духа, которая достигается только через перевоплощение и сопереживание путём диалогического преодоления в процессе восприятия (перцепции) и осмысления (рецепции) произведения не только собственных приверженностей, но также осознания ограниченной истинности, неокончателности и авторской позиции художника. И наоборот, искусство может остаться чем-то ненужным, хотя и привлекательно раздражающим, а иногда и порабощающим фактором. При этом и до, и после общения с искусством человек должен при всех возможных изменениях в чём-то главном оставаться самим собой и не утрачивать Богом данный ему неповторимый голос.

* * *

Закончилось XX столетие, за плечами 2-е тысячелетие нашей эры, что совпало у нас с завершением длительной тоталитарной эпохи. Старое, хочется надеяться, уйдёт в прошлое, новое является (если является вообще) в достаточно спорных формах. Вместо всё ожидаемого нового имеем лишь очередное (сколько их уже было в нашей истории!) состояние перевала со свойственной ему внешней какофонией самых разнообразных голосов, для каждого из которых всё чётко и ясно, и внутренней потребностью здоровой рефлексии, которая бы позволила посмотреть на мир не сквозь наши желания, а через его бытийные реалии, которые существуют независимо от узкого круга наших субъективных стремлений. Вместо этого всё ожидаемого

нового имеем состояние тотальной переоценки, которая вместо того, чтобы всему отдать должное, чаще всего сводится к замене знаков – минуса на плюс и наоборот.

Не уйти от этой переоценки и искусству, которое сегодня функционирует не только в виде классических, «высоких» образцов, а хлынуло на своих потребителей, к которым сегодня фактически принадлежат все, всей иерархической массой своей продукции. Причём вмешательство искусства в самом широком понимании этого явления в сознание и повседневную жизнь всех общественных слоёв таково, что от него уйти не может практически никто: ни тот, кто непосредственно общается с ним, ни тот, кто знает о нём только со слов других, ни тот, кто относится к нему серьёзно, ни тот, кто к нему равнодушен. Те или другие персонажи, фабульные ситуации из известных произведений, имена художников и связанные с ними темы, мотивы, идеи, морально-этические и эстетические устремления в непосредственных и опосредованных формах (личное знакомство с произведениями, рассказы о них знакомых, информации литературных критиков, публицистов, телевидения, радио и др.) проникают в сознание настолько, что о них нельзя не говорить, нельзя сделать вид, что их не существует.

Поэтому сегодня, в условиях постоянного окружения человека всё возрастающей лавиной художественной продукции всех родов и сортов, вопрос о функциях и влиянии искусства, о реальных направлениях этого влияния целесообразно ставить не с точки зрения идеального представления о желаемом, не с точки зрения определённого социального заказа, а прежде всего с точки зрения имманентной природы самой художественной деятельности, т. е. того, что определяет условия полноценного общения с ней.

Осмысляя трагический опыт XX века, Варлам Шаламов говорил: «В новой прозе – после Хиросимы, после самообслуживания в Освенциме и Серпантинной на Колыме, после войн и революций – всё дидактическое отвергается. Искусство лишено права на проповедь. Никто никого учить не может, не имеет права учить. Искусство не облагораживает, не улучшает людей. Искусство – способ жить, но не способ познания жизни...»¹.

Татьяна Иванова как бы отвечает, опасаясь возможности возврата к тоталитаризму (добавлю от себя, что всё далее цитируемое относится далеко не только к России, но и к нам): «Что же останется нам..., нашим детям? Кто скажет им: «Товарищ, верь, взойдёт она...»? Кто объяснит им, что человек рождён для свободы? Кто расскажет, что такое вообще свобода и как приходится за неё бороться в России?... И убежище у нас и наших детей на все самые лихие времена одно – наша литература. Наша классика»².

¹ Цит. по: *Золотопосов М.* Отдыхающий фонтан // Октябрь. – 1991. – № 4. – С. 171.

² *Иванова Т.* Первая, единственная – и последняя надежда // Знамя. – 1991. – № 5. – С. 236–237.

Таким образом, спор возвращается к двум энграммам. И всё же человеку, каждому в отдельности, а не всем скопом, без опекунов решать, чему и у кого учиться, самому болезненно постигать сущность свободы, иными словами, самому ежедневно совершать, говоря категорией М. М. Бахтина, свой ответственный поступок как по отношению к жизни, так и по отношению к искусству по той простой причине, что именно этому отдельному человеку и нести ответственность за свой выбор, и не формальную, от которой можно так или иначе откупиться, а по существу – всей своей жизнью, от чего откупиться невозможно.

СВЕТЛАНА КОРШУНОВА

ЧИТАЙТЕ ПУШКИНА...

Зависнув как-то в ситуации постмодернизма и очумело барахтаясь в номадическом пространстве Ивано-Франковской ризомы, встречаю я одного знакомого и бросаюсь к нему со словами: «Я поняла, ты постмодернист!!!». На что тот испуганно открестился: «Чур Вас, Светлана Ивановна, Пушкина читайте, Пушкина!».

Куда бы держава (за которую чаще всего почему-то обидно) ни посылала русского или куда бы сам он ни отправился по доброй воле, с ним всегда Пушкин. Не то, чтобы каждый запасался хотя бы томиком избранного, просто каждый знает, что есть такой – Пушкин. Кажется, он в России был всегда, даже до того, как родился, по-цветаевски, «всегда и отвсегда». Ведь это он рассказал нам о тех настолько далеких, что не верится, что они были, временах, когда вещий Олег, впоследствии окольцованный черной гробовой змеей, прибывал щит на вратах Цареграда, а киевские князья выдавали замуж дочерей, и в этот процесс вмешивались хазарские ханы да всякая нечисть, которая, несомненно, тогда существовала, как и вещий Баян, и кот учёный, и Кощей, пад златом чахнувший, и, конечно, сам Пушкин.

В русских семьях (образованных и не очень) с Пушкиным знакомятся, обычно, в том возрасте, когда гораздо слаще слушать чтение, чем читать самому. И хотя ни сказки, ни знаменитое «У лукоморья...» не создавались Пушкиным как «детская литература», чаще всего именно они приходят на смену детским колыбельным. И остаются навсегда ворохом символов, аллюзий и воспоминаний.

Родилась в Илимске Иркутской области. Окончила факультет филологии Ивано-Франковского государственного педагогического института. С 1972 г. по настоящее время – преподаватель, старший преподаватель, доцент кафедр русской и мировой литературы, кандидат филологических наук. Постоянный автор журнала «Зарубіжна література в навчальних закладах». Автор исследований по русской и украинской литературе.

Но если Пушкин приходит к нам в детстве, то мы приходим к нему в меру своих потребностей. И тогда начинаются у каждого свои «прогулки с Пушкиным».

Давно уже простившись с нежным возрастом, я, тем не менее, благоговейно перед пушкинскими сказками. Моя любимая – о старике и старухе, которых «развела» золотая рыбка: искусив «очевидным невероятным», возвратила к разбитому корыту и «лишь хвостом по воде плеснула». Строго говоря, супружеский дуал того стоил, но лишь с годами, присматриваясь к жизни взрослых, я поняла, что Пушкин написал не сказку, а Сказ, где вывел супружеский архетип незадачливого старого «дурачины, простофили», которому ничего не надо, и ворчливой, «еще прежнего» бранящейся старухи, которой, наоборот, надо больше и больше. Такая вот жизненная антиномия... «Ай да Пушкин, ай да сукин сын!».

Помню свою первую книгу сказок Пушкина – на украинском языке (впрочем, как и «Незнайка...» Носова). Моя русская семья была переселена после войны на Западную Украину выполнять великие замыслы «отца народов». И то, что книга была не на русском, не будило тогда во мне никаких вопросов. Хорошо, что политика недоступна детскому сознанию. Иллюстрации были врубелевские – надрывные, зловещие. Навсегда запомнились: полуженщина-полулебедь в пологорота ко мне и, лежащая в хрустальном гробу, недоступно красивая спящая царевна.

Чаще всего о Пушкине говорят кратко – гений, таким образом как бы отстраняя его от себя, оказывая почтение. Но для самого Пушкина гениальность была разлита везде. Его Моцарт так и сказал Сальери перед тем, как тот стал убийцей, что в мире много гениев, «как ты, да я». Но предупредил, что «гений и злодейство – две вещи несовместные». Так и остался Сальери с этой загадкой: гений он или не гений?

Для меня Пушкин – гений любви. Я даже не имею в виду особую чувственную фактуру его стихов. Эротичность и сексуальность Пушкина едва ли не самый модный сейчас дискурс исследования. Я не об этом. Пушкин (всерьез или опять напроказничал?) так высоко забросил планку любовника, что можно воспринимать это уже как деформацию, а не идеал. Он онтологизировал гениальную партитуру игры под названием «любовь», заключительный аккорд которой столь же гармоничен, как и вся партия:

*Я вас любил так искренне, так нежно,
Как дай вам Бог любимой быть другим.*

Неужели такое расставание возможно? Или это улыбка чеширского кота, которую то здесь, то там оставляет Пушкин, простой себе «русский мещанин», как ему правилось самого себя называть?

Если бы я чему-то действительно училась у Пушкина, то, используя название современного бестселлера, училась бы «невыносимой лёгкости бытия» (хотя, по моему, это все та же улыбка). Но одно качество, бесспорно, свойственно Пушкину: желание постичь жизнь не в быте («жизни мышья беготня»), а в бытии:

*Я понять тебя хочу,
Смысла я в тебе ищу.*

Иногда это называют пушкинским бесстрашием или его «всемирной отзывчивостью». Если бы мы умели быть так же бесстрашны, читая Пушкина! Тогда не возникли бы сегодня претензии к поэту у части украинцев, обидевшихся на поэму (!) «Полтава».

Но сам Пушкин умел ускользать из-под обывательского пресса и больше всего ценил в жизни свободу: поведения, мысли, творчества. И писал об этом так:

...ветру, и орлу,

И сердцу девы нет закона.

Гордись: таков и ты, поэт,

И для тебя условий нет.

«Пушкин – это состояние», – сказала Марина Цветаева.

Возможно, потому, чтобы быть, «подобно Пушкину, более русским, более образованным, более свободным человеком» (что, собственно, не удавалось никому, включая автора этой цитаты И. Тургенева), мы, русские, и влечём за собой туда, куда нас бросает судьбина или ведёт счастье, кто томик поэта, кто лик, а кто просто печать на душе. А уж там, где нас оказывается побольше, появляются школы имени А. С. Пушкина, кафе, его изваяния или улицы. Впрочем, закон критической массы срабатывает не всегда...

В Ивано-Франковске тоже была улица Пушкина. И, признаюсь, мне, да и не только, казался очень удачным такой альянс: улицы-параллели Шевченко и Пушкина соединялись университетом имени В. Стефаника. А если добавить еще сквер А. Мицкевича, получался неплохой литературный топос. В год 200-летия Пушкина его имя исчезло из этого топоса. Слава Богу, что сквер А. Мицкевича и его памятник остались, и слава Богу, что в городе не было памятника Пушкину.

Может, так материализуется *топос поражения*, о котором говорит Владимир Ешкилев. Только вот чье это поражение?

ПАВЕЛ МАКСИМОВ

ИСТОРИЧЕСКИЕ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ «СКАЗКИ О ЦАРЕ САЛТАНЕ...»¹ А. С. ПУШКИНА

Сюжет «Сказки о царе Салтане...» записан поэтом в 1822 г. в Кишинёве. Несмотря на известность, обстоятельства создания произведения остаются малознучеными. Для решения вопросов, указанных в заглавии, обратимся к тексту и рассмотрим происхождение имён персонажей. Обращает на себя внимание значительная этническая разнородность. Например, из текста следует, что Салтан – царь христианской страны, хотя его имя явно восточного происхождения. Однако это мнимое затруднение облегчает поиск, так как из христианских государств оно распространено лишь в Венгрии (Золтан). Вспомнив о месте записи сюжета, нетрудно установить происхождение прозвища Бабариха: по-румынски *Babarişa* – ведьма. Славянское происхождение других прозвищ – очевидно. Следует отметить, что такое сочетание имён позволяет сделать несколько неожиданный вывод – все имена связаны с народами дунайско-черноморского региона.

Кроме того, обращает внимание геральдический характер представления главных героев. Имя Гвидон, хотя и вызывает ассоциацию с итальянским *Guido*, образовано от общеславянского ГОВЯДО (бык, крупный рогатый скот). Напомним,

¹ «Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди». Далее по тексту – «Сказка...».

что с четырьмя геральдическими атрибутами – солнцем, луной, звездой и лебедиными крыльями – представлена и царевна Лебедь. Сюжет «Сказки...» позволяет объединить все указанные символы и сравнить их с описанием геральдмейстера А. Б. Лакиера: «Молдавский герб, то есть воловья голова, иногда со звездой между рогами... солнцем и полумесяцем по сторонам головы». ² Добавим, что не менее постоянными элементами являются и лебединые крылья в обрамлении щитов.

Сопоставим сказочное княжество Гвидона с Берладской землей (современная Молдавия и часть Буковины), которая в XII веке была протекторатом Галицкого княжества. Как известно, острова Буяна на Черном море нет, но это словосочетание созвучно древнегреческим *Ιστρος* [*Istros*] – Дунай и *βοανος* [*Bojanos*] – Боян, название должности наместника верховного правителя. ³ В таком случае, государство Гвидона – Истрийский бан (Дунайское наместничество), расположенный на важном торговом водном пути. Среди главных источников богатства названа «белка под слью», но и эти два слова созвучны древнегреческому *ελ-βηλος* [*el-belos*] – портовая таможня. Из летописных источников также известно о военно-морских силах Берладской земли, которые не только отражали врагов, но и сами совершали набеги на черноморские гавани. Среди чудес названо и появление белокаменного города на месте, где был лишь «дуб зелёный». Действительно, в берладских пределах был город Дристра на Дунае. *Δρυς*, *δρυος* [*drys*] – дуб (*др.-греч.*). В XII веке выше по течению был построен город Галац. *Γαλας* [*galos*] – молочно-белый, *λίθος*, *αδός* – [*lithos*, *laas*] – каменный (*др.-греч.*). ⁴ Важно также отметить, что путь из Галаца шёл по Дунаю «прямо на восток» в Чёрное море, а потом поворачивал на северозапад в устье Днестра. Этим водным путем корабли достигали «царства славного Салтана» – Галича.

Перейдём к сюжету «Сказки...», заметив, что он не нов и достаточно известен в литературе с античных времён. Однако причины выбора именно этого сюжета для изображения галицких событий XII века представляют интерес. Обратимся к летописям. В середине XII века, укрепляя династические связи, Владимирко Галицкий женил сына Ярослава на Ольге, дочери Юрия Долгорукого. После смерти отца в 1152 г. Ярослав вступил на галицкий престол. Отношения в княжеской семье не сложились, но, опасаясь братьев Ольги, Ярослав сохранял видимость семейного благополучия. Причиной раздоров была любовница князя боярыня Настка Чагоривна. Открытый разрыв произошел в 1173 г. Получив известие о смерти киевского князя Глеба Юрьевича, Ярослав, по совету Настки, решил насильно постричь Ольгу в монастырь. Узнав об этом, она бежала с сыном Владимиром в Польшу. Это событие потрясло галичан. В городе вспыхнуло восстание. Ярослав был арестован. Его приятелей Чагоревичей зарубили, а Настку сожгли на костре. «**А князя вдовише ко кресту, яко ему имѣти княгиню въ правду, и тако уладившася**» – свидетельствует

² Лакиер А. Б. Русская геральдика. – М., 1990. – С. 311.

³ Константиин Багрянородный. Об управлении империей. – М., 1991. – С. 373, 492.

⁴ Аналогичное происхождение имеет топоним Галич. *Γαλας* [*galos*] – молочно-белый, *λίθος*, *αδός* (*ας*) – [*lithos*, *laas*] – каменный (*др.-греч.*).

летописец. Ольга и Владимир через восемь месяцев вернулись в Галич. Наступило временное примирение.

Очевидно, что эта страница галицкой истории имеет много общего с сюжетом анализируемого произведения. Но в отличие от «Сказки...» драма имела своё продолжение. Семейные раздоры еще долго будоражили Галич. Ольга в конце концов уехала на родину, во Владимир на Клязьме, и добровольно постриглась в монахини. Умерла она в монастыре в 1183 году. Изгнания князя Владимира повторялись, пока муж его сестры Ефросиньи Ярославны – князь Игорь не помирил отца с сыном. Это произошло около 1184 г.

Заключив сравнительное исследование, вновь обратимся к именам персонажей. Напомним, что по обычаю ребёнку давали два имени: первое, славянское – при рождении, второе – при крещении. Могло быть и третье – домашнее. Другие имена Ярослава неизвестны. Заметим также, что «Осмомысль» в «Слове о полку Игореве» – не прозвище, а часть тайнописи (см. приложение). Тем не менее, одно обстоятельство позволяет предположить, что его домашнее имя было венгерского происхождения – Золтан. Дело в том, что его мать, принцесса София, была дочерью венгерского царя Коломана.

Кроме того, эта гипотеза подтверждается и другими наблюдениями. Во-первых, в былинном галицком цикле о Волхе Всеславиче он именуется Салтыком Ставркульевичем; во-вторых, в «Слове о полку Игореве» читаем: **«ГАЛИЧКЫ ОСМОМЫСЛАЪ ЯРОСЛАВЕ... СТРЕЛЯВШИ СЪ ОТНЯ ЗЛАТА СТОЛА САЛТАНИ ЗА ЗЕМЛЯМИ. СТРЕЛЯЙ ГОСПОДИНЕ КОНЧАКА»**.⁵ Судя по окончанию, **«САЛТАНИ»** – звательный падеж имени **«САЛТАНЪ»** (IV склонение существительных с основой на -И). В современном русском языке такая форма сохранилась в обращении «Господи!». И наконец представим еще одно важное доказательство того, что в «Сказке...» речь идет именно о Ярославе-Золтане и его сыне Владимире. В этом убеждает обнаруженное совпадение имени главной виновницы галицкой трагедии – сожжённой Настки Чагоривны (представленное в беспробельном древнерусском написании) с прозвищами отрицательных персонажей «Сказки...»: НАС|ТКАЧА|ГОРИВНА. Гориво – очаг, топка (*общеслав.*) Очевидно, что при вариации разделения текста на слова и возникли «ткачиха» и «повариха» (горивна). Это наблюдение позволяет предположить, что в основе «Сказки...» А. С. Пушкина лежит древнерусская повесть, с которой поэт ознакомился в Кишинёве, на древней Берладской земле. Как знать, возможно, по провину судьбы имя Настки Чагоривны, бывшее проклятием всей жизни князя Владимира, пусть через 800 лет, но послужит восстановлению его доброго имени и заслуженной великой славы.

**ТАЙНОПИСНОЕ ОБРАЩЕНИЕ К ЯРОСЛАВУ ГАЛИЦКОМУ
В «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ».**

Фрагмент «Слова...»: **«ГАЛИЧКЫ ОСМОМЫСЛАЪ ЯРОСЛАВЕ!»** содержит тайнопись в виде титула **«рнѣ»** – король (*др. рус.*). Сделать такой вывод позволило следующее представление текста: **ГАЛИЧКЫ ОСМ(О МЫСЛАЪ) ЯРОСЛАВЕ**. Здесь выявлен ряд особенностей:

1. Отсутствующая в окончании слова **«ГАЛИЧКЫ»** буква **«Н»** представлена числительным **«ОСМ»**. **ОСМ = Н = 8**.

2. Далее следует указующее замечание: **(О МЫСЛАЪ)** («со смыслом»), где **«О»** – предлог, **«МЫСЛАЪ»** – существительное в предложном падеже.

3. Способ представления конечной буквы **«Н»** побуждает к поиску скрытого смысла в цифровом прочтении:

$$3 + 1 + 30 + 8 + 90 + 20 + 0 + 8 = 160$$

$$\overset{3}{\text{Г}} + \overset{1}{\text{А}} + \overset{30}{\text{Л}} + \overset{8}{\text{И}} + \overset{90}{\text{Ч}} + \overset{20}{\text{К}} + \overset{0}{\text{Ы}} + \overset{8}{\text{Н}} = \overset{160}{\text{рнѣ}}$$

4. Близость полученной суммы **рнѣ** титулу **рнѣ** – (король) – очевидна.

5. Особое обозначение недостающей **«Н»** в виде **«ОСМ»** позволяет восполнить пробел **р...ѣ** – **р(н)ѣ**.

⁵ Слово о полку Игореве. Изд. 3-е. – Л., 1985. – С. 8. – (Библиотека поэта. Большая серия).

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ИМЁН ГЛАВНЫХ ГЕРОЕВ РОМАНА А. С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»

«Евгений Онегин» – одно из самых изученных пушкинских произведений. И всё же творчество поэта настолько значительно, что вот уже более 170 лет не перестаёт удивлять своими новыми гранями. В этой работе освещены некоторые обстоятельства создания романа, открытые при анализе антропонимов главных героев. В основу исследования была положена методология прикладной диалектики в сочетании с классическими приемами филологических исследований.¹

Вновь вернуться к изучению имён в романе побудили вопросы, возникшие при чтении строк главы LX:

*Я думал уж о форме плана
И как героя назову;
Покамест моего романа
Я кончил первую главу;
Пересмотрел всё это строго:
Противоречий очень много,
Но их исправить не хочу;
Цензуре долг свой заплачу
И журналистам на съезде
Плоды трудов моих отдам;
Иди же к неврским берегам,
Новорождённое творенье,
И заслужи мне славы дань:
Кривые толки, шум и брань!*

В связи с прочитанным напомним: что касается «формы плана», то по крайней мере один из его набросков сохранился. 26 сентября 1830 года в Болдино А. С. Пушкин записал: («1823 год 9 мая. Кишинёв – 1830 25 сентября. Болдино. 7 лет 4 месяца 17 дней»)

«Онегин

Часть первая: Предисловие

I песнь. Хаондра. Кишинёв. Одесса.

II >> Поэт. Одесса. 1824.

III >> Барышня. Одесса. Михайловское. 1824...»²

Однако о каких «противоречиях» в тексте первой главы идет речь, а также то, каким образом было придумано имя главного героя – осталось неясным. Непонятно и то, что должно было вызвать «кривые толки» на «невских берегах». И тогда

возникла возможность попытаться найти ответы на эти вопросы в лингвистических особенностях имен героев романа.

Так, было обращено внимание на удивительную фонетическую близость имени и фамилии заглавного героя.

Е	В	Г	Е	Н	И	Й
О	Н	Ь	Г	И	Н	Ъ

Найденное поэтом благозвучие представлено в виде аллитерированных звуков, составляющих слоги с обратным расположением одинаковых и близких фонем:

Г Е Н – Н Ь Г; Н И – И Н(Ъ).
1 2 3 3 2 1 1 2 2 1

Буквы, представляющие оставшиеся вне этих слогов фонемы, представлены в виде:

Е.ВЙ + Г Е Н И
О Н Ь Г И Н Ъ

Полученное графическое выражение уже первыми своими литерами **Е В** точно соответствует инициалам Елизаветы Ксавьерьевны Воронцовой. Такую версию прочтения усиливают и конечная буква **-й**, и своего рода «блуждающая» буква **О**. В целом запись может быть прочитана как «Е.Во.....й». Отметим, что такое допущение вполне приемлемо, если вспомнить, что первые главы романа были написаны в Одессе в 1823–1824 гг., а также отношения, которые связывали поэта с Елизаветой Воронцовой. И тем не менее, возможность случайного совпадения букв, создающего иллюзию прочитанного посвящения, оставляла слишком много места для сомнений.

И тогда было сделано еще одно наблюдение. Напомним, что обычно образование фамилий главных героев связывают с двумя известными гидронимами: Онежским озером и рекой Леной. Однако одна особенность антропонима заглавного героя заставляет усомниться в столь упрощённом объяснении. Дело в том, что словосочетание Евгений Онгинъ созвучно древнегреческому обращению:

(О) ΕΥ ΓΕΝΙΟΝ (α) ΓΙΝ (α)
ΕΒ ΓΕΝΙΟΝЪ ГΙΝЪ
Ο Βλαγορνδια Δαμα!³

Таким образом, имя героя представляет собой русскую транскрипцию древнегреческой фразы. Отсюда и происходит наблюдаемая омофония.

О внимании Пушкина к этому фонетическому явлению прямо указывает эпиграф ко 2-ой главе романа:

Ο.rus!	1) Ο деревня!:
Ног.1)	Гораций (лат.):
Ο Ρυς!	

¹ Автор благодарит А. С. Россовского (г. Донецк) за помощь в системном анализе данной работы и доцента А. И. Иванову (г. Ивано-Франковск) за участие в редакции окончательного варианта настоящего текста.

² См.: Пушкин А. С. Сочинения. – М., 1957. – Т. 3. – С. 541.

³ Более точен перевод: «Ο женщина, что благороднее (других)!» – сравнительная степень прилагательного.

Итак, поэт использовал феномен разноязычной омонимии для обращения к той, которой изначально посвящен роман в целом. Очевидно и то, что открытие этой тайнописи вполне могло вызвать «кривые толки» на «невских берегах».

Перейдём к исследованию имени другого главного героя, обратившись к ближайшему окружению Пушкина в Одессе в 1823–1824 гг. Среди друзей обращает внимание поэт Василий Туманский, который характером литературных занятий, а также чертами личности напоминает Владимира Ленского.⁴ Кроме того, нельзя не заметить и конструктивной близости имён: В.Ленский – В.Туманский. Различие корней Лен и Тума снимается на основании все того же принципа разноязычной омонимии: τῦμενος [TIMENOS] – удел, владение, лен (др.-греч.). Таким образом, найдя фонетически ближайшее древнегреческое слово к корню слова Туманский, Пушкин заменил его русским переводом Лен, оставив вторую половину антропонима без изменения, и сохранил инициал В в имени персонажа.

Василий Туманский:
Владимир Ленский:

Простота способа образования этого имени очевидна, и, видимо, так и обстояло дело.

Продолжая наше исследование, перейдём к главным женским персонажам. Наиболее простым оказалось происхождение имени младшей из сестёр Лариных – Ольги. Поскольку язык, послуживший основой антропонимов, известен – древнегреческий, то, используя тот же принцип, находим: Ὀλίγος – меньшая, малая (здесь младшая), что вполне соответствует литературной реалии (глава 2, XXIII).

Принцип разноязычной омонимии позволил выявить и источники имени Татьяны Лариной. Θεατος [THEOTES] – божественная (др.-греч.); La reine [La rɛ̃n] – королева (ст.-франц.).⁵ Таким образом, подытожим эту своеобразную тайнопись: «О благородная Дама! Божественная Королева!». Сама форма такого обращения с очевидностью указывает на тех, кого Пушкин считал своими предшественниками. Его «благородная Дама» заставляет вспомнить о Беатриче Данте и о Лауре Петрарки.

Завершая исследование имён главных героев романа, отметим один любопытный факт, который, возможно, указывает на то, что у нас были предшественники подобного

⁴ «Туманский Василий Иванович (1800–1860) – поэт, воспитанник Харьковской гимназии, Петропавловского училища в Петербурге и Коллеж де Франс. С 01.06.1823 в канцелярии М. С. Воронцова в Одессе... Т. был посредником между Пушкиным и «Полярной звездой». К личности и творчеству Пушкина Т. относился восторженно... называя его «Иисусом Христом нашей поэзии». Эта восторженность... тогда вызывала у Пушкина прощипывающее отношение... Ирония Пушкина вызывал и подражательный характер ранних стихов Т.» (Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. – Л., 1989. – С. 446–447).

⁵ Ст.-французское слово la Reine – королева встречаем и в «Шиковой даме»: «В тот же самый вечер бабушка явилась в Версаль, am jeu de la Reine». В списке автором дан перевод «на карточную игру у королевы (франц.)». (Пушкин А. С. Соч. – М., 1957. – Т.3. – С. 387; См. также: Хрестоматия по истории русского языка. – М., 1990. – С. 17).

прочтения антропонимов. Так, известно, что в 1877 году П. И. Чайковский, работая совместно с К. С. Шкловским над либретто «Евгения Онегина», ввёл фамилию мужа Татьяны – Гремми. В этой связи напомним, что девичья фамилия Елизаветы Ксавьерьевны Воронцовой – Браницкая. Слово «гремять» по-древнегречески – βροντο [BRONTO]. Возможно, это просто совпадение, но если это так, то оно удивительно.

Подводя итоги, сделаем ряд выводов. Во-первых, работая над романом, поэт использовал для образования имён своих главных героев принцип разноязычной омонимии. В основном это относится к звуковому совпадению или близости некоторых русских и древнегреческих слов. Во-вторых, имя заглавного героя составлено так, что в нем содержится и посвящение [Е. Во(ронцово)й], и обращение «О благородная Дама!». Тема рыцарского преклонения звучит и в имени главной героини, как бы развивая заглавие: Татьяна [Θεατος – божественная], Ларина [La reine – королева]. И последнее. А. С. Пушкин работал над «Евгением Онегиным» с 1823 по 1830 год. Имена главных героев были созданы в начале этого промежуток времени. Поэтому, рассматривая вопрос об образовании антропонимов, не следует смешивать его с проблемой прообразов главных героев, которую мы оставляем за пределами данной работы.

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ

Аллитерация – один из способов звуковой организации речи, относящийся к звуковым повторам и заключающийся в симметрическом повторении однородных согласных звуков.

Антропонимы – собственные именованья людей.

Гидронимы – названия водных объектов.

Омонимия – звуковое совпадение различных языковых единиц, значения которых не связаны друг с другом.

Фонема – минимальная единица звукового строя языка.

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ
СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ РАССКАЗА
Л. АНДРЕЕВА «ВОР»**

Рассказ «Вор», один из лучших в творческом наследии Андреева, имел непростую издательскую судьбу. В 1904 г. (до первой публикации в «Сборнике товарищества «Знание») он был отвергнут редактором «Журнала для всех», а после, в советское время, не включался в состав многочисленных, но далеко не полных изданий¹. Между тем публикация «Вора» (1905 г.) была встречена рядом критических откликов и статей, отличавшихся поляризацией мнений. При этом одни одобряли рассказ как «живой» психологический этюд, изображающий «человечески прекрасный образ» гонимого человека (газета «Киевские отклики»), других раздражала чрезмерная «недосказанность» и «загадочность» его содержания (журнал «Русское богатство»). «Вора» нельзя понять умом», — утверждал критик «Южных записок» Ф. Батюшков, ссылаясь на «отсутствие рационализма и в самом сюжете, и в способе его обработки». Символистская критика (в лице И. Смирнова из журнала «Весы») стремилась проникнуть вглубь, акцентируя склонность Андреева к «основным метафизическим вопросам бытия» и различая в рассказе «веяние древней тоски, грохот хаоса». С этим «хаосом» перекликнулся Александр Блок, давший «Вору» особенно яркую и пронзительную оценку.

¹ Текст рассказа и приведенные ниже критические оценки цит. по изданию, в котором восполнены все издательские пробелы: Андреев Л. И. Собр. соч.: В 6 т. — М., 1990. — Т. 2. — С. 7–21, 508, 509.

Он воспринял рассказ как пронзительный вопль «о масках на масках», срываемых смертью (см. рецензию на «Сборник товарищества «Знание» за 1904 г.»², а также статью, посвященную памяти Л. Андреева)³.

Принимая такую трактовку рассказа, отметим её смысловую связь с новеллой Эдгара По «Маска красной смерти» (1842 г.)⁴ При внешнем отличии фабул рассказа (поездка карманного вора к любовнице-проститутке за семьдесят вёрст от Москвы) и новеллы (бал-маскарад во время чумы в замке принца Просперо) в сюжетных приёмах Андреева и Э. По выявляется принципиальное сходство. Для наглядности вышнем общие признаки двух сюжетных структур в сравнительную таблицу.

Содержание общего признака	В рассказе Андреева	В новелле По
1. Герой помещается в замкнутое ограниченное пространство и попадает под власть иллюзии.	Вор Юрасов садится в поезд и представляет себя честным «немцем».	Принц Просперо запирается в замке и устраивает маскарад.
2. В пространстве имеется несколько звеньев или частей, последовательно соединённых друг с другом.	Цепь вагонов различного класса.	Анфилада из комнат разного цвета (от голубого до чёрного).
3. Появляется непредвиденное обстоятельство или деталь, нарушающая иллюзию.	Под влиянием «общего возбуждения» при посадке Юрасов совершает кражу.	Среди приглашённых на бал появляется неизвестная маска.
4. Герой продвигается вдоль частей в направлении снижающейся градации качества.	Юрасова гонят из вагона в вагон в направлении к низшему 3-му классу.	В погоне за маской Просперо бежит через всю анфиладу в дальнюю чёрную комнату.
5. В крайней точке пути все иллюзии исчезают и героя встречает смерть.	На последней вагонной площадке рвётся внешняя «маска» Юрасова и загнанный вор попадает под поезд.	В крайней западной комнате принц догоняет маску, но под ней обнажается смертоносная пустота.

² См: рецензию на «Сборник товарищества «Знание» за 1904 г.: Блок А. Из рецензии на Сборник товарищества «Знание» за 1904 год // Блок А. Об искусстве. — М., 1980. — С. 348–354.

³ Блок А. Памяти Леонида Андреева // Там же — С. 354–361.

⁴ Первый русский перевод «Красной смерти» опубликован в 1870 г. в журнале «Отечественные записки». В данной работе цитаты приведены по изданиям: По Э. А. Маска красной смерти / Пер. В. Рогова // По Э. А. Полн. собр. рассказов. — М., 1970. — С. 354–359; По Э. Маска красной смерти / Пер. Р. Померанцевой. — М., 1979. — С. 198–202.

О знакомстве Андреева с этой новеллой свидетельствует использование её сюжета в пьесе «Чёрные маски» — см.: Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. — М., 1989. — Т.1. — С.68.

Важно отметить и то, что в обеих структурах действие методически *ускоряется* и сопровождается *нарастающим механическим звуком*: стуком вагонных колёс (у Л. Андреева) или звоном часов (у Э. По).

Таким образом, совокупность отмеченных признаков образует единый по смыслу сюжетный хребет, каждый раз обрастающий новой повествовательной плотью. Проступая сквозь внешнюю фабулу, он превращает историю вора Юрасова (или принца Просперо) в символический путь человека во времени, в **модель бытия, обращённого к смерти**.

В самом деле, что значат в новелле По «семь роскошных покоев», окрашенных в разный цвет и расположенных так, что за каждым из них открывается «что-то новое»? Это *семь возрастных этапов* (десятков лет), составляющих цепь человеческой жизни. Первый из них, «голубой», соответствует детской невинной мечте; «красный» – это познание страсти; «зелёный» с «оранжевым» – буйство листвы и плодов, представляющих зрелый возраст; «белый» – мудрая мысль; «фиолетовый» – старость и «чёрный» – смерть, что таится «в тени часов» на краю анфилады.

Тот же смысл обретают и *семьдесят вёрст пути* в рассказе Андреева «Вор», где вереницу покоев сменяют вагоны поезда. Здесь движение акцентируется, становится как бы двойным, так как герой (вор Юрасов) бежит из вагона в вагон, пытаясь спастись от погони. Причиной погони является «непредвиденный» инцидент, играющий важную роль в понимании смысла рассказа. Во время посадки Юрасов, ещё *молодой* человек, украл кошелек у соседа, уже *пожилого* мужчины. Кошелек был изношен, засален, неплотно прикрыт и, кроме того, источал «немного нечистый, но возбуждающий» запах женщины. В символическом плане этот момент соотносится с «кражей» запретных плодов в мифе о первородном грехе, в результате которого человека изгнали из рая. Согласно преданию, он вступил в родовую жизнь и, одновременно, стал подвластен смерти.⁵ В контексте такой аналогии бегство и гибель героя рассказа предстают как метафора **смертного, единичного бытия**, тогда как движение поезда соответствует **поступи рода**.

Не случайно в финале рассказа, где число пассажиров заметно растёт, переход из вагона в вагон начинает казаться герою «дурной» бесконечностью. «Как будто уже *десятки, сотни* их прошёл он, а впереди новые площадки, новые неподатливые двери и ценные, злые, свирепые ноги» людей, протянутые в проход и мешающие Юрасову. «Он один – а их *тысячи, их миллионы*, они весь мир: они сзади его и впереди, и со всех сторон, и нигде нет от них спасенья»⁶. Так, по ходу движения поезда, непрерывный количественный прогресс оборачивается для Юрасова **качественным регрессом**, и даже размеренный стук колёс (аналог бегущего времени) постепенно инсценирует к минорному тону. Вначале звучит мелодично, «как песня», потом – как «толпа пьяных, глухих», орущих на «тысячу глоток» людей и, наконец, превращается в «стаю разбуженных псов», учуявших грохот и крики погони. Точно так же вагоны вначале бегут чуть заметно, как будто бы «сами собой», а в конце уже

⁵ Ибо сказано: «в день, когда ты вкусишь от него, смертию умрёшь» (Быт 2:17).

⁶ Курсив возрастающих числительных в приведенных цитатах наш – Ю. П.

«бешено» мчатся, подобно опасным «железным чудовищам». Другими словами, безудержный, **горизонтально направленный** ход бессознательной жизни рода (представленный летом поезда) растворяет в себе единичную жизнь и низводит героя до уровня загнанной твари. Ибо «глаза его бессмысленны, как у быка, и тёмный ужас животного, которое преследуют, а оно ничего не понимает, охватывает его» – констатирует Андреев.

В показанной автором «дикой картине погони» нельзя не заметить глубокую связь между концом и началом, между причиной и следствием, «нечаянной» **кражей** и **смертью**. Не случайно в завязке, а также в финале рассказа присутствует тот же набор элементов, но если в начале мы видим, как «трижды судившийся» вор садится в вагон, расправляя свои «золотые» усы, то в конце отмечаем, что усы на лице его смяты и какие-то «три фонаря, три неяркие лампы» нависли над ним, хотя – как известно – «значения их он не понял».⁷ Этот **замкнутый цикл** отражён в положениях тела героя, который в начале поездки *сидит*, развалившись на диване, чуть позже – *стоит* у окна на площадке, потом безоглядно *бежит*, а в концовке – *лежит*, но уже под колёсами поезда.

Такое развитие действия сравнимо с работой гигантских часов в новелле Эдгара По, ход которых подобен ритмичному стуку колёс и обозначен посредством прогрессии чисел. Здесь удары звучат через «каждый час» – «*шестьдесят минут – три тысячи шестьсот секунд*», вселяя в собравшихся страх и смятение. Ещё один знаковый круг замыкается по окончании суток, т. е. в 24 часа, что соотносится с временем появления маски Смерти, а также с количеством денег в украденном кошельке – «*двадцать четыре* рубля с мелочью». Третий круг соответствует полному сроку жизни – это *семь* комнат в новелле По и *семьдесят* вёрст пути, обозначенных в тексте Андреева. Обращает внимание и совпадение чисел в кульминациях двух сочинений, где Просперо бежит через комнаты анфилады, приблизившись к маске на «*три или четыре*» фута, а Юрасова гонят из вагона в вагон «*трое или четверо*» преследователей. Сочетание этих цифр соответствует возрасту авторов во время работы над «Маской» и «Вором» – 34 неполных года (положение между *третьим* и *четвёртым* десятком).

Трагический лёт бытия дополняет символика **света и тьмы**, в которой мы видим порядок, **обратный** процессу творения, т.к. там изначальная «тьма» побеждается светом дня,⁸ а в рассказе Андреева день сменяется ночью. Тот же принцип заметен в новелле По, где Просперо бежит к *чёрной* комнате анфилады с *востока* на *запад*, т. е. от восхода к закату, от света к тьме, от рождения к смерти.

Но «заслуживает ли названия жизни это бессмысленное чередование рождений и смертей, эта однообразная смена умирающих поколений?» – задаётся вопросом современник Андреева философ Е. Н. Трубецкой, чтобы вслед за великими мудрецами

⁷ Число «три», упомянутое в крайних фразах рассказа, часто встречается в сказках и может быть понято как синоним трёхчастного цикла жизни (возникновение – существование – исчезновение).

⁸ См.: Быт 1:3.

прошлого прийти к отрицательному ответу. Для Е. Н. Трубецкого бесконечная родовая жизнь оправдывается лишь постольку, поскольку она поднимается в высший план и в нём преобразуется, или, другими словами, «горизонтальная линия оправдывается не сама по себе, в своей отдельности взятая, а в сочетании с **линией вертикальной**»⁹.

В рассказе Андреева эта структурная «вертикаль» обозначена в двух эпизодах героя, одной из которых является *Фёдор Юрасов* – голимый за кражу вор, а другой – *Генрих Вальтер* – порядочный «немец», бухгалтер. Они дополняют друг друга, как действительность и мечта, как пропащий земной персонаж и спасительный фантастический образ. Имена двойников-антиподов похожи (содержат по две буквы «р») и вместе с тем соответствуют принципу фонетического контраста: во-первых, заглавные буквы Г. В. и Ф. Ю. расположены в «верхней» и «нижней» частях алфавита; во-вторых, «Генрих Вальтер» разносится звонко, как эхо в горах, а «Фёдор Юрасов» звучит приземлённо и глухо.

Попытки героя подняться над плоской реальностью бытия связаны с **остановками** поезда (т. е. с разрывами в горизонтальном пути) и отмечены свето-воздушной символикой, относящейся к сфере духа. В *первый* миг остановки движения наступает такая всевластная тишина, что мгновение кажется «вечностью», а сошедший на землю пассажир выглядит странно, как «птица, которая всегда летает, а теперь вздумала пойти». Этот образ дополнен во время *второй* остановки, где, как пишет Андреев, «две женщины в светлых платьях» уже не пошли, а взлетели, «как лебеди». Уподоблена птице и грустная песня героя, чей голос летит к заходящему солнцу и «возносится к небу, теряясь в его безбрежности». Чудесным видением рая, оазисом света среди наступающей тьмы становится для Юрасова *третья* остановка. Здесь играет прекрасная музыка и несколько юных пар (местных дачников) кружатся в лёгком чарующем танце. В «обманчивом» свете фонариков они представляются «необычными существами, трогательными в своей воздушности и чистоте», что возвышает танцующих в глазах пассажиров, которые «тёмным бесцветным кольцом» окружают площадку. За пределами этой площадки царит непроглядная тьма, где контрастным пятном выделяются двое: «высокий», безусый юноша и девушка «в белом», подобная «облаку против луны». Они, как Адам и Ева, ещё неподвластны мраку, но выходят из круга и движутся в сторону поезда (т. е. в направлении *родового* начала). Юрасов пытается сблизиться с ними и, надеясь проникнуть на бал, повторяет как некий царь: «Я проезжий, меня зовут Генрих Вальтер». Но его отвергают: «Здесь только свои», бал для юных, невинных, счастливых, а под именем Генриха Вальтера от раслаты скрывается вор, падший грешник, «судимый за кражу».

Таким образом, этот отказ возвращает читателя к мифу об изначальном падении, к идее **изгнания бытия в быстротекущее время** (вспомним метафоры боя часов или стука колёс в сюжетных конструкциях По и Андреева). Отметим и то, что в начале пути изгнанник ещё пребывает во власти иллюзий (Просперо скрывается в замке и устраивает маскарад; Юрасов пытается выдать себя за невинного немца-

бухгалтера). К тому же, противясь линейному ходу судьбы, Юрасов мечтательно рвётся в какие-то *высшие* сферы, а также стремится в исходную точку пути, к пределам утраченного рая. Такая структура порывов героя восходит к сакральным обрядам и мифам, которым, по мнению М. Элиаде, присуще «стремление обесценить время»¹⁰. Герой как бы хочет исправить содеянное, вернувшись к тому изначальному «мигу зари, ...когда ничто ещё не было замарано, ничто не испорчено»¹¹. Но трагедия в том, что андреевский вор безнадежно оторван от древних истоков, отлучен от небесных высот и заброшен «прогрессом» в закрытую клетку вагона. Он, как «беглец-неудачник, пойманный на пороге тюрьмы», всё ещё упирается, рвётся к «счастливым просторам», а в голове у него возникают «картины неволи среди каменных стен и железных решёток».

Контраст **ограниченных** интерьеров и **беспредельных** открытых пространств формирует структуру рассказа, т. е. действие всех *нечётных* глав (I-й, III-й и V-й) замыкается в тесных салонах и узких проходах вагонов, а действие *чётных* (II-й и IV-й) стремится в бескрайние «шири» небес и «зелёные бездны» полей и даже выходит на волю во время стоянки поезда.¹² Как уже отмечалось, сюжетный хребет дополняют другие контрастные пары: *покой* переходит в *движение*, *день* сменяется *ночью*, линейная *горизонталь* разрывается *вертикалью* (см. рисунок 1).

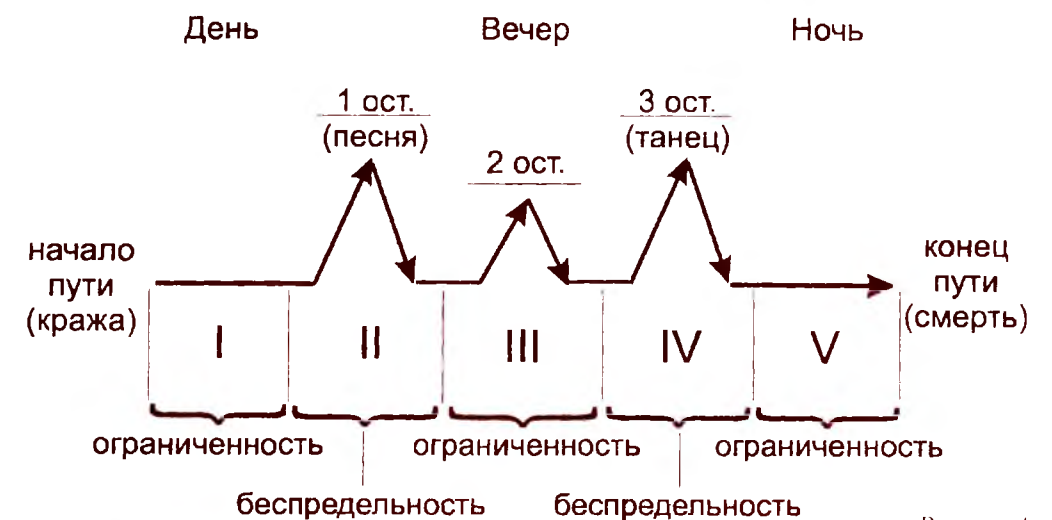

Рисунок 1

В центре структуры (III-я глава) расположен вставной эпизод, где герой вспоминает о краже «в саду» (ассоциация с садом Эдема) и погоне «со свистом», загнавшей его в «тёмный угол». В соответствии с логикой этой модели в финале рассказа движение

¹⁰ Элиаде М. Миф о вечном возвращении. – СПб., 1998. – С. 132.

¹¹ Элиаде М. Священное и мирское. – М., 1994. – С. 122.

¹² Согласно воззрению древних пифагорейцев, нечётные числа полагают предел, а чётные соответствуют бесконечности: Фрагменты ранних греческих философов. – М., 1989 – Ч. 1. – С. 475, 481.

⁹ Трубецкой Е. П. Смысл жизни // Трубецкой Е. П. Избранные произведения. – Ростов-на-Дону, 1998. – С. 95.

ускоряется, наступает крошечная *тьма* и пространство предельно сжимается, т. к. путь преграждает *глухая стена* крайнего вагона. (Ту же функцию у Эдгара По выполняет туник афилады). Напряжение возрастает. Юрасов пытается лезть на вагон, но срывается вниз, разрывая пальто-«маску» Генриха Вальтера. В этот миг раздаётся похожий на крик оглушительный свист паровоза и, шагнув за преграду, Юрасов летит в пустоту, под колёса курьерского встречного поезда. (Такой же «пронзительный» крик раздаётся в финале повеллы, где срывается маска и воцаряется «Тьма», в которой, как сказано, «нет ничего осязаемого»).

В завершение наших сравнений отметим, что сходство сюжетных деталей рассказа Л. Андреева «Вор» и повеллы Э. По «Маска красной смерти» не объясняется внешним заимствованием, а представляет собой результат выявления общей структурной модели, обладающей рядом устойчивых признаков (см. таблицу). Сущность этой модели можно понять исходя из учения об «архетипах» как носителях древних культурных идей, закреплённых на бессознательном уровне (К.-Г. Юнг)¹³. Одно из таких представлений обусловлено чувством ущербности бытия, вовлечённого в круговращение времени, и восходит к библейскому мифу об изначальном падении, а также к всеобщему взгляду на жизнь и её исторический путь как на процесс поэтапного нисхождения к смерти. Достаточно вспомнить пророчество о «конце времён» в Ветхом и Новом Заветах, идею упадка эпох в античной легенде о золотом, серебряном и бронзовом веке, регрессивную смену периодов («юг») в философии древней Индии.¹⁴

Воплощение данной модели можно найти и во многих других образцах, созданных в более позднее время в условиях разных культурных традиций. Возьмём, для примера, картину голландского мастера Питера Брейгеля «Притча о слепых» (1568), в основу которой положен известный евангельский текст: «если слепой ведёт слепого, то оба упадут в яму». Здесь мы видим *цепочку фигур*, расположенных по *нисходящей градации*, причём выражение лиц соответствует позам слепых и отражает процесс *постепенной утраты иллюзий*.¹⁵

Подобный структурный приём мы находим в рассказе Буццати с названием «Семь этажей», созвучным количеству комнат у По или количеству вёрст у Андреева (1942). В этом случае круг бытия образуют *семь уровней* здания клиники, в которой людей разделяют по этажам «в зависимости от тяжести заболевания». Вначале больных помещают на верхний этаж, где у всех наблюдается «самая лёгкая форма», на шестой переводят с «симптомами, внушающими некоторые опасения», на пятый –

с «серьёзными осложнениями», и так далее – от этажа к этажу, по мере развития стадий болезни. На второй переводят «тяжёлых» больных, первый этаж предназначен для «смертников». В контексте таких изменений отметим и полный контраст в обстановке палат на верхнем и нижнем уровнях. Вверху, где «широкие» окна и «яркая» мебель, «всё дышит спокойствием и вселяет надежду»; внизу, где «пугающие белые» стены и «холодные, плотно закрытые» двери, во всём ощущается сходство с «покойницей». Другими словами, в рассказе Буццати присутствуют все элементы модели, указанной в нашем исследовании: *замкнутое пространство* (больница); *ряд однотипных частей* (этажей), расположенных по *нисходящей градации* (степени тяжести заболевания); *утрата иллюзии* (надежды на выздоровление) и, конечно, *фатальный исход*, характерный для всех вариантов сюжета.

К таким вариантам мы можем причислить шедевр поэтической мысли Бодлера с названием «Семь стариков»¹⁷ и роман Франца Кафки «Процесс»¹⁸, анализ которых выходит за рамки короткой работы и может быть сделан в дальнейших сравнительных исследованиях.

¹³ См.: Юнг К.-Г. Психология бессознательного. – М., 1998 – С. 72, 95.

¹⁴ Согласно «Махабхарате» космический цикл состоит из четырёх юг, продолжительность которых сокращается по мере приближении к концу цикла. Сокращается и продолжительность жизни в пределах каждой из юг, что сопровождается общим падением нравов. Этот тотальный регресс завершается полным распадом («праяга») – см.: История и культура древней Индии: Тексты. – М., 1990. – С. 131.

¹⁵ Гершензон Чегодаева И. М. Питер Брейгель. – М., 1983 – С. 252–258.

¹⁶ Буццати Д. Избранное. – М., 1987. – С. 148.

¹⁷ Бодлер Ш. Цветы зла. – М., 1970. – С. 147.

¹⁸ См.: Кафка Ф. Роман, новеллы, притчи. – М., 1965.

«ГЛАВНОЕ –
НАДО БЫТЬ СПРАВЕДЛИВЫМ...»

(Уроки сахалинского путешествия Чехова)

Существует интересное, богато иллюстрированное издание: «The Atlas of Literature. General Editor Malcolm Bradbury. Stewart, Tabori & Chang. – New York, 1998». Это своеобразная литературная география, показывающая, какие регионы наиболее «насыщены» в литературном отношении, где происходит действие самых известных художественных произведений и т. д. Кажется, охвачено всё. Не забыты разные регионы Австралии и Аргентины, Ирландии и Израиля, Южной Америки и Японии, не говоря, конечно, о Европе и США, которые расписаны особенно тщательно. Но нет на литературной карте Сахалина. А ведь этот остров давно уже вошёл и в литературную историю, и, соответственно, в литературную географию. Я имею в виду знаменитое сахалинское путешествие Чехова, которое оставило яркий след в биографии великого писателя и в его творчестве. Обо всём этом написано немало, в том числе и автором этих строк, который, кстати говоря, по доброй воле провёл на далеком острове долгих 17 лет.

Никто не знает точно, зачем Чехов поехал на Сахалин. Очевидно, был целый комплекс причин, а среди них – чувство и гражданской, и просто личной ответственности за все, что происходит с ним самим и вокруг него, ответственности полной, всеобъемлющей, безусловной.

А. С. Суворин, владелец газеты «Новое время», несомненно, испытывавший по отношению к Чехову самые добрые чувства, искренне не советовал ему совершать столь длительное и очень опасное путешествие. К тому же – кому этот Сахалин нужен? Кому интересен?

Родился в 1924 г. в Полтаве. Литературовед, критик, доктор филологических наук, профессор кафедры мировой литературы Прикарпатского университета им. В. Стефаника. В 1947 г. с отличием закончил филологический факультет Ленинградского (ныне – Санкт-Петербургского) университета. После этого работал преподавателем кафедры литературы Петрозаводского государственного педагогического института. В 1951 г. в Ленинградском университете защитил кандидатскую диссертацию: «Творческая история поэмы Н. А. Некрасова “Современники”». С 1953 по 1970 гг. заведовал кафедрой русской и зарубежной литературы Южно-Сахалинского государственного педагогического института. В 1967 г. в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР защитил докторскую диссертацию: «Отечественные записки» (1868–1884). История журнала. Литературная критика». С 1970 по 1992 гг. – заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы Ивано-Франковского государственного педагогического института, а с 1992 г. – профессор кафедры мировой литературы

Ответное письмо Чехова (от 9 марта 1890 года) уже неоднократно цитировалось, оно, что называется, «на слуху», но и в настоящей статье без него не обойтись, настолько оно важно:

«...Вы пишете, что Сахалин никому не нужен и ни для кого не интересен. Будто бы это верно?.. Не дальше как 25–30 лет назад наши же русские люди, исследуя Сахалин, совершали изумительные подвиги, за которые можно боготворить человека, а нам это не нужно, мы не знаем, что это за люди, и только сидим в четырёх стенах и жалуемся, что Бог дурно создал человека... Из книг, которые я прочёл и читаю, видно, что мы сгноили в тюрьмах миллионы людей, сгноили зря, без рассуждений, варварски; мы гоняли людей по холоду в кандалах десятки тысяч вёрст, заражали сифилисом, развращали, размножали преступников, и всё это сваливали на тюремных красноносых зрителей. Теперь вся образованная Европа знает, что виноваты не зрители, а все мы...»

На вопрос *кто виноват?*, заданный когда-то Герценом и ставший с тех пор постоянным для русской классической литературы, Чехов отвечал вовсе не так однозначно, как многие его, да и наши современники: виноваты *другие*, но не я... Для автора «Скучной истории» и «Вишнёвого сада» это был вопрос принципиальный. Он испытывал чувство патристической гордости за все лучшее, что сделали русские люди, совершавшие изумительные подвиги, но он же ощущал мучительное чувство личной вины за любую несправедливость, ложь, обман, преступления, которые происходили в его родной стране. Поэтому писатель не снимал ответственности за Сахалин, за каторгу, за предельное унижение человеческого достоинства ни с самого себя, ни вообще с образованного общества: *виноваты мы все...*

В письме к И. Л. Леонтьеву (Щеглову) от 22 марта 1890 года Чехов вновь обращается к той же проблеме, которая представлялась ему исключительно важной. Говоря о своём будущем путешествии, писатель не ссылаясь на какие-то личные причины, а выдвигал на первый план глубокое недовольство

Прикарпатского университета им. В. Стефаника. М. Теплинский – автор более 200 научных работ разных жанров: монографии, вузовские и школьные учебники, пособия для учителей, хрестоматии, научные и научно-методические статьи, рецензии и др., которые посвящены исследованию истории и теории журналистики, истории русской литературы XIX–XX вв., творчества Н. А. Некрасова, Н. Г. Чернышевского, А. Н. Островского, А. П. Чехова. Важное место среди исследований М. Теплинского занимают статьи об эстетике и художественной практике И. Франко, В. Стефаника, Т. Шевченко, М. Павлыка, о связях украинской литературы с русской и польской литературами. Широкую известность в Украине получили школьные учебники, созданные М. Теплинским в соавторстве с Ю. Султановым. Именно этим творческим коллективом были созданы первые оригинальные учебники и хрестоматии по русской литературе для учащихся 9 и 10-х классов русскоязычных школ Украины. В настоящее время М. Теплинский активно работает над проблемами современного изучения истории русской классической литературы, русско-украинских литературных связей, над актуальными вопросами школьного литературного образования в Украине. (Подробнее о научной и педагогической деятельности М. Теплинского – см.: Марк Вениаминович Теплинский (к 70-летию со дня рождения). Библиографический указатель научных трудов / Сост. И. В. Козлик. – Ивано-Франковск, 1994; Література. Літературознавство. Життя: Збірник наукових праць й матеріалів на пошану доктора філол. наук, професора М. В. Теплінського / Відпов. ред. І. В. Козлик. – Івано-Франківськ, 1999).

существующей действительностью, упоминал о страстном желании уяснить «истинные и непреложные» законы жизни. Если бы истины эти были известны, писал Чехов, «...мы знали бы, что нам делать, и Фофанов не сидел бы в сумасшедшем доме, Гаршин был бы жив до сих пор, Баранцевич не хандрил бы, и нам не было бы так скучно и нудно, как теперь, и Вас не тянуло бы в театр, а меня на Сахалин...».

Если бы мы знали, *что делать*... Еще один классический русский вопрос, который прямо или косвенно ставился едва ли не всеми русскими писателями – и Чеховым в том числе. Вот только чеховские ответы по сути и по тональности отличаются от традиционных.

Для многих русских писателей характерным был учительский пафос, которого совершенно не было у Чехова. Он никого ничему не учил, не призывал, не проклинал, он просто *беседовал* со своими читателями, тихо, без крика, без падрыва...

Лев Толстой, Фёдор Достоевский представляются нередко учителями жизни, пророками, стоящими высоко над нами. Оттуда, с недостижимой высоты, провозглашают они великие истины, поучают нас, зовут к идеалам добра и справедливости, настойчиво требуют следовать за ними... А Чехов в восприятии многих читателей – не памятник, не пророк, а человек, идущий рядом, с голосом негромким и спокойным. С ним можно просто поговорить, и он скажет что-то очень важное и нужное не всему человечеству сразу, а вам одному, потому что относится он к читателю как равному, признавая и уважая его неповторимую индивидуальность, его право на собственное мнение, собственную позицию. С ним можно вести *диалог*. Самое главное заключается именно в том, что сам Чехов открыт для диалога. Так, собственно, и была написана его книга о сахалинской каторге.

Процесс создания книги «Остров Сахалин» растянулся на несколько лет. О затруднениях, с которыми столкнулся писатель, он сам рассказал в письме к А. С. Суворину от 28 июля 1893 года: «Я долго писал и долго чувствовал, что иду не по той дороге, пока наконец не уловил фальши. Фальшь была именно в том, что я как будто кого-то хочу своим «Сахалином» научить и вместе с тем что-то скрываю и сдерживаю себя. Но как только я стал изображать, каким чудачком я чувствовал себя на Сахалине и какие там свиньи, то мне стало легко и работа моя закипела, хотя и вышла немножко юмористической».

Рассказчик в «Острове Сахалине» вовсе не выступает в книге как судья или ревизор. Чехов не случайно подчёркивает, что у него при поездке на Сахалин не было никакого официального поручения, что он всего лишь частное лицо, не наделённое ровно никакими полномочиями, что единственная цель его – рассказать, что он увидел, рассказать честно, без утайки и без прикрас. Поэтому он вовсе не собирается скрывать свои трудности, недоумение и даже растерянность при столкновении с новыми и непривычными для него обстоятельствами, правами, людьми.

И во время путешествия, и на самом Сахалине писателю многое представлялось странным и удивительным. Нередко он сам себя ощущает каким-то чудачком. Чехов не скрывал от читателей чувство собственной растерянности и сомнений: «...И зачем я сюда поехал? – спрашиваю я себя, и моё путешествие представляется мне крайне

легкомысленным». И действительно, чего ради этот молодой врач (по профессии), писатель (по призванию) отправился на край земли, на свой страх и риск, без официальных поручений, без влиятельной поддержки? Никто его здесь не ждёт, никому он здесь не нужен... Чудак!

Повествование строится как рассказ путешественника в кругу друзей, единомышленников, которым он полностью доверяет и которые, в свою очередь, полностью доверяют ему. Только в этом кругу писатель может признаться, например, что к концу путешествия он утомился или облезил и поэтому на юге острова работал уже не так усердно, как на севере. Такое признание рассчитано на понимание и сочувствие. Так возникает ощущение постоянного и открытого общения рассказчика с читателем, обращения к которому становятся стилистической приметой текста. Сам же текст в ряде случаев совершенно осознанно строится не столько как диссертация (хотя и такой замысел у Чехова был), но как беседа, как диалог.

Бывают случаи, когда рассказчик не просто обращается к читателю, но делает его как бы прямым участником происходящих событий. Стилистически повествование строится так, что рассказчик и читатель временами объединяются, дистанция между ними почти исчезает. Рассказ ведётся в настоящем времени, и создается впечатление, что мы сейчас, вместе с автором, находимся здесь, в тюрьме или посёлке, беседуем с людьми, и всё это происходит *сию минуту*, а не когда-то давно.

Но у Чехова была и сверхзадача. Дело не просто в том, чтобы сделать читателя *свидетелем* происходящего. Нужно было незаметно внушить тому же читателю мысль о его личной ответственности за всё то, что происходило на каторжном острове. Кто виноват? Спасительное: – *о и и* – не поможет. *Мы*. Читатель в том числе.

В процитированном выше письме к А. С. Суворину от 28 июля 1893 года Чехов объяснял неудачу первых набросков «Острова Сахалина» тем, что там он как бы хотел своим «Сахалином» кого-то научить. Здесь Чехова постигла бы несомненная неудача. Это не его путь, не его писательская манера, не его художественные принципы. Учить он никого не собирался. Но мысль о всеобщей ответственности за то зло, которое происходит в мире, его никогда не покидала.

В истории русской литературы всегда существовали, условно говоря, два направления, которые в середине XIX века получили название *пушкинского* и *гоголевского*. Нет никакого смысла сегодня противопоставлять одну тенденцию другой. Просто необходимо принять за данное, что благородный проповеднический пафос, традиция которого восходит еще к временам Древней Руси, воодушевлял многих выдающихся деятелей русской литературы. Достаточно назвать имя знаменитого нашего современника – А. И. Солженицына, чтобы иметь ясное представление, о какой традиции идёт речь.

Признавая исключительную роль литературы, которую она сыграла в истории русской общественной мысли, заметим всё же, что благородное желание стать трибуном, проповедником, пророком содержит в себе и потенциальную опасность, потому что может привести к навязчивому опекунству, к игнорированию другого мнения, а в конечном счете – к петерскому отношению к любому инакомыслию. Для Чехова это

было совершенно неприемлемо. Он явно относится к *пушкинскому* направлению (пользуюсь случаем повторить, что отчетливо осознаю всю условность терминологии). И с этой точки зрения совершенно логичным является сдержанное отношение к Чехову автора трактата «Как нам обустроить Россию».

Конечно, Чехов не мог не искать свой ответ на вопрос *что делать?* Однако он был далёк от каких бы то ни было практических рекомендаций.

Сразу же после возвращения в Москву после сахалинского путешествия, 9 декабря 1890 года Чехов поделился с Сувориным некоторыми впечатлениями и выводами. Он писал: «Хорош Божий свет. Одно только не хорошо: мы. Как мало в нас справедливости и смирения, как дурно понимаем мы патриотизм!.. Мы, говорят в газетах, любим нашу великую родину, но в чём выражается эта любовь? Вместо знаний – нахальство и самомнение паче меры, вместо труда – лень и свиство, справедливости нет, понятие о чести не идёт дальше «чести мундира», мундира, который служит обыденным украшением наших скамей для подсудимых. Работать надо, а всё остальное к чёрту. Главное – надо быть справедливым, а остальное всё приложится».

Таковыми были уроки, которые Чехов вынес из своего сахалинского путешествия.

ВЛАДИМИР ФОМИН

ЗВЕЗДА, ПОГЛОЩЁННАЯ ТУМАННОМ

Известный мыслитель, прогнозируя грозные потрясения, видел на горизонте XX века появление нового Данте – воплощение духа революционной эпохи, нового гуманизма. И вот уже XXI век листаёт свои страницы. Предсказываемый «новый Данте» не назван. Ассоциация возникает почти интуитивно – Маяковский (?).

Условность такого сопоставления очевидна. Всемирно известный русский поэт-футурист наверняка не дотягивает до великого флорентийца. Но в их наследии, повествовании, мировоззренческих позициях так много общего. Их судьбы созвучны. Историческая весомость вклада в сокровищницу мировой культуры неоспорима. И мы, потомки «агитатора, горлана, главаря», чтим память о нём, конечно же, не за революционно-большевистское миссионерство.

Проблематика, художественные образы, стиль и гражданский пафос, а также надрыв лирического «Я» В. Маяковского ещё недостаточно проанализированы специалистами, свободными от партклассовых и соцреалистических шаблонов. Современное социально-этическое прочтение открывает нам не митингового поэтического якобинца, а социального мыслителя, принадлежащего мировой культуре.

Вспоминаем начало одного только стихотворения: «Александр Сергеевич, разрешите представиться. Маяковский». Не слишком ли домашнему, заносчиво навязывает он своё знакомство орфею слова, неповторимому властелину изысканного ямба – Пушкину. Наверное. И зачем? Ради саморекламы, для собственной славы за счёт прикосновения к «нерукотворному памятнику»? Думать так – большая ошибка.

Родился в 1941 г. на Сумщине. Окончил журфак и философскую аспирантуру Львовского государственного университета им. И. Франка, докторантуру в Прикарпатском университете им. В. Стефаника. Работал старшим научным сотрудником Института философии НАН Украины. Доцент кафедры философии Прикарпатского университета им. В. Стефаника. Научные исследования осуществляет в областях социальной философии, этики, философской антропологии, социологии личности. Автор книг: «Світогляд і самовдосконалення особи» (1985), «Формирование коммунистической убеждённости личности» (1983), «Грани социальной зрелости» (1985), «Разум и вещи» (1989), «Духовні цінності українського народу» (1999, в соавторстве). Соавтор ряда коллективных монографий.

«Свидание» это глубоко символично. Это форма самонисповеди, способ выражения и самопроверки жизненного и эстетического кредо. В наследии поэта нетрудно найти выступления, диалоги, реплики, меченные отрицательной силой, отгаликивающей самоакцентуацией. Но это видимость. Истина в другом, глубже, драматичнее. Из той глубины веет угнетающей фатальностью. Одинокому всё – пустыня, как-то обронил М. Горький. Случайно или неизбежно, это роковое состояние было присуще В. Маяковскому. «Нет людей. Понимаете крик тысячедневных мук? Душа не хочет немая идти, а сказать кому?». И ещё: «Граждане люди! Кто вы? Вот – я, весь боль и ушиб. Вам завещаю я сад фруктовый моей души». Возможно, именно в таких откровениях следует искать истину поэта.

Кумир пролетарской толпы и отверженный, свободомыслящий и признавший высшую ценность христианского благочестия – всё это присутствовало, сосуществовало и боролось в его душе. «Вы мне – люди, И те, что обидели, Вы мне всего дороже и ближе, Видели, Как собака бьющую руку лижет?». Однако эти нежные мотивы чуткого сердца заглушал могучий голос, перегруженный бронированной ритмикой, извращая его неординарную, чистую личность.

Подавляя горькую обиду на всяческие измышления, В. Маяковский деликатно отбивался: «Я – нахал. Я – ученик. Я – извозчик... Я – рекламист... Я – ...», – но вы прочтите совершенно незнакомого двадцатилетнего поэта В. Маяковского!..

Судьба, нравственно-мировоззренческие искания поэта и сегодня созвучны духовным проблемам человека, помогают осознать весь драматизм нашего времени, устыдиться дефицитов духовного общения, взаимопонимания, здорового аскетизма и сострадания. Чем больший космос души, тем большая и потребность в бескорыстном, взаимоободряющем общении и поддержке. Как не понять крутые выражи в судьбе поэта, если и нам сегодня так не хватает того же отблеска родственных душ.

Круг осмысления всех проявлений жизни невероятно широк. Гармонии между «я» и «мир» не было. Сей диссонанс ещё в юности приобрёл трагическую окраску. В прологе к поэме «Флейта-позвоночник» читаем: «Всё чаще думаю – не поставить ли точку нули в своём конце...». Тогда, в 1915 году, этого не случилось... Как человек ранимый, склонный к глубоким рефлексиям, В. Маяковский пребывал в состоянии перманентного душевного кризиса. Как социально ориентированный и политически zaangażированный гражданин, он оказался слишком стойким и жизнеспособным. Врождённый борец. Блестящий оратор. Изобретательный полемист, свободомыслящий. Поэт фанатично верил в человеческий разум. Безграничны его стремления принести обществу наибольшую пользу, послужить добру и миру, антагонистическим идеалам, содействовать приближению к подлинной красоте.

Можем спорить об отношении В. Маяковского к высокому классическому искусству в контекстах тогдашних социальных процессов и тенденций. Но можем и должны быть едины в оценке понимания им призвания искусства, его нравственно-мировоззренческой сущности. «Искусство, – писал он, – свободная игра познавательных способностей. Это единая и вечная задача...». Легко ли было осуществлять

это тогда, когда физиономией времени был, по определению поэта, «вульгарный реализм», когда «двойной пожар войны и революции опустошил наши души и наши города», а положение культуры в «области искусства» дошло до полного болота.

То, что думал В. Маяковский о современном ему духовном апокалипсисе, слишком поучительно и понятно вопиющим в XXI век. Это, к большому сожалению, отражает наш собственный опыт, далеко не всеми замеченный. Рыночный спрос становится у многих мерилом ценности явлений культуры, с горечью констатировал поэт. Острый глаз его схватывал то положение, когда «при слабой способности покупать венцы культуры, мерило спроса часто заставляет людей искусства заниматься... невероятно простым приспособленчеством к сквернейшим вкусам...».

Несмотря на явную исходную раздвоенность души поэта, его недовольство собой, обществом, культурой, его жизнь и творчество до 1917 года напоминают прекрасную интродукцию в грандиозной поэтической оратории его последующего триумфального служения идее социалистической революции. Он остро чувствовал близость «большевистского пришествия». Это было и его посвящение.

Семнадцатый год – фатальная вежа в мире и судьбе поэта. Без колебаний, дерзко, искренне бросил: «Моя революция». Ушло одиночество. Его аудитория – площадь, слушатель – массы обездоленного люда, идея – «свята», критерий истины – близость к Ленину, преданность ему, ближайшая и конечная цель – «плыть в революцию дальше». Возрастающее признание и социальное «служение» исцеляли душевные раны.

Пролетарии, коммунисты, вождь – три вдохновляющие символы, завладевшие всем существом поэта. «Я всю свою звонкую силу поэта тебе отдаю, атакующий класс» – политическая декларация В. Маяковского. Общественный круговорот, в который поэт жертвенно швырнул сам себя, стал его неудержимой фистекой, из которой либо выходят победителем, либо... выносятся.

Во всяком случае, неосмотрительно поэту такого этического ранга отдавать свой гений в приложение к привлекательным, но недостаточно реалистичным лозунгам и доктринам. Доктринализм всё равно переходит в стадию тоталитаризма и, стало быть, становится тюрьмой для поэта как «активного бойца партии». И уже не столь важно, что у него в руках – перо или настоящий штык. Либо – партиз, либо – «против нас».

Но тот, кто «сегодня поёт не с нами», не обязательно «против нас». Отнюдь. Особенно тогда, когда вместо знания внушилась вера. А кому не внушилась?..

В. Маяковский считал, что:

Наша
в коммуны
не иссякнет вера.
Во имя коммуны
жмись и мнись.
Каждое сегодняшнее дело
меряй,

как шаг

в электрический,

в машинный коммунизм.

Этот коммунизм, конечно, никак не ассоциируется «с человеческим лицом». Кроме «совласти плюс электрификации», кроме «я», слившихся в «несокрушимое “Мы”», всё прочее «легко улаживается» с помощью партийного, а, может быть, чекистского «зонта».

Поэт с глубоко экзистенциальной натурой, В. Маяковский не мог не чувствовать, что зашёл слишком далеко в проповеди «неиссякаемой веры». Довольно смелые полемические выпады против большевистского златоуста А. Луначарского, к тому же ближайшего сподвижника В. Ленина, министра-гуманитария, к тому же блестящего знатока и толкователя искусства – это уже не случайность. О махровых «бюрократах», «прозаседавшихся», «проворовавшихся», «омещанившихся» до умопомрачения, о «блядах с хулиганами» и пр. можно не вспоминать.

Доступное даже обыкновенному читателю собрание сочинений поэта позволяет отслеживать его человеческое и поэтическое бытие с предчувствием тяжелого исхода. Видно, поздно понял поэт, что, кроме «вульгарного реализма» есть реализм этический, который зиждется на естественной нравственной одарённости человека. И этот реализм «великой души» не мог без конца бояться «предать» столь же великую политическую веру.

Наверное, самым трудным для В. Маяковского было сказать открыто, что в опасности оказалась даже не столько «республика искусств», не «слово, краска и звук», а самая главная, стратегическая цель революции – человек, способный решиться остаться вне толщи «сгрудившихся малых», не согласиться быть волоском на многомиллионной партийной ручище.

Одной из наиболее понятных причин личной трагедии В. Маяковского можно предполагать всепроникающую политизацию его мировоззрения. Он слишком социалист. Идея «светлого коммунистического будущего» исказила его миропонимание, ослабила чувство реальности, подорвала основы духовного «самостояпия».

По собственному признанию, поэт «возненавидел сразу всё древнее, всё церковное и всё славянское. Возможно, что отсюда пошли и мой футуризм, и мой атеизм, и мой интернационализм». Идеология классово-борьбы двух систем морали и культуры сделали ненависть доминантой мироотношения. Поэт не только обрекает себя на непосильное «двойничество», но и отрицает, в сущности, значение личных начал, экзистенциальных предпосылок в поэзии. Отношение к традициям, к источникам самосознания, и эстетического в частности, со временем изменялось, но политический джингоизм пустил слишком глубокие корни. В РОСТе и ЛЕФе, в других организациях В. Маяковский не находит адекватных его душевным качествам и художественным критериям условий. Коллизийность отношений с миром возрастала из года в год. Ему трудно давались компромиссы. Он отдавал предпочтение человеку. Личность надо уважать, повторял он при удобном случае. С другой стороны, выступая против упадочных настроений среди молодёжи («есенинщины»), он громогласно

вопрошал: «сделал ли ты из своих стихов или попытался сделать оружие класса, оружие революции (Аплодисменты)». И далее уже почти в партийно-назидательном тоне: «если ты даже окапутился на этом деле, то это гораздо сильнее, почётнее, чем хорошо повторять: Душа моя полна тобой, а почва такая лунная (Аплодисменты)».

Обратим внимание, в каких местах взрывались аплодисментами. Это так похоже на наше более позднее «одобряем-с» и «осуждаем-с».

Личность, независимая духовно и склонная к самоанализу, просто невыгодна тоталитарной системе. В. Маяковский рано или поздно должен был стать чужим системе. Дух поэта с годами всё больше входил в противостояние. Галерея негативных типов его поэзии свидетельствует о неминуемом кризисе веры, о внутренней растерянности, размытости этических ориентиров. Саркастическое высмеивание личных недостатков решительно и всё более откровенно переходило на уровень беспощадной социальной критики. Дожил бы поэт до времён наших советских 60-х минувшего века, и назвали бы его «очернителем, подрывающим устой...».

Не исключено, что в те времена поэта могли назвать и украинским (!) националистом. Ведь в прекрасном стихотворении «Долг Украине» он с возмущением и сарказмом говорит об игнорировании украинской культуры. Её знание для многих в России не выходило за пределы понятий «украинский борщ», «украинское сало», «казацкие шаровары» и двух известных Тарасов. Поэт писал: «Говорю себе: товарищ москаль, на Украину шуток не скаль». Есть тут и другое, куда более серьёзное предостережение имперцам: «Трудно людей в одно истолочь, собой кичись не очень...». Не только остроумные, но и достаточно уместные предостережения. Не прислушались...

Краспоречивое высказывание А. Платонова не лучше ли всего иллюстрирует трагедию В. Маяковского: «Вера в заблуждение постепенно обессиливает и умерщвляет верующего человека». Сначала вера в коммунистический рай на земле, слепое поклонение кумирам, позже патологическая ненависть к классовым врагам неоправдано исказили высокий поэтический талант, а затем испенелили саму жизнь. Рай для человечества, которого искренне, пламенно и бескорыстно жаждал поэт, оказался личным адом. «Точка в своём конце» поставлена пулей. Угасла свеча в начале тоннеля. Туманом веры поглощена звезда.

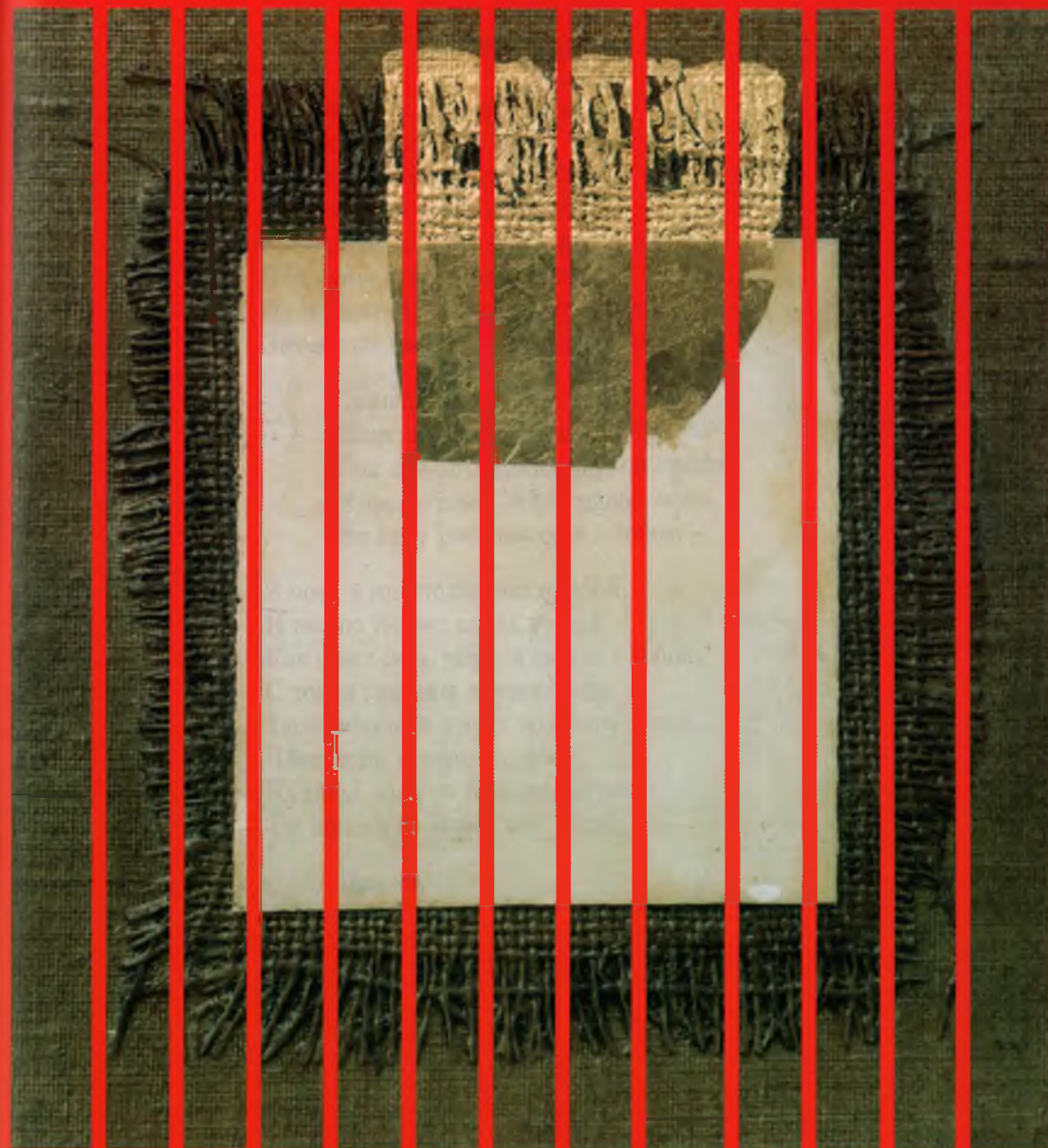
Р. С. Владимир Маяковский:

В этой жизни
помереть
не трудно.
Сделать жизнь
значительно трудней.

Сергей Есенин:

В этой жизни умирать не ново,
Но и жить, конечно, не новей.

А В Т О Р С К А Я П Е С Н Я

А В Т О Р С К А Я П Е С Н Я

МОРЕ

Собирает следы морская волна
 И унесит в далёкое море,
 Освящает дорогу золотая Луна,
 А на помощь зовёт себе звёзды.
 Море, нам есть что друг другу сказать,
 Под пенье твоё замирает душа,
 На волнах лучи начинают играть,
 Звучит песня моя, и молкнет волна.

Припев:

Море, я сегодня пою для тебя,
 Под оркестр ярких звуков прибоя.
 Море, слушай, море родное, меня,
 Не хочу расставаться с тобою.

Я пою, а мне подпеваает прибой,
 И песню уносят вдаль волны.
 Как счастлива, море, я вместе с тобой,
 С тобой связаны лучшие годы.
 Твои волны и хруст золотого песка,
 Чаек крик и пенье прибоя,
 Купанье звёзд и большая Луна, –
 Ты навеки со мной, моё море.

Припев.

ЮРИЙ НОВИКОВ

ЧУДАК

Родился в 1933 г. в Брянске. Преподавал в высших учебных заведениях Ивано-Франковска. Кандидат экономических наук. Председатель Клуба авторской песни, лауреат многочисленных песенных конкурсов.

Кто может бег реки остановить?
Чудак!
Кто может вдруг вселенную испить?
Чудак!
Кто может счастье вдохновения познать?
Чудак!
Кто может лилию зимой искать?
Чудак!
Кто не понятен ни себе, ни им?
Чудак!
Кто в вечном поиске душевного волнения?
Чудак!
Кто создал все великие творенья?
Чудак!

О, если б на плашете вдруг не стало
чудаков?
Над всей Вселенной был бы звон оков!

РУСЬ ПРАВОСЛАВНАЯ

Плывёт звон над старой и ветхой церквушкой,
Плывет, словно предков монах голоса,
И светловолосая Русь, как старушка,
В едином порыве глядит в небеса.
И слышится в звоне том: «Нас не забудь!
Мы жили в том звоне и с ним умирали,
И если бы мы не прошли крестный путь,
То вы, кем вы есть, никогда бы не стали.

Припев:

Дин-дон, дин-дон –
Плывет над Русью вечный звон.
Дин-дон, дин-дон –
Как много сердцу значит он.
Дин-дон, дин-дон –
Как будто предков слышу стон.
Дин-дон, дин-дон.
Примите мой земной поклон.

И если б Владимир дорогою пыльной
Твоих пра-пра-прадедов в Днепр не загнал,
То, может быть, Невский на площади мыльной
Совсем не туда, не туда поскакал.
И если б Донской приклонил Магомету
Колено и в гневе не выхватил нож,
То, может быть, Русь давно канула в Лету.
А ты, светло-русый, как видишь, живёшь.

Припев.

И пра-пра-прабабки в углу пред иконой
Молились за дедов во все времена.
И может быть, слышишь сейчас перезвоны,
Что вера церковному звону дана.
Есть Бог или нету – вопрос не из главных,
Об этом сегодня судить не берусь.
Но знаю я точно – я весь православный,
Как ты православная, матушка Русь.

Припев.

СТАРЫЕ РУКИ

Годы прошли, как облака, годы умчали,
Только в руке дремлет рука в тихой печали:
И нету любви, и мало надежд, и в пальцах лишь вечность.
Но к этой руке, старой руке вся моя нежность.

Припев.

Старые руки, женские руки, море безбрежности.
Сколько любви в вас, сколько в вас муки
и сколько в вас нежности.
Вы нас встречали, вы провожали взмахом крыла...
Женские руки, мамыны руки, руки добра.

Часто болят, тускнеет вдруг взгляд, морщит ладонь.
Ты их возьми, губами прильни, тихо их тронь.
Взглядом своим, дыханьем своим нежно согрей.
Старые руки, женские руки, руки всех матерей.

Припев.

АНАТОЛИЙ ПОПЛЮЙКО

ЗИМОЙ В КАРПАТАХ

А мы идем – все снег и снег,
Вокруг пушистый, белый снег.
Снег на емереках, на троне,
Снег у тебя на голове!

Припев:

Кто хочет в сказке побывать –
Карпаты должен повидать,
Где подо льдом, между камней,
Шумит серебряный ручей.
Карпаты, Карпаты,
Где подо льдом, между камней,
Шумит серебряный ручей.

На полонинах рассвело,
Пути-тропинки замело,
Но мы проложим новый след –
Для нас преград сегодня нет!

Припев.

Недолговечен лыжный след,
Весна придет – его уж нет.
Но где бы ни был я – всегда
Моя мечта летит сюда.

Припев.

Родился в 1949 г. в Ивано-Франковске. Окончил Ивано-Франковский институт нефти и газа. С 1999 г. работает в Ивано-Франковском Национальном техническом университете нефти и газа доцентом на кафедре теоретических основ геологии. Кандидат геолого-минералогических наук.

ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Мягкий солнечный луч по-осеннему листья согреть.
Дуновение ветра на рассвете их вновь оживит.
И мне новые песни опять ветерок тот навест.
И куда-то опять за мечтою меня поманит.

Осень, где ты нашла этот тон, этот цвет, эту меру?
Осень, как ты смогла сохранить эти краски огня?
Прихожу я к тебе, исповедаться тихо и с верой.
И с собою себя примирить в нежных бликах костра.

То что было – прошло, то что будет – у сосен не спросишь.
Равновесие сил окружило незримой стеной.
Все дороги сошлись у костра моего в эту осень
И отсюда пока не идёт никуда ни одной.

За чертой путь открыт – дожидается первого шага.
Как налево пойдешь – там заманит надежды тропой.
А направо пойдешь – заметет все дорожки обратно.
Ну, а прямо пойдешь – все закрыто дождей пеленой...

Мягкий солнечный луч по-осеннему листья согреть.
Дуновение ветра на рассвете их вновь оживит.
Пусть мне новые песни опять ветерок тот навест.
Пусть куда-то опять за мечтою меня поманит!

КОСТЁР

Костер – дружище, опять мы вместе,
И снова «поле» у нас с тобой,
И нам легко, и нам не тесно,
Костер – дружище, товарищ мой.

Пусть кто-то скажет: «Не в этом дело»,
Что это греет огонь простой.
Ведь душу пламя согреть успело.
Костёр – дружище, товарищ мой.

Костры ещё не устарели –
Гореть, не угасать кострам.
На самых дальних параллелях
По вечерам и по утрам.

С Е Р Г Е Й Т Ю П А

НА ВСЕ ЧЕТЫРЕ СТОРОНЫ

Немало было сказано, немало было спето
На все четыре стороны ушли мои слова.
Что было от себя во мне, что было от поэта
На все четыре стороны ушло под три черта

На все четыре стороны,
На все четыре ветра...

И было так всё правильно, и весело и смело,
И рифмы с неба падали, мелодия плыла,
И дружно подпевали все, кто в лад, кто неумело
Я не заметил в шуме том, как музыка ушла

На все четыре стороны,
На все четыре ветра...

Дороги все проложены, и сделано полдела
И видно далеко вперед, и нет помех в пути.
Но значит, что не всё ещё внутри меня сгорело,
Когда так часто хочется от этого уйти

На все четыре стороны,
На все четыре ветра...

ГОРОД МОЙ

Где-то вдвоём с тобой – иллюзией
На фоне созвездий
Где-то вдвоём с тобой – иллюзией...

Лёгкие шаги на сырой пыли
Остынут следом
Я забуду все, так забудь и ты
Что было где-то...

Где-то вдвоём с тобой – иллюзией
На фоне рассвета
Где-то вдвоём с тобой – иллюзией...

ЕСЛИ ТЫ ОДИН

Если ты один –
Эту песню пей
Лишней поты не пролей,
Буги-вуги, хэй

Струны прижимать
Стало тяжелей
Громко петь уже больней
Буги-вуги, хэй

Всё равно, как и что
Важно лишь, рядом кто
Возьми мою кружку,
Налей мне вина...
И пускай не “Клико”,
А портвейн – граммов сто,
Нальёшь его ты,
А не кто-то другой

Если ты один,
То в один из дней
Просто вспомни, что важней
Буги-вуги, хэй

Всё равно, как и что
Важно лишь, рядом кто
Возьми мою кружку,
Налей мне вина...
И пускай не “Клико”,
А портвейн – граммов сто,
Нальёшь его ты,
А не кто-то другой

ПЁТР ФЕДОРОВ

Не говорите мне, мадам, так искренно,
Что Вы как прежде любите меня
И не смотрите мне в глаза так пристально,
В них не найдёте прежнего огня.

В них только холод, бездна бездушевная,
Печать усталости, немой покой,
В них боль потухшая, до ныне незабвенная
И крик души, нетёрзанной тоской.

Я знаю, мадам, что игра наших чувств
Лишила вас сна и покоя,
И в сердце вселилась томящая грусть,
Что, увы, Вы уже не со мною.

Вы сами, стгорая, хотите чтоб я
Горел вместе с Вами лучиной,
Вам хочется ласки, любви и тепла
С любимым, желанным мужчиной.

Вам хочется время назад повернуть,
Теперь оценив всё бывшее,
Готовы Вы в жизни исправить свой путь,
Приняв наказание любое...

Не стоит, мадам!... Всё стгорело дотла!...
Вы сами сожгли всё, не зная,
Что в жизни наступит такая пора,
Когда надо жить не играя.

Вы были актрисой, увы, не плохой,
Любил Вас тогда я безумно,
Безумно влюблённый, безумно слепой
Тогда доверял Вам бездумно.

Но вовремя Вы охладили мой пыл,
Другому отдав предпочтение,
Небрежно с ухмылкой, о всём позабыв
Без всякого там сожаленья.

Любовь Вы делили, как хлеба кусок
Всем страждущим без исключения
От Вас получил я коварства урок
И нет Вам навеки прощенья...

Простите, что правду сейчас говорю,
Но лгать не хочу, не умею.
Вы уж извините, я Вас не люблю,
О чем ни на миг не жалею.

Родился в Микитинцах под Ивано-Франковском. Президент городского клуба авторской песни «Приспів». Печатался в периодике и «Альманахе» Клуба любителей славянской поэзии.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

От составителей	3
Обособление Ткапи (<i>предисловие Владимира Ешкилева</i>)	5

ПОЭЗИЯ

Игорь АНДРУСЯК	11
Наталья АСАТУРЯН	13
Наталья БАБЕНКО	15
Даниил БЕЛОДУБРОВСКИЙ	20
Вадим ВОЛКОВ	21
Сергей ГАЛУШКО	31
Оксана ГАЛЬКО	33
Оксана ГОВЕРА-СВИСТЯК	35
Леонид ГОЛЬДШТЕЙН	36
Александр ГОРДОН	40
Олег ГУЦУЛЯК	43
Ирина ДАРМОРОЗ	48
Владимир ЕШКИЛЕВ	50
Любовь ЗОРИНА	69
Юрий ИЗДРЫК	71
Леся ИКАЛЮК	74
Владимир КАНЮС	75
Юлия КИРИЛЮК	79
Ярослав КОЗЕМЧУК	80
Игорь КОЗЛИК	84
Игорь КОСОВИЧ	87
Марина КРИВОРОТОВА	90
Татьяна КУТУЗОВА	94
Оксана-Диана КУЦАК	96
Лилия ЛЕВАНДОВСКАЯ	98
Ольга МАРЧЕВСКАЯ	100
Жанна МОИСЕЕНКО	101
Александр МОРУШКО	102
Руслана МЫРОНЮК	104
Генриетта НАКОНЕЧНАЯ	106
Олег ПАВЛЕНКО	107
Степан ПАВЧАК	109
Станислав ПОЛЯКОВ	111
Андрей ПУСТОГАРОВ	115
Кирилл РУБАНОВСКИЙ	118
Василь РЯБЫЙ	120

Марина САДОВАЯ	124
Ольга СОКОЛОВА	126
Юрий СУЛТАНОВ	131
Дмитрий СУХОДОЛЬСКИЙ	143
Светлана ТЕРЕХОВА	146
Евгений ТИХОНСКОЙ	150
Лидия ТЛУСТЕНКО	153
Сергей ТЮПА	156
Ольга ФЕДОРУК	158
Алексей «Лёпа» ФОМИЦКИЙ	161
Александр ХИМЧЕНКО	166
Елена ЧУДИНОВСКИХ	170
Александр ЧУЛКОВ	172
Стефания ШКАНДРИЙ	175
Орыся ЯХНЕВИЧ	178
Марат ЯХНИС	180

ПРОЗА И ЭССЕИСТИКА

Марина АРКАТОВА	181
Картина	181
Наваждение	184
Сказка	187
Ночные зарисовки	190
Ирина БАСС	194
Жалость	194
Олег ГУЦУЛЯК	198
Афоризмы и «максимы»	198
Владимир ЕШКИЛЕВ	204
Ошибки называния	204
Книга и бескнижие	207
Игорь КЛЕХ	213
Введение в галицийский контекст	213
Аксенин как культурный враг	218
Костёл на Привокзальной. Галицийский мотив	220
Где шпипо?	226
Теорема о классах «А» и «Б»	228
Задворки просвещения	234
Елена ПРОДАНИЮК	238
Дом зеркал	238
Андрей ПУСТОГАРОВ	241
Царица змей	241
Глупый Чан	243
Чаттуранга	244
Русская история	247

ПЕРЕВОДЫ

Олег ГУЦУЛЯК	249
Ян ИЗМАЙЛОВСКИЙ	262
Ольга ЦИВКАЧ	264

ФИЛОЛОГИЯ ПЛЮС

Яков БЫСТРОВ	
Семантика инвариантных образов в русском поэтическом тексте	269
Олег ГУЦУЛЯК	
К бытию в соответствии с природой (Пути поиска “новой гармонии”)	273
Владимир ЕШКИЛЕВ	
Шестидесятники – мистерия справедливости	281
Этот мягкий шестнадцатый номер	285
Игорь КОЗЛИК	
Споры об искусстве сегодня (субъективные заметки)	288
Светлана КОРШУНОВА	
Читай Пушкина	295
Павел МАКСИМОВ	
Исторические и литературные источники “Сказки о царе Салтане...” А. С. Пушкина	298
О происхождении имён главных героев романа А. С. Пушкина “Евгений Онегин”	302
Юрий НИКИФОРОВ	
Сравнительный структурный анализ рассказа Л. Андреева “Вор”	306
Марк ТЕПЛИНСКИЙ	
“Главное – надо быть справедливым...” (уроки сахалинского путешествия А. Н. Чехова)	314
Владимир ФОМИН	
Звезда, поглощённая туманом	319

АВТОРСКАЯ ПЕСНЯ

Любовь ЗОРИНА	325
Юрий НОВИКОВ	326
Анатолий ПОПЛЮЙКО	329
Сергей ТЮПА	331
Пётр ФЕДОРОВ	333

З М І С Т

Від упорядників	3
Відокремлення Рядна (<i>передмова Володимира Єшкілева</i>)	5

ПОЕЗІЯ

Ігор АНДРУСЯК	11
Наталія АСАТУРЯН	13
Наталія БАБЕНКО	15
Данііл БЕЛОДУБРОВСЬКИЙ	20
Вадим ВОЛКОВ	21
Сергій ГАЛУШКО	31
Оксана ГАЛЬКО	33
Оксана ГОВЕРА-СВИСТЯК	35
Леонід ГОЛЬДШТЕЙН	36
Олександр ГОРДОН	40
Олег ГУЦУЛЯК	43
Ірина ДАРМОРОЗ	48
Володимир ЄШКІЛЕВ	50
Любов ЗОРИНА	69
Юрій ІЗДРИК	71
Леся ІКАЛЮК	74
Володимир КАНЮС	75
Юлія КИРИЛЮК	79
Ярослав КОЗЕМЧУК	80
Ігор КОЗЛИК	84
Ігор КОСОВИЧ	87
Марина КРИВОРОТОВА	90
Тетяна КУТУЗОВА	94
Оксана-Діана КУЦАК	96
Лілія ЛЕВАНДОВСЬКА	98
Ольга МАРЧЕВСЬКА	100
Жанна МОЙСЕЄНКО	101
Олександр МОРУШКО	102
Руслана МИРОНІЮК	104
Генрієтта НАКОНЕЧНА	106
Олег ПАВЛЕНКО	107
Степан ПАВЧАК	109
Станіслав ПОЛЯКОВ	111
Андрій ПУСТОГАРОВ	115
Кирило РУБАНОВСЬКИЙ	118
Василь РЯБИЙ	120

Марина САДОВА	124
Ольга СОКОЛОВА	126
Юрій СУЛТАНОВ	131
Дмитро СУХОДОЛЬСЬКИЙ	143
Світлана ТЕРЕХОВА	146
Євген ТІХОНСКОЙ	150
Лідія ТЛУСТЕНКО	153
Сергій ТЮПА	156
Ольга ФЕДУРУК	158
Олексій “Льона” ФОМІЦЬКИЙ	161
Олександр ХІМЧЕНКО	166
Олена ЧУДИНОВСЬКИХ	170
Олександр ЧУЛКОВ	172
Стефанія ШКАНДРІЙ	175
Орися ЯХНЕВИЧ	178
Марат ЯХНІС	180

ПРОЗА Й ЕСЕЇСТИКА

Марина АРКАТОВА	181
Картина	181
Мара	184
Казка	187
Нічний малюнок	190
Ірина БАСС	194
Жалість	194
Олег ГУЦУЛЯК	198
«Максими» й афоризми	198
Володимир ЄШКІЛЄВ	204
Помилки називання	204
Книга і безкнижжя	207
Ігор КЛЕХ	213
Вступ до галицького контексту	213
Аксипін як культурний ворог	218
Костел на Привокзальній. Галицький мотив	220
Де шпингун?	226
Теорема про класи «А» і «Б»	228
Задвірки просвіти	234
Олена ПРОДАНЮК	238
Дім дзеркал	238
Андрій ПУСТОГАРОВ	241
Цариця змії	241
Дурний Чан	243
Чаттуранга	244
Російська історія	247

ПЕРЕКЛАДИ

Олег ГУЦУЛЯК	249
Ян ІЗМАЙЛОВСЬКИЙ	262
Ольга ЦІВКАЧ	264

ФІЛОЛОГІЯ ПЛЮС

Яків БИСТРОВ	
Семантика інваріантних образів у російському поетичному контексті	269
Олег ГУЦУЛЯК	
До буття у відповідності з природою	
(Шляхи пошуку “нової гармонії”)	273
Володимир ЄШКІЛЄВ	
Шістдесятники – містерія справедливості	281
Цей м’який шістнадцятий номер	285
Ігор КОЗЛИК	
Суперечки про мистецтво сьогодні (суб’єктивні нотатки)	288
Світлана КОРШУНОВА	
Читайте Пушкіна	295
Павло МАКСИМОВ	
Історичні та літературні джерела “Казки про царя Салтана...”	
О. С. Пушкіна	298
Про походження імен головних героїв роману	
О. С. Пушкіна “Євгеній Онегін”	302
Юрій НІКІФОРОВ	
Порівняльний структурний аналіз оповідання	
Л. Андрєєва “Злодій”	306
Марко ТЕПЛІНСЬКИЙ	
“Головне – треба бути справедливим”	
(Уроки сахалінської подорожі А. П. Чехова)	314
Володимир ФОМІН	
Зірка, поглинута туманом	319

АВТОРСЬКА ПІСНЯ

Любов ЗОРІНА	325
Юрій НОВІКОВ	326
Анатолій ПОПЛЮЙКО	329
Сергій ТЮПА	331
Петро ФЕДУРИВ	333

C O N T E N T S

From Compilers	3
Sackcloth Isolation (<i>Preface of Vladimir Yeshkilev</i>)	5

POETRY

Igor ANDRUSYAK	11
Natalya ASATURYAN	13
Natalya BABENKO	15
Daniil BELODUBROVSKY	20
Vadim VOLKOV	21
Sergey GALUSHKO	31
Oksana GALKO	33
Oksana GOVERA-SVISTYAK	35
Leonid GOLDSHITEIN	36
Alexander GORDON	40
Oleg GUTSULYAK	43
Irina DARMOROZ	48
Vladimir YESHKILEV	50
Lubov ZORINA	69
Yuriy IZDRYK	71
Lesya IKALIUK	74
Vladimir KANIUS	75
Yuliya KYRYLIUK	79
Yaroslav KOZEMCHUK	80
Igor KOZLYK	84
Igor KOSOVICH	87
Marina KRIVOROTOVA	90
Tatyana KUTUZOVA	94
Oksana-Diana KUTSAK	96
Liliya LEVANDOVSKAYA	98
Olga MARCHEVSKAYA	100
Zhanna MOISEYENKO	101
Alexander MORUSHKO	102
Ruslana MYRONIUK	104
Henrietta NAKONECHNAYA	106
Oleg PAVLENKO	107
Stepan PAVCHAK	109
Stanislav POLYAKOV	111
Andrey PUSTOGAROV	115
Kirill RUBANOVSKY	118
Vasyl RYABYJ	120
Marina SADOVAYA	124

Olga SOKOLOVA	126
Yuriy SULTANOV	131
Dmitriy SUKHODOLSKY	143
Svetlana TEREKHOVA	146
Yevgeniy TIKHONSKOY	150
Lidiya TLUSTENKO	153
Sergey THUPA	156
Olga FEDORUK	158
Alexey "Liopa" FOMITSKY	161
Alexander HIMCHIENKO	166
Yelena CHUDINOVSKIKH	170
Alexander CHULKOV	172
Stefaniya SHKANDRIY	175
Orysyia YAKHNEVICH	178
Marat YAKHINIS	180

PROSE AND ESSAY-WRITING

Marina ARKATOVA	181
Picture	181
Obsession	184
Fairy-tale	187
Night Drawings	190
Irina BASS	194
Pity	194
Olyeg GUTSULYAK	198
Maxims and Aphorisms (Imitation of Vladimir Mikushevich)	198
Vladimir YESHKILYEV	204
Nomination Errors	204
Book and Book Absence	207
Igor KLEKH	213
Introduction to the Halitsiysky Context	213
Aksinin as a Cultural Enemy	218
Polish Roman-Catholic Church in Railway Station Square	220
Halitsiysky Motive	220
Where's the Spy?	226
Theorem About "A" and "B" Forms	228
Backwoods of Education	234
Yelyena PRODANIUK	238
Mirror House	238
Andrey PUSTOGAROV	241
Queen of Snakes	241
Silly Vat	243
Chaturanga	244
Russian History	247

TRANSLATIONS

Oleg GUTSULYAK	249
Yan IZMAYLOVSKY	262
Olga TSIVKACH	264

PHILOLOGY PLUS

Yakov BYSTROV Semantics of Invariant Images in Russian Poetic Text	269
Oleg GUTSULYAK To Existence in Accordance with Nature (Search Way of "New Harmony")	273
Vladimir YESHKILEV Those of the 60s – Mystery of Justice	281
This Soft Number Sixteen	285
Igor KOZLYK Art Discussions of Today (Subjective Notes)	288
Svetlana KORSHUNOVA Read Pushkin	295
Pavel MAKSIMOV Historical and Literary Sources of "Tzar Sultan Tale" by A. S. Pushkin	298
About Origin of the Main Characters' Names in "Evgeniy Onegin" by A. S. Pushkin	302
Yuriy NIKIFOROV Comparative Structural Analysis of L. Andreyev's Story "Thief"	306
Mark TEPLINSKY "To Be Just – Is Above All " (Lessons of Chekhov's Sakhalin Tour) ...	314
Vladimir FOMIN The Star Engulfed by Mist	319

BARD SONG

Lubov ZORINA	325
Yuriy NOVIKOV	326
Anatoliy PAPLUYKO	329
Sergiy TIUPA	331
Petr FEDORIV	333

Художнє і наукове видання

Рядно і Ландшафт

*Антологія російськомовної літератури Прикарпаття
(російською мовою)*

Головний редактор проекту В. Л. Єшкілев
Художник В. В. Чернявський
Базова ідея О. Б. Гуцуляка
Передполіграфічна підготовка І. Я. Третьяка
Редакція англomовних текстів В. О. Кравченка
Коректор І. С. Шалкітене

Т 48 Ткань и Ландшафт: Антология русскоязычной литературы Прикарпаття / Гл. ред. проекта В. Л. Ешкилев; Худож. В. В. Чернявский. – Ивано-Франковск: Гостинець, 2003. – 346 с.

ISBN 966-8207-07-6

Антологія "Ткань и Ландшафт" являється першою спробою цілісного представлення всього спектра (Ткань) русскоязычних літературно-текстових практик, здійснених в базовій україноязычній середовищі Прикарпаття (Ландшафт).
Для філологів, культурологів та широкого кола читачів.

Антологія "Рядно і Ландшафт" є першою спробою цілісного представлення усього спектра (Рядно) російськомовних літературно-текстових практик, здійснених в базовому українськомовному середовищі Прикарпаття (Ландшафт).
Для філологів, культурологів та широкого читачького загалу.

The Anthology "Sackcloth and Landscape" is the first attempt to make a complete presentation of the whole spectrum (Sackcloth) of Russian literary text practices realized in the basic Ukrainian language milieu of Precarpathia (Landscape).

The book is for philologists, culturologists and a wide circle of readers.

ББК 84(4Рус)6+83.3(4Рус)+83.07

Підписано до друку 14.10.2003. Формат 70×100/16. Папір крейдований.
Друк офсетний. Умов. друк. арк. 25,33. Тираж 1000.
Видавництво «ГОСТИНЕЦЬ», 76010, Івано-Франківськ,
вул. Короля Данила, 14^б/45. тел. (03422)46801, 45182; (0342)501533

У грудні 2003 року уже буде три роки з того часу, як у Калуші на базі нафтохімічного комплексу ВАТ "Оріана" і за участю інвестора – компанії "Лукойл-Нафтохім" створене закрите акціонерне товариство "ЛУКОР". За цей період вдалося не лише стабілізувати роботу виробництв, які фактично простоювали, але й надати їм друге дихання, вийти на якісно новий рівень роботи. Завдяки наданим компанією "Лукойл-Нафтохім" інвестиціям вдалося досягнути завантаження олефінового виробництва на 80–90% його проектної потужності, поліетиленового виробництва – на 100%.

Значний вплив на ріст обсягу виробництва продукції дали зміни в структурі сировини. Завдяки вжитим заходам вихід етилену збільшився на 15 відсотків і водночас на 25 відсотків зменшилось споживання природного газу. У цілому ж за час діяльності товариства на його виробництвах випуск продукції зріс у 2–4 рази. Сьогодні працюють усі існуючі підрозділи, що забезпечує прибуткову роботу підприємства і відповідний ріст рівня заробітної плати. Вона за цей період зросла більш як у півтора рази.

Суттєве значення для економіки міста, області і в цілому для держави мають і платежі в бюджет та позабюджетні фонди. За 2002 рік ЗАТ "ЛУКОР" сплатило 32,3 млн. грн., в тому числі у місцевий бюджет – 10,2 млн. грн. А за 8 місяців цього року уже надійшло в держбюджет 21,6 млн. грн., а в місцевий – 7,1 млн. грн.

Зважаючи на вигідне географічне положення і тісне партнерство з Європою, ЗАТ "ЛУКОР" став, по суті, вікном у Європу для "Лукойла". Це підтверджує і прямий етиленпровід між ЗАТ "ЛУКОР" та Тисайським хімічним комбінатом, що дає змогу здійснювати поставку етилену на підприємства Угорщини. Водночас залізничним та автомобільним транспортом "ЛУКОР" постачає близько 70 тис. тонн продукції щомісячно в усі країни Західної Європи. Етилен, пропілен, поліетилен, бензол, хлористий вініл, каустична сода й деякі інші продукти у великих обсягах експортуються у такі країни, як Польща, Словаччина, Італія, Бельгія, Словенія, Чехія, Білорусь, країни Прибалтики.

Позитивних результатів на виробництвах досягнуто в першу чергу завдяки впровадженню протягом двох останніх років інвестиційних заходів. У 2001 році згідно з Установчим договором на створення товариства, "Лукойл-Нафтохім" інвестував на оновлення і модернізацію обладнання виробництв 100 млн. гривень. Понад 13 млн. доларів США уже витрачено на ці потреби у 2002 році. На засіданні Спостережної ради підприємства у лютому 2002 року прийнята нова інвестиційна програма розвитку товариства на 2002–2006 роки, виконання якої передбачає освоєння близько 260 млн. доларів США.

На модернізацію олефінового виробництва за останні два з половиною роки було впроваджено цілий комплекс заходів з ремонту печей піролізу, гартувальних апаратів, роторів турбін, градирень, теплообмінного обладнання й іншого. Для впровадження з цього приводу ряду технічних рішень тут передбачається у наступному році використати п'ять мільйонів євро.

Виконання значного обсягу робіт спільно з німецькою фірмою "Лінде" очікується на поліетиленовому виробництві, що дозволить довести його потужність до 160 тис. тонн продукції в рік. Для втілення цього задуму планується освоїти 20 млн. євро.

Передбачається ряд проектів з оновлення обладнання, зокрема проведення ремонту однієї з печей піролізу і на виробництві хлорвінілу. У зв'язку із збільшенням потужностей виробництва хлорвінілу буде модернізоване і приведено до належного порядку виробництво хлору і каустичної соди. У цілому усі ремонтні і реконструкційні роботи обійдуться у 40 мільйонів євро. Основою виконання цих робіт стане впровадження проекту з використання у вигляді сировини галітової руди Домбровського кар'єру.

У липні 2003 року міжнародна незалежна організація Управління ініціативами бізнесу вручила представникам ЗАТ "ЛУКОР" платинову зірку і сертифікат за високу якість у сфері задоволення потреб клієнтів та виробничу майстерність.

Наявні успіхи з виробництва продукції є лише початком великої роботи з підвищення ефективності підприємства, поліпшення його продуктивності, ефективного використання праці кожного члена колективу. ЗАТ "ЛУКОР" є сьогодні членом великої сім'ї "Лукойла", на підприємствах якого давно уже діють сучасні схеми організації роботи. Не механічне скорочення певної кількості працюючих, а оптимізацію їх штату передбачає нова система управління виробництвом, що поступово впроваджується.

Працюючи у системі міжнародної компанії "Лукойл", поступово і працівники ЗАТ "ЛУКОР" матимуть усі ті соціальні блага, які сьогодні мають лукойлівці. Вже тепер виділяються кошти на оздоровлення та відпочинок працюючих, матеріальну допомогу тим батькам, які виховують дітей-інвалідів, впроваджуємо й інші соціальні блага.

Важливе місце відводиться на ЗАТ "ЛУКОР" і благодійній діяльності, розвитку спорту, особливо дитячого. Підтримує його керівництво різноманітних культурно-масових заходів у місті Калуші, області, допомагає церквам, навчальним закладам, правоохоронним органам.

У 2002 році в місті Калуші за кошти товариства була збудована для його жителів котельня. А 17 липня цього року генеральний директор товариства "Лукойл-Нафтохім" Олексій Смирнов і Калуський міський голова Роман Сушко підписали доповнення до уже діючої угоди про довготривалу співпрацю, згідно з якою для комунальних підприємств міста передбачена фінансова допомога в обсязі 4,8 млн. грн. (це на три нові котельні, списання боргів і т.ін.).

Прес-служба ЗАТ "ЛУКОР"

Помещённая в среду обитания украинских семантических практик (причём весьма динамичных) русскоязычная литература Прикарпатья (Ткань) определяется культурно более холодной, чем Ландшафт. И охранительная её составляющая заметнее поисковой и творческой. И дело тут, как представляется теперь, не в социально-исторической конъюнктуре. Ведь каждая стратегия “набрасывания” Ткани на Ландшафт может быть, при минимальных усилиях заинтересованных интеллектуальных сил, прокомментирована как культурная, знаково-семантическая или метафизическая колонизация. Гораздо важнее присутствие “синдрома диаспоры”, сквозное чувство удалённости от материка той культуры, которую привык полагать родной, означающей координаты “своего” и отделяющей это “своё” от “чужого”.

Владимир Ешкилев

